

902.6(041)

П15

ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ БРОНЗЫ И РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

В ДАГЕСТАНЕ

902.64
715

ДАГЕСТАНСКИЙ ФИЛИАЛ АН СССР
ОРДЕНА «ЗНАК ПОЧЕТА» ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ
ИМ. Г. ЦАДАСЫ

ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ БРОНЗЫ И РАННЕГО ЖЕЛЕЗА В ДАГЕСТАНЕ

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН

instituteofhistory.ru

Махачкала
1978

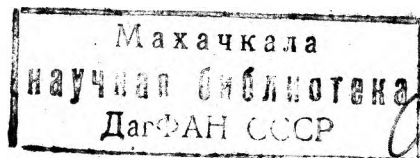
МАТЕРИАЛЫ ПО АРХЕОЛОГИИ ДАГЕСТАНА, т. №8

Ответственный редактор

К. Х. КУШНАРЕВА

Составитель

В. М. КОТОВИЧ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эпоха бронзы и эпоха раннего железа неизменно стоят в центре внимания специалистов. И это — не удивительно, ибо на протяжении этих двух эпох производственная деятельность древнего населения ряда обширных регионов юга нашей страны, включая Кавказ, ознаменовалась чрезвычайно важными достижениями, которые оказали прогрессивное воздействие на процесс их хозяйственного, социального и культурного развития и, в конечном счете, определили переход от первобытного состояния к цивилизации.

В условиях Дагестана необходимость глубокого и разностороннего освещения этого периода усугубляется еще и тем обстоятельством, что относящиеся к ним археологические памятники долгое время оставались чрезвычайно слабо изученными. А это не могло не сказаться на полноте и точности высказанных в разное время разными исследователями оценок путей культурно-исторического и социально-экономического развития исконного населения края на протяжении III—I тысячелетий до н. э. Именно поэтому восполнение имеющихся пробелов путем введения в научный оборот и интерпретации новых археологических и иных источников, уточнение, а порою и пересмотр существующих взглядов, — эти и другие задачи вот уже более двух десятилетий решаются специалистами, изучающими эпохи бронзы и раннего железа в Дагестане.

Тем же целям подчинена и тематика предлагаемого сборника, объединяющего 11 статей дагестанских, московских и ленинградских исследователей. В них рассматриваются различные аспекты истории материальной и духовной культуры местного населения от начала палеометаллической эпохи и до конца эпохи раннего железа.

Сборник открывается статьей М. Г. Гаджиева, в которой рассматриваются каменные орудия труда из раннеземледельческих поселений Дагестана, а также центральных и северо-восточных областей Северного Кавказа. На основе их типологической классификации и анализа

автору удалось наметить три последовательных этапа развития пластинчатой техники изготовления каменных орудий у ранних земледельцев этой части Кавказа и поставить вопрос о вероятности существования в энеолите наряду с южно- и западнокавказским, еще и северо-восточно-кавказского очага своеобразной каменной индустрии. Такая постановка вопроса представляется весьма перспективной и для подобного же рассмотрения других категорий материальной культуры энеолитических памятников этой части Кавказа.

В нескольких статьях данного сборника рассматриваются дискуссионные вопросы. Среди них статья В. Г. Котовича, в которой характеризуется нынешняя проблемная ситуация вокруг определения исторического места и хронологии каякентско-хорчоевской культуры. По особенностям погребального обряда, ведущих типов керамики и металлического инвентаря автор обосновывает ее принадлежность к эпохе средней бронзы. Тем самым окончательно снимает тезис о значительном — стадийном — отставании историко-культурного развития племен Дагестана и, в целом, Северо-Восточного Кавказа во второй половине II тысячелетия до н. э.

Столь же остро дискутируется и проблема так называемого восточного варианта кобанской культуры. На эту тему публикуется статья В. И. Козенковой, где кратко характеризуется нынешнее состояние этой проблемы¹ и приводятся дополнительные аргументы в пользу «традиционной концепции» восточного варианта, которую она дополняет новыми положениями о группировке памятников по гидрогеографическому принципу, о восточной границе, а также о специфически местных и заимствованных компонентах культуры памятников восточного варианта. Все это несомненно будет способствовать окончательному решению данной проблемы, которое, однако, невозможно без учета оценок других исследователей.

Долгое время обсуждается специалистами и вопрос о происхождении (северокавказском или степном — «киммерийском») биметаллических кинжалов и мечей, — одного из ведущих типов оружия, широко распространенного в предскифском периоде на Северном Кавказе, в Юго-Восточной и Центральной Европе. В статье В. Г. Котовича для доказательства их местного происхождения наряду с северокавказскими, впервые привлекаются также дагестанские и закавказские материалы.

Серия статей данного сборника посвящена публикации и историко-культурной интерпретации новых археологических памятников и отдельных находок, анализу конкретных археологических материалов. Так,

¹ Более обстоятельный обзор см.: Виноградов В. Б. Проблема локальных вариантов кобанской культуры на современном этапе исследований. — Изв. СКНЦВШ, Обществ. науки, 1976, № 4, с. 74—78.

в небольшой статье С. Н. Кореневского «О металле эпохи ранней бронзы Дагестана» рассматриваются особенности химического состава металлических изделий из местных памятников второй половины III тысячелетия до н. э. и на этой основе ставится вопрос о возможности зарождения в ту пору дагестанского очага древней металлообработки.

В статье В. М. Котович вводятся в научный оборот материалы Мискинбулакского могильника, — единственного пока в Дагестане полностью раскопанного погребального памятника эпохи поздней бронзы. Основываясь на анализе погребального обряда, а также керамики и металлического инвентаря, автор обосновывает принадлежность его к немногочисленной пока группе памятников этой эпохи. Представляют интерес и публикуемые здесь же материалы из случайно обнаруженного погребения у сел. Инчхе, Казбековского района.

Нескольким своеобразным и интересным погребальным комплексам из недавно обнаруженного вблизи сел. Берикей Дербентского района могильника эпохи раннего железа посвящены статьи О. М. Давудова и ленинградских археологов Л. Г. Нечаевой и В. В. Кривицкого. Судя по особенностям погребального обряда и различных категорий погребального инвентаря, этот могильник оставлен одним из местных дагестанских племен, испытывавшим определенное культурное влияние как со стороны северных — степных, так и южных — закавказских и даже более отдаленных соседей. Особенно интересны выявляемые по керамике южные связи с Восточным Закавказьем и Ираном.

Краткая статья Р. Н. Мирзоева посвящена древнему бронзовому кинжалу, найденному в Дагестане еще в дореволюционные годы, а ныне хранящемуся в ГИМ. Специфические особенности этой находки позволяют видеть в ней еще один образец продукции местных оружейников конца II — начала I тысячелетий до н. э.

Сборник завершают статьи, характеризующие духовную культуру древних дагестанцев. В статье О. М. Давудова рассматриваются некоторые весьма архаичные сюжеты дагестанских сказок, показывающие существование представлений о трехчастном делении мира, равно как и о животных, осуществляющих связь между этими тремя «мирами». Путем сопоставления этих сказочных сюжетов с сюжетами, запечатленными на предметах художественной металлопластики из датированных археологических комплексов, делается первая попытка установления хронологических рамок возникновения подобных сказок, а следовательно, и сложных мировоззренческих представлений в пределах эпохи энеолита до раннего железного века.

В статье А. А. Алихановой публикуются два сохранившихся донные в сел. Мекеги Левашинского района мифологических сюжета о «Кьуне», — существах — покровителях дома, семьи, рода, сопровождаемые предварительной историко-культурной интерпретацией. Эта публикация

увеличивает весьма скромное пока число фольклорных источников, позволяющих исследовать пути сложения ранних идеологических представлений у горцев Дагестана и конкретные формы их проявления.

Как явствует из краткого обзора, содержание статей данного сборника направлено на расширение и углубление наших представлений о палеометаллических эпохах и эпохе раннего железа в Дагестане. По мнению авторского коллектива, тематика публикуемых статей может оказаться интересной не только для специалистов — археологов, историков, этнографов, искусствоведов и фольклористов, но также и для всех тех, кто интересуется древней историей Дагестана и Кавказа.

М. Г. ГАДЖИЕВ

К ВЫДЕЛЕНИЮ СЕВЕРОВОСТОЧНОКАВКАЗСКОГО ОЧАГА КАМЕННОЙ ИНДУСТРИИ РАННИХ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕВ

Более 10 лет прошло с того времени, когда были опубликованы предварительные сведения о Гинчи,— одном из древнейших оседлоземледельческих энеолитических поселений Северного Кавказа¹. Энеолитическая культура Кавказа тогда еще только выявлялась. Представления о ней базировались фактически на материалах нижнего слоя поселения Кюль-тепе у Нахичевани² и нескольких поселений, только что разведанных в Мильскокарабахской степи³. Суммировав еще сравнительно небольшой материал этих памятников, А. А. Иессен определил место этой новой энеолитической культуры Кавказа в кругу переднеазиатских халколитических культур IV тыс. до н. э. восточного («иранского») ареала⁴. Поселение Гинчи мы рассматривали тогда как памятник, представляющий новую для Дагестана и всего Северо-Восточного Кавказа культуру, предшествующую куро-аракской и сложившуюся под воздействием этой восточнокавказской переднеазиатской культуры⁵. Одновременно отмечались своеобразные черты Гинчи, восходящие к местному неолиту⁶, а также ее связи с только что открывавшимися тогда памятниками Закавказья иного северного круга (Шому-тепе, Тойре-тепе), чем Кюль-тепе⁷. При культурном осмыслении Гинчи мы исходили, главным образом, из керамики, которая состояла из грубой и высококачественной, иногда

¹ Гаджиев М. Г. Новые данные о южных связях Дагестана в IV—III тыс. до н. э.—КСИА АН СССР, 1966, №108, с. 55—61.

² Абибулаев О. А. Раскопки холма Кюль-тепе близ Нахичевани в 1955 г.—МИА, 1959, №67, с. 445—451; его же. Некоторые итоги изучения холма Кюль-тепе в Азербайджане.—СА, 1963, №3, с. 157—168.

³ Иессен А. А. Кавказ и Древний Восток в IV—III тыс. до н. э.—КСИА АН СССР, 1963, №93, с. 8—10.

⁴ Там же, с. 13.

⁵ Гаджиев М. Г. Новые данные..., с. 59—61.

⁶ Там же, с. 57, 58.

⁷ Там же, с. 59.

с простой геометрической росписью, неизвестной ранее в Дагестане и имевшей определенные параллели в южных, переднеазиатских культурах расписной керамики⁸.

За прошедшие годы наши знания об энеолитической культуре Закавказья значительно расширились. Количество выявленных и исследованных памятников давно уже перевалило за 50⁹. В научный оборот введено большое количество нового и разнообразного материала, охватывающего почти все сферы развития материальной культуры. В значительной степени уточнился ареал культуры, выявлены локальные варианты, специально разрабатывались вопросы ее периодизации и хронологии, развития строительного дела и архитектуры, проблемы этнической истории и культурных связей и, в целом, исторического места этой новой археологической культуры Закавказья¹⁰. Все это позволяет уже решать вопросы соотношения и связей северокавказского энеолита с закавказским на более солидной источниковедческой базе, чем это представлялось ранее. Представляется возможным выяснить более определенно отношение Гинчи к энеолитической культуре Закавказья и в целом точнее определить его место среди древнейших памятников Кавказа эпохи раннего металла, что является весьма важной для понимания процесса историко-культурного развития населения значительного региона Северного Кавказа. Разумеется, для этого необходимо всесторонне анализировать весь комплекс вещевого инвентаря и другие данные, характеризующие различные сферы материальной, духовной культуры и хозяйства.

Настоящая статья посвящена рассмотрению каменного инвентаря Гинчи. Известно, что, несмотря на наступление эпохи металла, на ее ранних этапах камень служил основным материалом для изготовления орудий и предметов вооружения. В этом отношении Гинчи не составляло исключения. В результате его раскопок получен небольшой, но весьма выразительный комплекс каменных изделий, связанных с трудовой деятельностью и бытом его обитателей. Они изготовлены из кремня, известняка и, в единичных случаях, из обсидиана. Его анализ и классифи-

⁸ Там же, с. 59—60.

⁹ Кушнарера К. Х., Чубинишвили Т. Н. Древние культуры Южного Кавказа. Л., 1970, с. 21.

¹⁰ Энеолиту Закавказья, помимо заметок и статей, посвящен ряд монографических исследований: Кушнарера К. Х., Чубинишвили Т. Н. Древние культуры.; Джавахишвили А. И. Строительное дело и архитектура поселений Южного Кавказа. Тбилиси, 1973; Мунчаев Р. М. Кавказ на заре бронзового века. М., 1975; Джапаридзе О. М. К этнографической истории грузинских племен по данным археологии. Тбилиси, 1976; Кигурадзе Т. В. Периодизация раннеземледельческой культуры Восточного Закавказья. Тбилиси, 1976.

кация значительно расширяют познавательные возможности материалов поселения Гинчи. Они дают весьма ценную информацию для решения поставленных выше вопросов.

При классификации каменного инвентаря поселения Гинчи мы исходили из существующего в советской археологии опыта типологического изучения каменных индустрий раннеземледельческих племен Средней Азии¹¹ и Закавказья¹². В данной статье рассматривается только формально-типологическая классификация, хотя при этом используется терминология функциональной классификации для обозначения изделий определенной формы и специальной дополнительной обработки (скребки, резцы и т. п.)¹³.

В процессе раскопок поселения Гинчи найдено 156 кремневых и 2 обсидиановых изделия, что соответственно составляет 98,74% и 1,26%. Кремнь высококачественный, светлых оттенков: (светлосерый, дымчатый, реже медового цвета). Только два отщепы черного цвета. Обсидиан черный с блестящей поверхностью. Поселение Гинчи находится вне зоны естественных месторождений кремня и обсидиана. Последний был распространен в Закавказье, в Армении и в центральном Предкавказье¹⁴. На Северо-Восточном Кавказе обсидиан не известен. Единичные находки изделий из обсидиана в памятниках эпохи энеолита и бронзы Дагестана, повидимому, закавказского или, что более вероятно, в свете тесных связей Северо-Восточного и Центрального Кавказа в рассматриваемую эпоху, центрально-предкавказского происхождения.

Кремень, который был основным исходным материалом для изготовления изделий в Гинчи, наоборот местного происхождения. Он встречается в меловых и верхнеюрских отложениях горного Дагестана, на территории Левашинского, Акушинского, Гергебильского, Унцукульского, Гумбетовского и Ботлихского, частично Хунзахского и Гунибского

¹¹ Коробкова Г. Ф. Определение функции костяных и каменных орудий с поселения Джейтун.— ТЮТАКЭ, 1960, т. X; ее же. Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии.— МИА, 1969, №158; ее же. Поселение неолитических земледельцев Гиевджик-Депе в Южном Туркменистане.— УСА, 1975, вып. 3, с. 71—72; Массон В. М. Поселение Джейтун. МИА, 1971, №130, с. 28—33.

¹² Коробкова Г. Ф., Кигурадзе Т. В. К вопросу о функциональной классификации каменных орудий из Шулаверис-гора. КСИА АН СССР, 1972, вып. 132, с. 53—58; Аразова Р. Б. Каменные орудия эпохи энеолита Азербайджана. Автореф. канд. дис. Баку, 1974, с. 22—27; Кигурадзе Т. В. Периодизация раннеземледельческой культуры., с. 151—165.

¹³ С целью определения функций часть кремневых изделий Гинчи была изучена трасологически Г. Ф. Коробковой в лаборатории археологической технологии ЛОИА. Функциональной классификации кремневых изделий Гинчи посвящается специальная статья.

¹⁴ Кричевский Е. Ю., Круглов А. П. Неолитическое поселение близ г. Нальчика.— МИА, 1941, №3, с. 59.

Таблица 1

Группы, типы и подтипы	Кол. изделий	% в преде- лах гр.	% в преде- лах типа	% к общему количеству
1	2	3	4	5
Группа 1. Нуклеусы и их обломки	3	100		1,89
а) Аморфные	2			1,26
б) Краевой скол нуклеуса	1			0,63
Группа 2. Пластины и изделия из них				
1. Пластины с односторонней ретушью на двух краях со спинки	27	44,82		17,01
а) с притупляющей ретушью	16	26,56	59,2	10,08
б) с заостряющей ретушью	6	9,96	22,2	3,78
в) с притупляющей по одному и заостряющей по другому краю	3	4,98	11,1	1,78
г) с притупляющей по одному и нерегулярной ретушью по другому краю	1	1,66	3,7	0,63
д) с заостряющей по одному и частичной притупляющей ретушью по другому краю	1	1,66	3,7	0,63
2. Пластины с односторонней ретушью на одном крае со спинки	11	18,26		6,93
а) с притупляющей ретушью	6	9,96	54,54	3,78
б) с заостряющей ретушью	5	8,30	45,45	3,15
3. Пластина с односторонней притупляющей ретушью на одном крае с брюшка	1	1,66		0,63
4. Пластины с выщербинами	5	8,30		3,15
5. Пластины без ретуши	5	8,30		3,15
а) неправильные пластины	5	8,30		3,15
6. Острия	4	6,64		2,52
а) пластины со сходящимися краями, с притупляющей ретушью (острия)	3	4,98		1,89
б) с выделенным жальцем (пластина с притупляющей ретушью по двум краям)	1	1,66		0,63
7. Скребки	5	8,30		3,15

а) концевые	5	8,30	
8. Скребок-скобель	1	1,66	0,63
9. Скол переоформления орудия (пластина с краевой ретушью)	1	1,66	0,63
Итого:	60	100	37,80
в том числе: 1) с вторичной обра- боткой	55	91,30	34,65
Группа 3. Отщепы и изделия из них			
1. Нож с обушком, оформленным резцовым сколом	1	1,30	0,63
2. Скребок	1	1,30	0,63
3. Резец	1	1,30	0,63
а) резец срединный	1	1,30	0,63
4. Отщепы со следами вторичной обработки	18	23,40	11,34
а) с участками ретуши	13	16,90	8,19
б) с выщерблинами	3	3,90	1,89
в) с выемкой	2	2,60	1,26
5. Отщепы без следов вторичной обработки	56	72,80	35,28
Итого:	77	100	48,51
в том числе со вторичной обра- боткой	21	27,30	13,23
Группа 4. Осколки			
а) с ретушью	2	11,10	1,26
б) без ретуши	16	88	10,08
Итого:	18	100	11,34
в том числе со вторичной обра- боткой	2	11,10	1,26

районов¹⁵. Поселение Гинчи находится вдали от верхнеюрских и меловых отложений, и кремьень, по-видимому, поступал туда в порядке обмена от северо-восточных соседей. Поэтому его очень ценили и экономно расходовали. Как установила Г. Ф. Коробкова, поломанные орудия не

¹⁵ Гюль К. К., Власова С. В., Кисин И. М., Тергерев А. А. Физическая география Дагестанской АССР. Махачкала, 1959, с. 50, рис. 21.

выбрасывались, а использовались в иной функции. Нередко кремневые изделия имели по две и даже три функции; в качестве орудий использовались не только пластины и отщепы, но даже осколки.

В коллекции Гинчи много кремня с желвачной коркой. Судя по ним, исходный кремень представлял собой конкреции с известковой коркой или округлые окатанные куски с грубой побитой поверхностью. В таком виде, а не пластинами, кремень встречается непосредственно в меловых и верхнеюрских отложениях, а кремень второго вида — и в руслах рек. Видимо, в таком виде часть исходного сырья поступала на поселение Гинчи, где происходила его обработка. Об этом свидетельствуют не только куски с желвачной коркой, но и другие отходы производства — отщепы, осколки.

Месторождения качественного мелового кремня в Дагестане встречаются довольно редко. Они находятся в частности, в районе современных селений Акуша, Цудахар и др.¹⁶ Это обстоятельство привело к раннему возникновению здесь специальных разработок кремня для обмена. Большое число мастерских по добыче кремня и его первичной обработке, возникших еще в неолите и функционировавших, по-видимому, и в последующее время, известно в Акушинском районе¹⁷.

Кремневые и обсидиановые изделия Гинчи подразделяются на четыре группы: 1) — нуклеусы и обломки; 2) — пластины и изделия из них; 3) — отщепы и изделия из них; 4) — осколки (табл. 1).

К первой группе относятся два нуклеуса и краевой скол нуклеуса, что составляет 1,89% от общего количества изделий. Среди них аморфный нуклеус, — грубое неправильной формы ядрище, с которого в разных направлениях скалывались отщепы (рис. 2, 24). Нуклевидный обломок отличается пирамидальными очертаниями, на его трех краях нанесена крупнофасеточная ретушь (рис. 2, 25). Судя по обилию пластин, ведущее место в кремневой индустрии Гинчи, по-видимому, занимали призматические или конусовидные нуклеусы.

Основными формами заготовок были правильные призматические пластины трехгранного, большей частью четырехгранного сечения, составляющие 38,8% от общего количества изделий (рис. 1, 2). Наиболее распространены средние пластины (ширина 1,5—2 см). Единичны пластины мелкие, шириной 1,0—1,4 см и крупные, шириной более 2,5 см, также редки пластины удлинённой формы: всего 4 цельных экз. длиной 8—9,5 см. Обычны пластины длиной 5—7,5 см. У них, как правило, один или оба конца отломаны, по-видимому, с целью уменьшения кривизны изделия, мешавшей заключению их в оправы. С этой целью на пласти-

¹⁶ Котович В. Г. Каменный век Дагестана. Махачкала, 1964, с. 203.

¹⁷ Там же, с. 198—203.

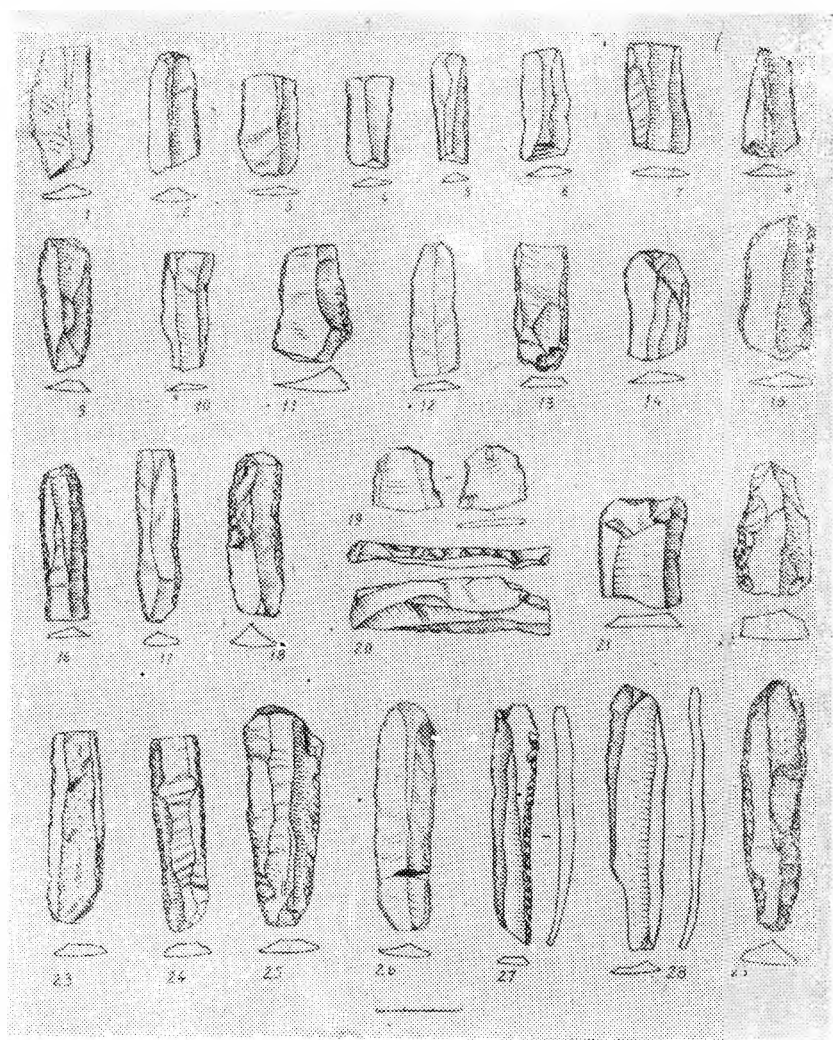

Рис. 1. Кремневые и обсидановое (12) изделия Гинчи
1—5, 7—15, 17, 19, 20—28 — пластины с краевой ретушью; 6 — пластина
с выщербинами; 16, 29 — концевые скребки.

нах, сохранявших ударные площадки, подтесывались ударные бугорки. Совершенно не представлены в коллекции микропластины. Наименьшая ширина единственной пластины 1 см.

Характерной особенностью коллекции Гинчи является дополнительная обработка ретушью продольных краев у всех правильных пластин. Только 5 пластин, и то неправильные, не имели следов вторичной обработки, а при трасологическом изучении оказалось, что они не были в употреблении.

Ретушь мелкая и крупная. Оба эти вида ретуши использовались в одинаковой мере. Очень редко употреблялась частичная краевая ретушь и совершенно не применялась зубчатая.

По приемам нанесения ретуши и морфологическим признакам пластины разделяются на следующие типы и подтипы: 1) в наибольшем количестве представлены пластины с односторонней ретушью на двух краях со спинки (27 экз.), что составляет 44,82% в пределах группы или 17% по отношению к общему количеству изделий. Среди них на первом месте пластины с притупляющей ретушью (16 экз., 59,2% в пределах типа) (рис. 1, 1, 4, 5, 7, 8, 13—15, 17, 23, 24; рис. 2, 9, 11, 12, 16, 21), далее — с заостряющей ретушью (6 экз., 22,2%) (рис. 1, 21, 25, 26, 28; рис. 2, 19), с притупляющей ретушью по одному и заостряющей по другому краю (3 экз., 11,1%) (рис. 1, 9, 16, 18) и по одной пластине (3,7%) с крупной притупляющей по одному и мелкой нерегулярной притупляющей ретушью по другому краю (рис. 1, 27) и с заостряющей по одному и частичной притупляющей ретушью по другому краю (рис. 1, 20, 2). Второе место в группе занимают пластины с односторонней ретушью на одном крае со спинки (11 экз., 18,26%), среди которых выделяются подтипы с притупляющей (6 экз.) и заостряющей (5 экз.) ретушью (рис. 1, 2, 3, 10, 12, 22; рис. 2, 10, 15, 17, 22).

Для вторичной обработки изделий Гинчи характерно нанесение ретуши со спинки. Среди пластин имеется только единственный обломок с участком ретуши с брюшка (рис. 1, 19). Отсюда вытекает и другая особенность индустрии Гинчи — отсутствие противоположающей ретуши, весьма характерной для раннеземледельческих индустрий Кавказа, Передней и Средней Азии. В группе пластин имеются также пластины с выщербинами — 5 экз., 8,3% (рис. 1, 6; рис. 2, 8, 14, 18, 23) и неправильные пластины без ретуши — 5 экз., 8,3%. Как показало трасологическое изучение, на последних не обнаружены следы использования их в работе.

Морфологически среди пластин выделяются острия (4 экз., 6,64% в пределах группы). Из них три — на пластинах со сходящимися краями с односторонней ретушью со спинки (рис. 2, 13, 4), а четвертое — с выделенным жалцем на пластине с притупляющей ретушью по двум краям (рис. 2, 2).

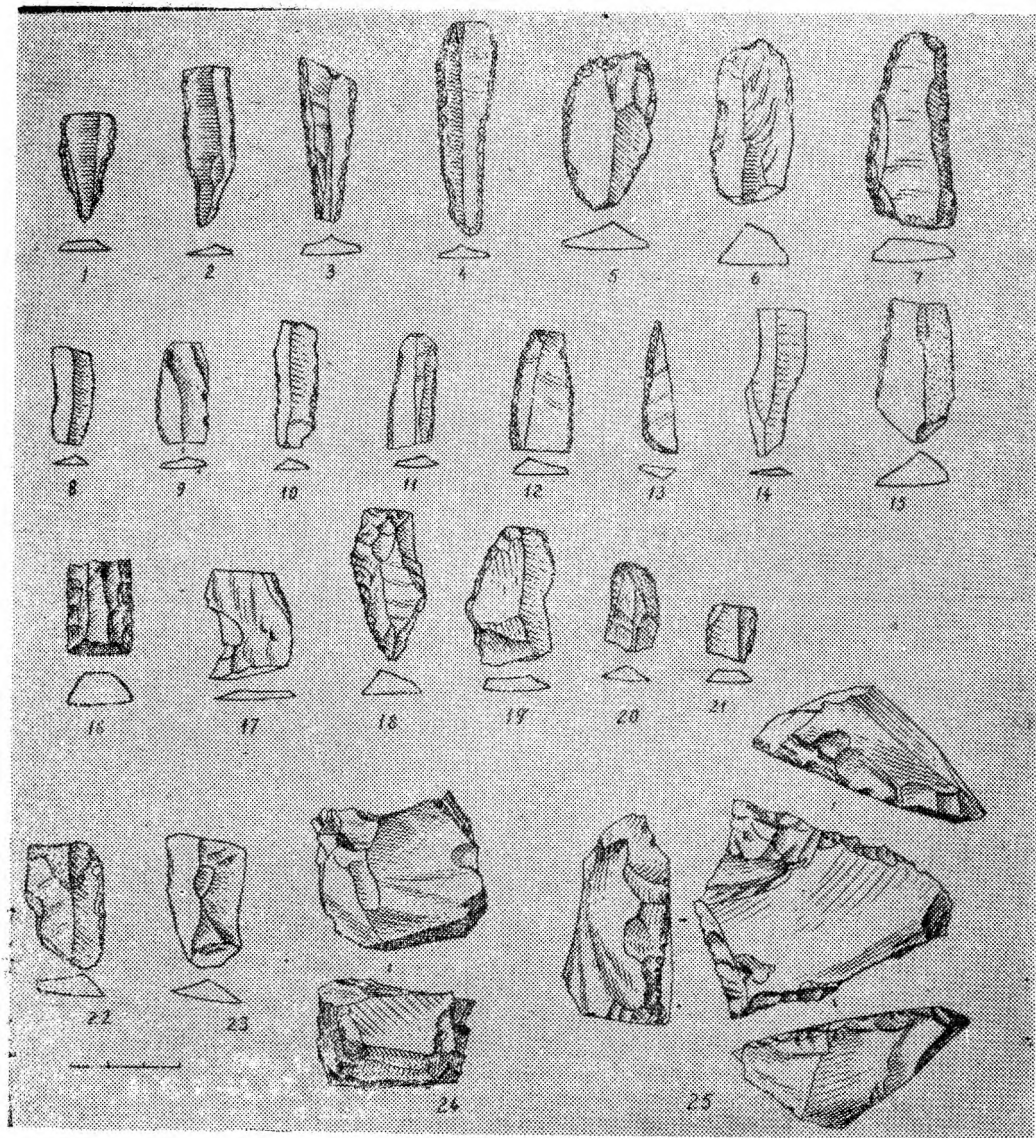

Рис. 2. Кремневые изделия Гинчи
 1—4 — острия; 5, 6 — скребки; 7 — скребок-скобель; 8, 14, 18, 23 — пластины с выщербинами; 9—12, 15—17, 19—22 — пластины с краевой ретушью; 24, 25 — нуклеусы.

В группе имеются концевые скребки, изготовленные на пластинах (5 экз., 8,3% в пределах группы) (рис. 1, 16, 29; рис. 2, 6). Обычно это пластины удлинённых пропорций с ретушированными краями и одним или двумя овальными концами. Краевая крутая или заостряющая ретушь имеется на одном или двух продольных краях.

В единственном числе представлен скребок-скобель или концевой скребок и скобель на одном крае. Он сделан на массивной пластине, на которой морфологически различаются эти два рабочих элемента. Два края и один конец пластины оформлены крупной крутой ретушью (рис. 2, 7).

В отличие от пластин следующая группа кремневых изделий Гинчи — группа отщепов и изделий из них менее дифференцирована. В коллекции имеется 77 отщепов, что составляет почти половину всех изделий (48, 51%). Это может создать представление будто отщепы, как заготовки, превалируют в индустрии Гинчи над пластинами. Однако это не так. Подавляющее большинство отщепов не имело следов вторичной обработки и, следовательно, они не были заготовками для орудий, а, как показало трасологическое изучение, за исключением единичных экземпляров, являлись отходами производства. Отщепов без вторичной обработки было 56 экземпляров, что составляет 72,8% в пределах группы и 35,28% от общего количества изделий, отщепов с дополнительной обработкой — 21 экз., что составляет 27,20% в пределах группы и 13,23% по отношению к общему количеству изделий. Если сравнить эти данные с соотношением пластин со вторичной обработкой (91,3%) и без следов обработки (8,6%), то станет очевидным, что ведущее место в индустрии Гинчи занимали пластины, а не отщепы.

Из отщепов наиболее характерны средние (длина 3—3,5 см, ширина 2—2,5), реже мелкие (1,5—2 см x 1,5—2,5 см) и крупные (3,5—6 x 2,5—5 см).

По морфологическим и техническим признакам выделяются: нож на отщепе с обушком, оформленным резцовым сколом и обработанный дополнительно по одному краю мелкой неравнофасеточной ретушью (рис. 3, 11), скребок (рис. 2, 5) и резец срединный (рис. 3, 10). Кроме этих законченных морфологически и технически выделяемых изделий в коллекции имеются отщепы с участками ретуши, нанесенной преимущественно со спинки, реже с брюшка (13 экз., 16,9%) (рис. 3, 3, 7, 15), два отщепа с выемкой (рис. 3, 13) и три с выщербинами (рис. 3, 10, 12).

Помимо этих основных групп в коллекции Гинчи нами выделена и группа из 18 осколков, что составляет 11,34% от общего количества изделий. Среди них имеются два экземпляра с ретушью (рис. 3, 2). Выделение группы осколков, как и отщепов без следов вторичной обработки важно для понимания особенностей производственной деятельности обитателей Гинчи.

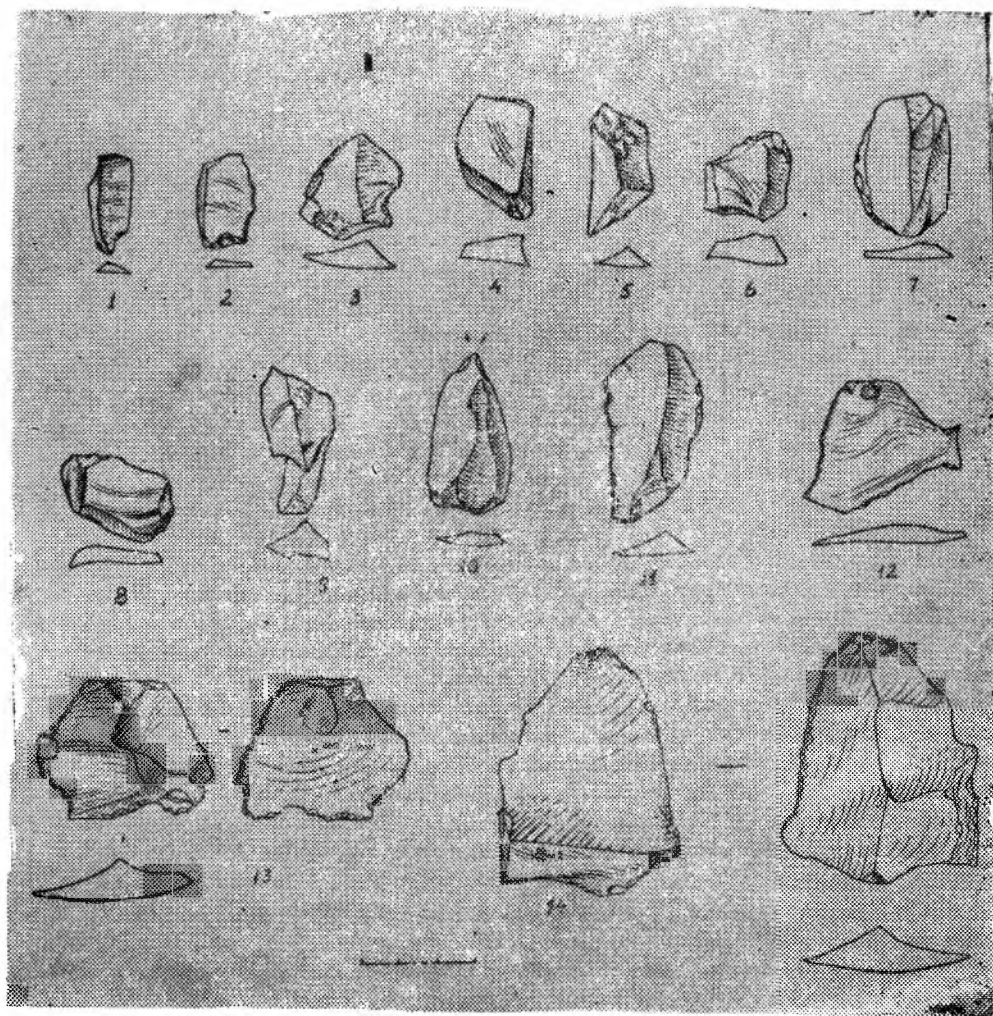

Рис. 3. Кремневые изделия Гинчи

1 — краевой скол нуклеуса; 2, 4, 6, 9 — осколки; 3, 5, 7, 8, 12—14 — отщепы; 10 — резец; 11 — нож.

Проведенная типологическая характеристика позволяет выделить характерные черты индустрии Гинчи. Прежде всего это пластинчатая индустрия, поскольку ведущее место в ней (72%) занимали правильные пластины, служившие заготовками для изготовления орудий. Невыразительные отщепы с участками ретуши и единичные изделия законченной формы из отщепов составляют сравнительно небольшой процент (28%), что не противоречит общей оценке индустрии Гинчи как пластинчатой.

Пластинчатая техника и набор изделий, включающий ретушированные ножевидные пластины, скребки, острия и др., широко представлены в целом ряде археологических культур и не составляют особенностей индустрии Гинчи. Специфическими являются почти полное отсутствие резцов (всего 1 экз.), отсутствие пластин с подтеской концов, с прямо или косо ретушированным концом, долотовидных изделий, пластин с выемкой, «с выделенной головкой», нуклеидных скребков, известных в синхронных памятниках Закавказья. Не представлены в Гинчи микропластины и геометрические микролиты. Среди правильных пластин совершенно не обнаружены изделия без следов дополнительной обработки. Особенностью Гинчи является также использование для изготовления орудий почти исключительно кремня. Специфика Гинчи проявляется и в характере дополнительной обработки изделий: ретушь наносится обычно со спинки, полностью отсутствуют изделия с противоположащей и зубчатой ретушью.

В отличие от кремневых изделий в Гинчи очень мало каменных орудий. Это зернотерки, среди которых имеются две целые довольно крупных размеров (0,51×0,30 м) с сильно сработанной вогнутой рабочей поверхностью. Зернотерками служили окатанные водой крупные камни продолговатой формы (рис. 4, 21, 22). К ним примыкают куранты (3 экз.) из таких же речных камней, но меньшего размера и более узких (рис. 4, 19, 20, 22). Среди каменных изделий имеются также круглые плоские камни (3 экз.) (рис. 4, 5, 6, 18), дисковидный камень, заостренный с одного края с помощью односторонней оббивки — 1 экз. (рис. 4, 15), пест — 1 экз. (рис. 4, 16), шаровидные и эллипсовидные конкреции, использовавшиеся, по-видимому, в качестве пращевых ядер — 5 экз. (рис. 4, 1, 3, 4, 9), круглый уплощенный камень с хорошо зашлифованными плоскостями (рис. 4, 2), гальки грушевидной формы (рис. 4, 7, 10). В качестве отжимников ретушеров применялись продолговатые гальки округлого сечения, на поверхности которых видны следы использования в виде выщербин, точек и полосок — 4 экз. (рис. 4, 11—14). Выделяется также каменный оселок четырехгранного сечения с зашлифованными плоскостями (рис. 4, 17). Дисковидная подвеска с просверленным отверстием — единственное украшение, обнаруженное на поселении Гинчи, также изготовлено из камня (рис. 4, 8).

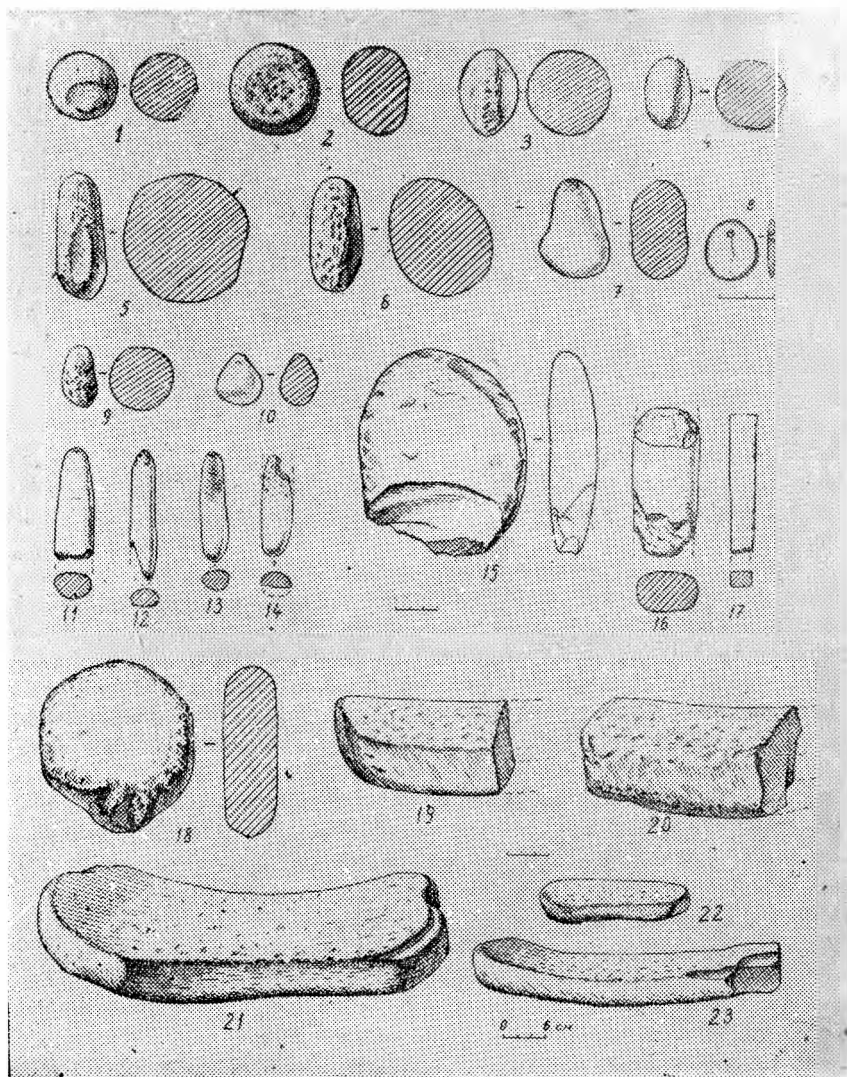

Рис. 4. Каменные изделия Гинчи

1—4, 7, 9, 10 — округлые гальки и конкреции; 5, 6, 15, 18 — дисковидные камни; 8 — подвеска; 11—14 — отжимники — ретушеры; 16 — пест; 17 — оселок; 19, 20, 22 — куранты; 21, 23 — зернотерки.

В заключение типологической характеристики отметим еще одно любопытное явление: на поселениях Гинчи не найдены такие типичные для раннеземледельческих неолитических и энеолитических культур орудия, как шлифовальные топоры и тесла. В этом, по-видимому, также следует видеть еще одну локальную особенность каменной индустрии Гинчи и всего горного Дагестана.

Возникает вопрос: насколько широко была распространена на Кавказе индустрия типа Гинчи или это было узко локальное явление, свойственное только для ограниченной территории Горного Дагестана? Имеющиеся данные свидетельствуют, что это не изолированное явление на Кавказе. Каменный инвентарь Гинчи надежно увязывается с инвентарем целого ряда памятников как Горного Дагестана, так и смежных областей и тем самым вписывается в последовательный ход развития неолитической и энеолитической индустрии восточных и центральных областей Северного Кавказа.

Инвентарю Гинчи весьма близки коллекции кремневых изделий трех поздненеолитических стоянок Горного Дагестана (Малин-крат, Архинда, Мучу-бахил-бакли), расположенных в долине р. Багар-ор в окрестностях с. Ругуджа Гунибского района¹⁸. Из этих стоянок происходит 193 кремневых предмета.

В Малин-крате на поверхности и при зачистке обнажений культурного слоя было собрано 33 кремня: ножевидные пластины, отщепы и осколки. Помимо них здесь была найдена небольшая песчаниковая плитка (16,5×10×3 см), использовавшаяся в качестве терки (рис. 5, 23).

В Архинда в культурном слое на площади 23 м² было найдено 118 кремней, среди которых имеются сечения и обломки ножевидных пластин, крупные обломки и мелкие осколки без следов вторичной обработки, свидетельствующие об обработке кремня на месте. Кроме них в Архинда имеются правильные ножевидные пластины и отщепы со вторичной обработкой.

В Мучу-бахил-бакли на площади 35 м² обнаружено 42 кремня, среди которых помимо сечений и обломков ножевидных пластин, отщепов и осколков без следов вторичной обработки, имеются правильные пластины и отщепы с ретушью. Здесь же найдена и уплощенная песчаниковая терка, аналогичная найденной в Малин-крате (рис. 5, 22).

На всех трех стоянках для изготовления орудий использован такой же, как и в Гинчи, привозной высококачественный полупрозрачный меловой кремнь сероватого цвета. По-видимому, можно говорить об одном источнике этого сырья, расположенном, как уже отмечалось, в районе сс. Цудахар и Куппа Левашинского района.

¹⁸ Котович В. Г. Каменный век., 203—211.

В коллекции всех рассмотренных памятников представлены в основном те же группы изделий, что и в Гинчи. Это пластины и изделия из них, отщепы и изделия из них и осколки¹⁹.

Ведущее место среди заготовок занимали крупные (длиной до 13,5 см) ножевидные пластины (рис. 5, 5—7), отличавшиеся от мелких и средних большей изогнутостью профиля. Пластины скалывались с пирамидальных и призматических нуклеусов. Нередко они использовались без нанесения ретуши²⁰. Ретушь в основном мелкая заостряющая, но имеется также крупная, затупливающая. Отсутствует зубчатая ретушь. Наносилась ретушь, как правило, со спинки. Совершенно не применялась противолежащая ретушь. В группе пластин выделяются: пластины без ретуши (рис. 5, 2, 4, 7, 13, 15), с участками ретуши и выщербинами (рис. 5, 10, 12, 16), выемчатые (рис. 5, 6), с краевой ретушью (рис. 5, 14). На пластинах изготовлялись острия, проколки (пластины со сходящимися концами) (рис. 5, 5, 8, 9), концевые скребки (рис. 5, 1, 3).

Вторая группа изделий — отщепы и изделия из них — мало дифференцированы (рис. 5, 17—21). Насколько можно судить по негативам сколов, они отделялись от нуклеидных кусков, не имевших правильной устойчивой формы (аморфные нуклеусы). Отщепы, имеющие подтреугольную или подпрямоугольную форму, употреблялись без дополнительной обработки, о чем свидетельствует выщербленность краев. Иногда они подправлялись по краям частичной заостряющей ретушью²¹. В коллекции стоянок Малин-карат и Архинда имеются также единичные резцы.

Таким образом, по сырью, технико-морфологическим особенностям, набору изделий кремневый инвентарь Ругуджинских стоянок принципиально не отличается от инвентаря Гинчи. Это та же пластинчатая индустрия без архаических микролитических черт. Различия между ними заключаются в том, что среди изделий Ругуджинских стоянок имеются пластины более крупных размеров, чем в Гинчи. Кроме того они использовались нередко без дополнительной обработки. В коллекции имеется и выемчатая пластина. Эти особенности, по-видимому, указывают на большую архаичность кремневого инвентаря Ругуджа по сравнению с Гинчи. Известно, например, что на древнейшем поселении ранних земледельцев Средней Азии, неолитической Джейтуне прием дополнительной обработки ретушью продольных краев пластин приме-

¹⁹ На ругуджинских стоянках в прошлом добывался местными жителями кремнь для огнив, кресал, молотильных досок. Их «раскопки» не только разрушили культурные напластования, но и обеднили содержание в них культурных остатков. Поэтому следует допустить неполноту коллекций стоянок. Процентное соотношение групп и типов в этих условиях может и не отражать объективной картины. Поэтому мы здесь не приводим процентное соотношение кремневых изделий.

²⁰ Котович В. Г. Каменный век., рис. 48, 9, 11, 12; 14.

²¹ Там же, рис. 48, 5—7.

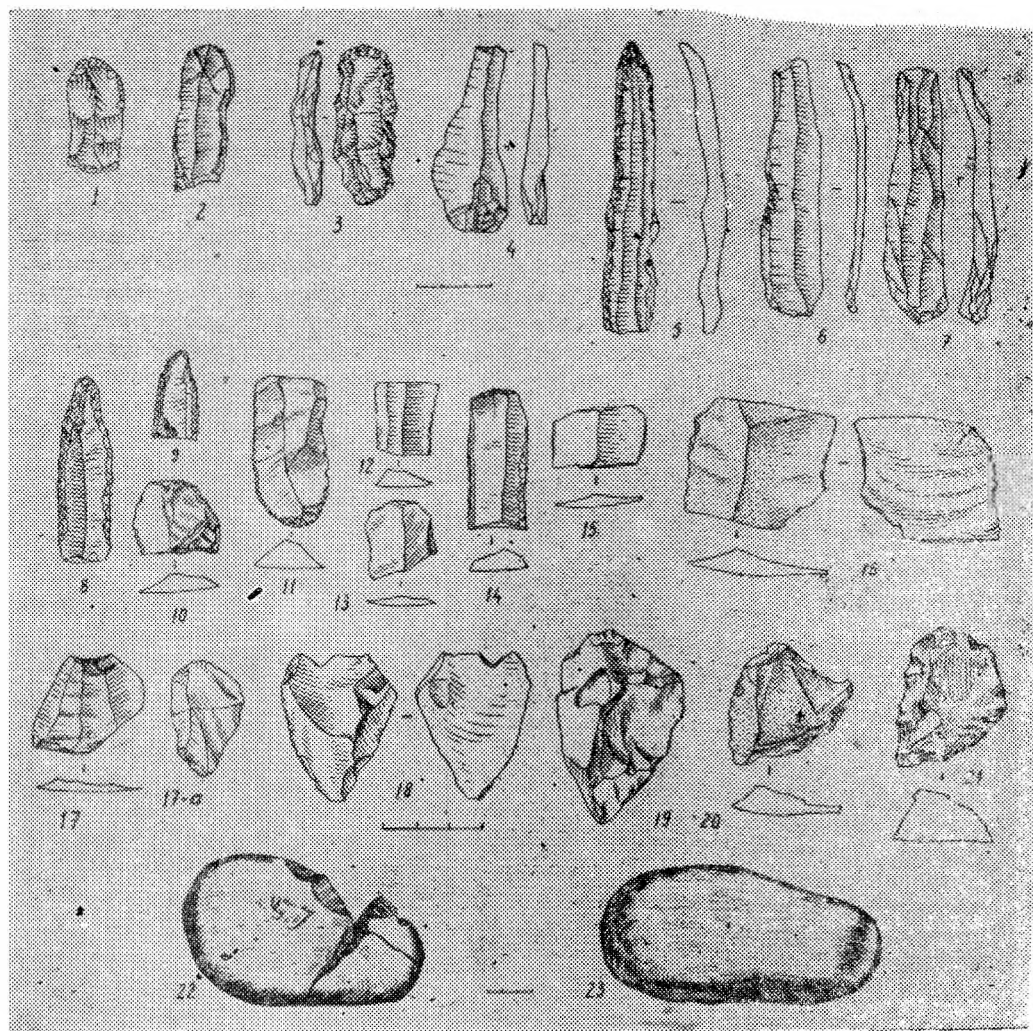

Рис. 5. Кремневые и каменные изделия Ругуджинских стоянок

1, 3, 11 — скребки концевые; 2, 4, 7, 13, 15 — пластины без ретуши, 5, 8, 9 — острия; 6 — пластина с выемкой; 10, 12, 16 — пластины с выщербинами; 14 — пластина с краевой ретушью; 17—21 — отщепы со следами использования; 22, 23 — терки.

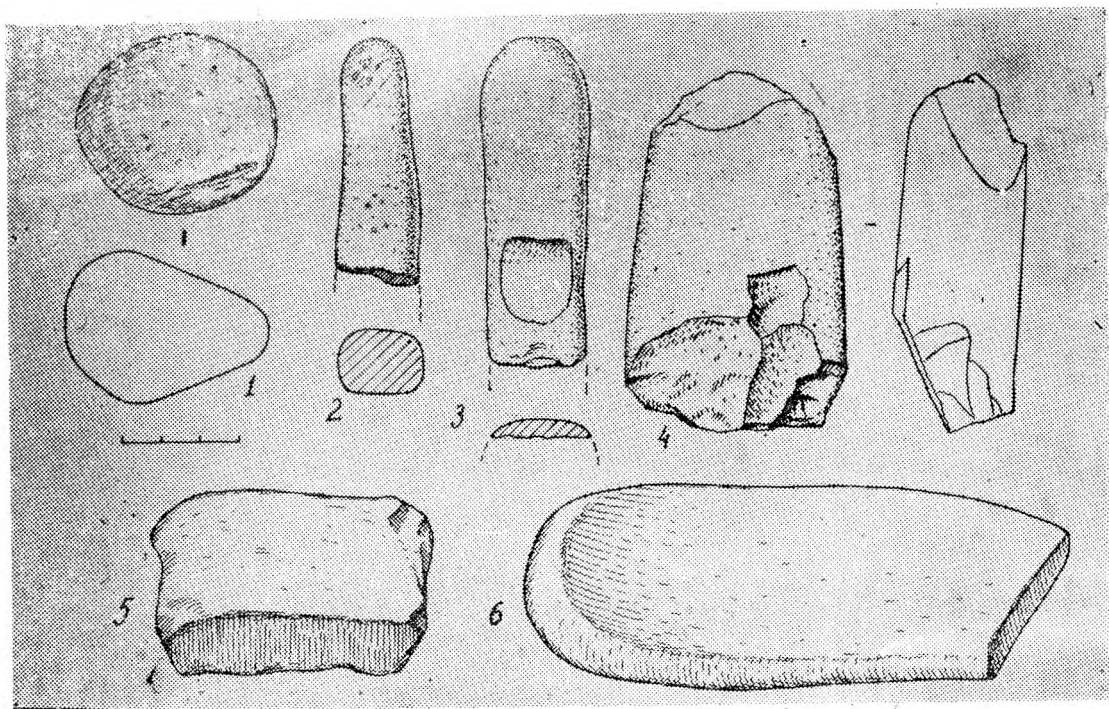

Рис. 6. Каменные изделия Чинна
1 — округлый камень; 2, 3 — отжимники; 4 — пест; 5 — терка; 6 — зер-
нотерка.

нялся очень редко²². Эти и другие архаические черты инвентаря Ругуджинских стоянок в свое время были отмечены В. Г. Котовичем, который датировал их поздним неолитом²³.

Для понимания генезиса кремневой индустрии Гинчи большое значение имеет инвентарь поселения Чинна, находящегося также в Горном Дагестане²⁴. Помимо обломков каменной зернотерки и терочника (рис. 6, 5, 6), пестов и отжимников-ретушеров из речных галек (рис. 6. 2—4) на поселении собрана значительная коллекция кремневых изделий. Характерный для Гинчи и Ругуджа качественный светлосерый полупрозрачный кремнь в Чинна встречается редко. Основным исходным сырьем здесь служил низкокачественный кремнь серого цвета. Необычно также использование в большом количестве черного кремня. Встречаются единичные изделия из кремнистого известняка и кварцита. Существование разных источников сырья для рассматриваемых индустрий очевидно. Однако для определения места индустрии Чинна важны не эти различия, хотя они играют определенную роль при решении данного вопроса. Для выявления локальных или хронологических особенностей этих индустрий важно сопоставить их технико-морфологические характеристики.

В культурном слое Чинна было найдено 254 кремня. Среди них: 1) нуклеидные куски и изделия из них — 20 экз. (7,8%), 2) пластины и изделия из них — 15 экз. (5,85%), 3) отщепы и изделия из них — 126 экз. (49,14%), 4) осколки — 93 экз. (36,27%).

Деградирует техника расщепления пластин. Среди них только две правильные ножевидные пластины (длина одной из них — 6 см) точно повторяют характерные гинчинские типы (рис. 7, 10, 11). Остальные же имеют неправильные очертания краев и граней, трехгранное сечение и небольшие размеры (длина пластин не более 3,5 см) (рис. 7, 1—9). Ретушь применялась редко и обычно наносилась по спинке. По своему характеру ретушь мелкая, приостряющая, реже затупливающая. Отсутствуют изделия с противоположащей и зубчатой ретушью.

Типологически среди пластин выделяются экземпляры с краевой ретушью (по двум краям — 3, по одному краю — 3, рис. 7, 6—10), с вы-

²² Массон В. М. Поселение Джейгун, с. 29.

²³ Котович В. Г. Каменный век., с. 203—217.

²⁴ Поселение Чинна находится на Хунзахском плато на высоте ок. 2000 м над уровнем моря. В 1963 г. Д. М. Атаев вскрыл здесь 8 м² (см. Атаев Д. М., Кушнарёва К. Х. Два поселения в урочище Чинна. — КСИА АН СССР, 1966, №108, с. 68—72). В 1964 г. в Чинна нами было вскрыто 60 м² площади, где, наряду с керамикой, была найдена значительная коллекция кремневого инвентаря. Культурно и хронологически Чинна непосредственно следует за Гинчи (см. Гаджиев М. Г. Новые данные о связях Дагестана с Закавказьем и Передней Азией в IV—III тыс. до н. э. — МСПИАЭ, 1964, Баку, 1965, с. 61—62).

щербинами — 8 (рис. 7, 1—5), со сходящимися краями — 1 (рис. 7, 11). Таким образом деградирует не только техника расщепления пластин, но и сокращается набор изделий, изготовленных на пластинах.

В группе отщепов 68 изделий с дополнительной обработкой или со следами использования, что составляет 53,72% в пределах группы или 26,52% по отношению к общему количеству. Это свидетельствует о бесспорном преобладании в данной индустрии в качестве заготовок для изготовления орудий отщепов над пластинами. В наибольшем количестве в группе представлены отщепы с участками ретуши и с выщербинами — 33 экз. (рис. 7, 28—30) и с выемками — 13 экз. (рис. 7, 19, 20, 24—27). В коллекции имеются также резцы — 5 экз. (рис. 7, 31—33), ретушер — 1 экз. (рис. 7, 34).

Помимо этих типов, известных еще в Гинчи, в Чинна появляются и новые изделия на отщепах. Это долотовидные орудия (14 экз.), рабочие лезвия которых образованы рядом сколов, нанесенных с одной или двух сторон (рис. 7, 14—17). Совершенно новыми являются и наконечники стрел листовидной формы (2 экз.). Один из них имеет незаконченный вид. Сделаны попытки плоской ретушью со спинки и брюшка оформить края заготовки (рис. 7, 13). А второй наконечник по всему краю обработан полукруглой противоположающей ретушью. Она формирует край и не заходит на спинку или брюшко (рис. 7, 12).

В Чинна найдены также изделия из нуклевидных обломков. Это изделия с крупнозубчатыми краями — 8 экз. (рис. 7, 35—37) и орудия из нуклевидных кусков, имеющих обычно клиновидную форму. Их широкие рабочие края (один, реже два) имеют очень сильные следы обработки в виде сплошной выкрошенности (рис. 7, 18, 21—23). Эти изделия типологически весьма близки к долотовидным орудиям, но более массивны. Они больше напоминают отжимников. Подобное орудие имеется в коллекции Ругуджинских стоянок. Но в целом для индустрии Ругуджа-Гинчи совершенно не характерны ни эти изделия, ни долотовидные орудия, ни наконечники стрел. Несмотря на это, кремневый инвентарь Чинна генетически связан с индустрией Ругуджа-Гинчи. Различия между ними не локальные, а хронологические, хотя, судя по оригинальным изделиям Чинна, нельзя исключить и некоторое его локальное своеобразие, в какой-то мере определявшееся и спецификой исходного сырья. Связь между ними прослеживается в пережиточном сохранении в Чинна, хотя и в деградирующей форме, пластинчатой индустрии, техники дополнительной обработки кремня, сохранении некоторых типов изделий. Что же касается абсолютного преобладания в качестве заготовок для производства орудий отщепов над пластинами, то оно отражает общую тенденцию развития кремневого инвентаря раннеземледельческих племен Кавказа в целом. Деградация кремневой индустрии, сокращение набора изделий (отсутствие скребков, острий и др.)

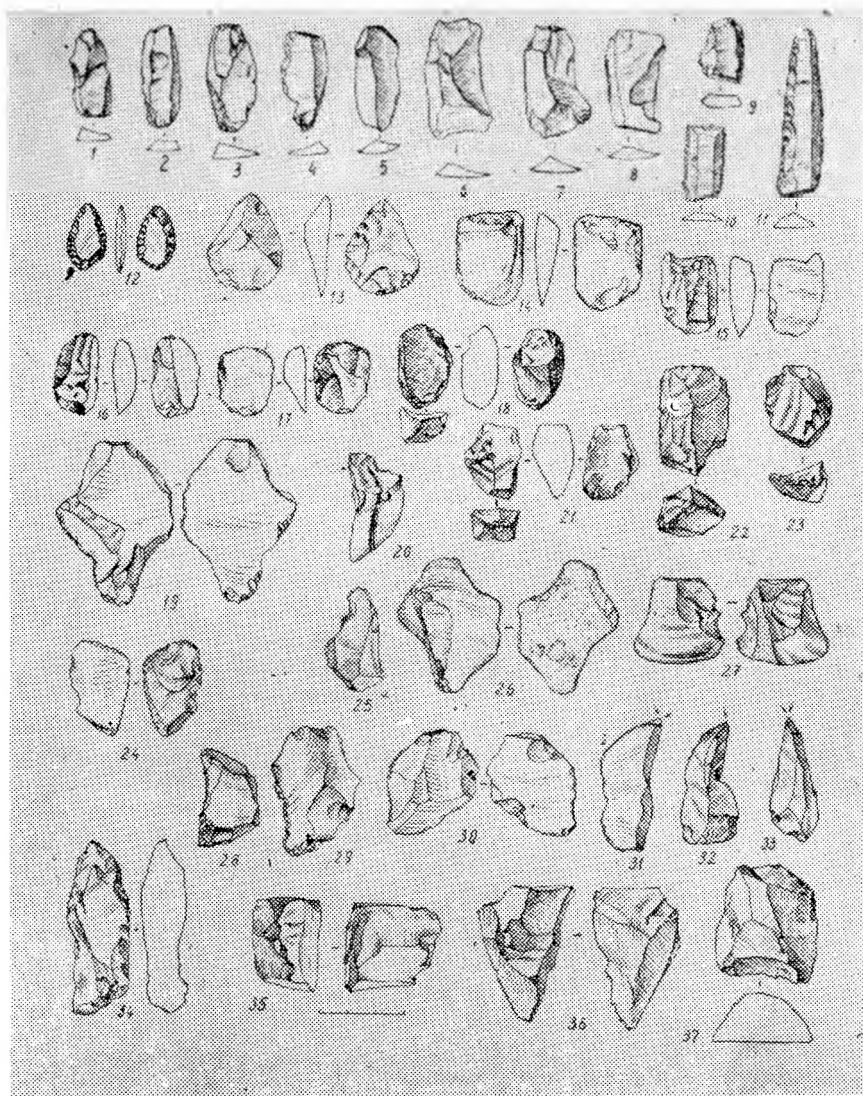

Рис. 7. Кремневые изделия Чинна

1-11 — пластины; 12, 13 — наконечники стрел; 13-17 — долотовидные орудия; 18, 21-23 — отжимники; 19, 20, 24-27 — отщепы с выемками; 31-33 — резцы; 34 — ретушер; 35-37 — пуклевидные изделия.

в Чинна, по-видимому, объясняется началом широкого вхождения в быт металлических изделий, функционально заменявших каменные орудия.

Кремневый инвентарь рассмотренных памятников характеризует эволюционное развитие каменной индустрии — важнейшего компонента материальной культуры и, в целом, производительных сил древнейшего оседлоземледельческого населения горного Дагестана на протяжении весьма длительного периода, от конца неолитической эпохи до начала эпохи ранней бронзы (V—IV тысячелетий до н. э.). В ее развитии можно выделить три этапа: первый характеризуется завершением процесса сложения крупнопластинчатой кремневой индустрии, совершенно чуждой всякой микролитовидности. К этому этапу относится кремневый инвентарь Ругуджинских стоянок. Ко второму этапу относится поселение Гинчи, инвентарь которого характеризует расцвет пластинчатой индустрии. Ее упадок и деградация составляют особенность третьего этапа, представленного инвентарем поселения Чинна. Он завершает в горном Дагестане длительный период господства камня как основного материала для изготовления орудий труда. Наступление следующей эпохи — бронзового века — совпадает с широким распространением наряду с металлами новой техники двусторонней обработки кремня. Изготовленные в этой технике кремневые вкладыши серпов и наконечники стрел, как известно, были окончательно заменены металлическими только лишь с наступлением эпохи железа. В инвентаре рассмотренных памятников горного Дагестана не встречено ни одно двусторонне обработанное изделие. Даже наконечники стрел из Чинна сформированы краевой ретушью, не заходящей на спинку и брюшко, хотя, как известно, подобные наконечники еще с палеолита изготавливались с помощью двусторонней обработки. Отсутствие двустороннеобработанных изделий служит еще одним аргументом в пользу глубокой древности этих памятников и свидетельствует о живучести локальных, традиционных приемов обработки кремня.

За пределами Дагестана наиболее выразительная коллекция каменных изделий типа Гинчи происходит из известного неолитического поселения Агубеково близ г. Нальчик. Помимо 751 экз. отщепов и осколков кремня (229 экз.) и обсидиана (522 экз.) и 5 кремневых нуклеусов, в коллекции представлены 45 изделий, имеющих законченную форму или следы использования²⁵. Они изготовлены на пластинах и отщепах. Ведущее место среди заготовок занимали ножевидные плас-

²⁵ Кричевский Е. Ю. и Круглов А. П. Неолитическое поселение..., с. 55—59. Из 3-х раскопов 1932 и 1933 гг. площадью 56 м² происходит только 27 изделий законченных форм. Вероятно в число орудий включены также изделия подъемного материала предшествующих лет (18 предметов).

тины правильной и неправильной формы, трех- и четырехгранного сечения, сколотые с призматических или пирамидальных нуклеусов²⁶. Размеры пластин средние, наибольшая длина — 9 см. Пластины дополнительно обработаны ретушью или имеют следы использования. Ретушь преимущественно затупливающая, реже заостряющая. На некоторых изделиях отмечается плоская ретушь, частично заходящая на спинку и брюшко²⁷. Обычно она наносилась со спинки. Изделия с противоположной ретушью не характерны, не применялась и зубчатая ретушь.

Группа пластин (всего 26 экз. — 57,72% от общего количества законченных изделий) включает пластины с краевой ретушью (по одному краю, по двум краям и на конце, частично краевая) — 13 экз. (50% в группе)²⁸, выемчатую пластину — 1 экз. (3,9%)²⁹, острия — 7 экз. (27,3%)³⁰, которые, в свою очередь, подразделяются на пластины со сходящимися краями — 5 экз. и острия с выделенным жальцем — 2 экз., скребки концевые — 2 экз. (7,8%)³¹. На пластине изготовлено и 1 долотовидное орудие³². Два изделия из пластины, в которых авторы раскопок склонны видеть наконечники стрел, типологически напоминают острие и пластину с ретушью по двум краям и на конце³³.

Изделия из отщепов (19 экз. — 42,28% от общего количества использованных изделий) состоят из скребков (8 экз.), отщепов с выемками (6 экз.), долотовидных орудий (3 экз.)³⁴.

Кроме того, в коллекции Агубеково имеется 2 экз. нуклевидных скребков³⁵.

В технико-морфологическом отношении рассмотренный инвентарь мало отличается от кремневого инвентаря Ругуджа и Гинчи. Здесь мы видим ту же пластинчатую индустрию без всяких микролитических черт, тот же набор изделий, ту же технику дополнительной обработки, что и в раннеземледельческой индустрии Горного Дагестана. Различия между ними не столь существенны. В частности, нуклевидные скребки, не представленные пока в Ругуджа и Гинчи, известны в горном Дагестане в более ранних неолитических комплексах (Сага — Чука)³⁶. До-

²⁶ Типологическая характеристика нуклеусов, найденных в раскопе № 3, авторами не дана. О них можно судить по негативам сколов на пластинах.

²⁷ Кричевский Е. Ю., Круглов А. П. Неолитическое поселение..., с. 55—57. с. 55—57.

²⁸ Там же, с. 57—59, рис. 5, 8—10, 13—22.

²⁹ Там же, с. 57, рис. 5, 1.

³⁰ Там же, с. 57, рис. 4, 18—22; рис. 5, 11, 12.

³¹ Там же, с. 55, рис. 4, 7—8.

³² Там же, с. 57, рис. 4, 17.

³³ Там же, с. 57, рис. 4, 13, 14.

³⁴ Там же, с. 55—57, рис. 4, 1—6, 9, 10, 15, 16, 23; рис. 5, 2—7.

³⁵ Там же, с. 55, рис. 4, 11, 12.

³⁶ Котович В. Г. Каменный век..., с. 172, рис. 44, 3.

лотовидные орудия («*pièces esquillées*»), найденные в Агубеково, не известны в Ругуджа и Гинчи, но в большом количестве встречены в Чинна.

Кроме того, различия наблюдаются в использовании разных материалов для изготовления орудий. В горном Дагестане для этой цели служил кремень, а в Агубеково, наряду с кремнем, даже в большей степени, использовался местный обсидиан³⁷.

Помимо мелкого инвентаря в Агубеково найдены и крупные каменные изделия: зернотерки, терочники и песты, дисковидные камни, гальки круглой и овальной формы, точильные камни³⁸. Аналогичные изделия известны и в Гинчи. Но в Агубеково имеются также шлифованные каменные изделия: булава, топоры и тесла, не характерные для Горного Дагестана³⁹. Находки эти указывают на определенные связи центральных районов Северного Кавказа с западными, где шлифованные орудия, в том числе и тесла, аналогичные агубековским, были широко распространены с раннего неолита до майкопского времени⁴⁰. Однако эти отличия каменного инвентаря Агубеково не исключают его принадлежность к индустрии Ругуджа-Гинчи. Как известно, до последнего времени пос. Агубеково стоял как бы особняком среди древнейших памятников Северного Кавказа. Рассмотрение каменного инвентаря позволяет говорить о его связи в культурном отношении с древнейшими оседлыми поселениями Северо-Восточного Кавказа. Тем самым устанавливается, что центральные районы Северного Кавказа в культурно-историческом отношении с самого начала становления оседлой жизни, — с неолита, — были тесно связаны с Северо-Восточным Кавказом.

Аналогичный кремневый инвентарь происходит также из Нальчикского могильника⁴¹. Наряду с отщепами и осколками, в коллекции представлены нуклеусы призматической и неправильной форм, с которых скалывались пластины. Пластины обычно четырехгранного сечения, длиной от 3,8 до 10,5 см. Они редко использовались без дополнительной

³⁷ Кричевский Е. Ю., Круглов А. П. Неолитическое поселение..., с. 59.

³⁸ Там же, с. 60—61.

³⁹ Там же, с. 59, 60, рис. 6, 7, табл. II, 1—6.

⁴⁰ Формозов А. А. Неолит Крыма и Черноморского побережья Кавказа. — МИА, 1962, № 102, с. 138—142, рис. 24, 2, 3; его же. Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965, с. 108—110, рис. 53; Небиеридзе Л. Д. Неолит Западного Закавказья. Тбилиси, 1972, табл. V, XI, XII, XXVIII, XXXVIII.

⁴¹ Мунчаев Р. М. Кавказ на заре..., с. 74.

⁴² Круглов А. П., Пиоговский Б. Б., Подгаецкий Г. В. Могильник в г. Нальчике. — МИА, 1941, № 3, с. 67—133. Кремневые изделия происходят из насыпи могильника, они редко встречались вблизи погребений и притом в разных местах по отношению к костяку. Это делает допустимым случайность попадания некоторых находок вместе с землей, которой засыпана могила. Предполагается, что она бралась из находившегося рядом древнего поселения. Поэтому надо полагать, что в данном случае мы имеем дело с неполным комплексом каменных изделий.

обработки краев⁴³. Пластины с ретушью подразделяются на несколько типов: с ретушью по двум краям и на скошенном конце⁴⁴, по двум краям и на концах (острие-скребок)⁴⁵, скребок на пластине с круговым лезвием⁴⁶, пластины с ретушью по одному, двум краям, с частичной ретушью⁴⁷, пластины с выщербинами, скребки на концах пластин⁴⁸, наконечник стрелы на пластине⁴⁹. Наряду с пластинами в качестве заготовок использовались отщепы. Среди изделий на отщепах имеются скребки, отщепы с участками ретуши и с выемкой⁵⁰. Ретушь обычно наносилась со спинки. В двух случаях она нанесена и на брюшке (в одном случае она нанесена на конец пластины со спинки и с брюшка, а в другом — отдельные участки ретуши видны на пластине со стороны брюшка). Но в целом же последняя для Нальчика не характерна, так же как и противоположащая и зубчатая ретушь.

Принадлежность этого инвентаря к тому же культурному кругу, что и рассмотренные выше памятники, не вызывает сомнений. Не характерны для индустрии Северо-Восточного Кавказа только два предмета. Это пластина со скошенным и ретушированным концом и наконечник стрелы с выемкой на пластине.

Помимо этих кремневых изделий в насыпи Нальчикского могильника обнаружены каменные терка и обломок песта⁵¹.

В отличие от инвентаря погребений, который включает каменные браслеты и другие украшения из камня, кости, тяготеющие к материалам древних культур Западного Кавказа, Прикубанья и Приазовья⁵², кремневые изделия из насыпи Нальчикского могильника, происходящие, видимо, из культурного слоя древнего поселения, откуда бралась земля для насыпи, принадлежат к кругу памятников типа Агубеково, Ругуджа, Гинчи.

Кремневый инвентарь архаичного облика, в типологическом отношении весьма близкий инвентарю вышерассмотренных памятников, происходит также из насыпей двух курганов в Кабардинском парке г. Нальчика (№ № 2, 4)⁵³. Среди этого инвентаря, наряду с осколками

⁴³ Там же, с. 109, рис. 62, 4—5.

⁴⁴ Там же, с. 109, рис. 62, 6.

⁴⁵ Там же, с. 109, рис. 62, 7.

⁴⁶ Там же, с. 109, рис. 62, 9.

⁴⁷ Там же, с. 109.

⁴⁸ Там же, с. III, рис. 63, 2—3.

⁴⁹ Там же, с. 112, рис. 63, 6.

⁵⁰ Там же, с. III.

⁵¹ Там же, с. 112.

⁵² Там же, с. 114—120.

⁵³ Деген Б. Е. Курганы в Кабардинском парке г. Нальчика.— МИА, 1941, №3, 216—237.

и отщепами со следами употребления, имеются группа ножевидных пластин без ретуши и частичной краевой ретушью⁵⁴, скребки на пластинах (трехсторонний и концевой двойной)⁵⁵ и концевые на отщепах⁵⁶.

Особый интерес представляет кремневый и обсидиановый инвентарь Долинского поселения⁵⁷. Исследователи этого памятника выделяли здесь два слоя. Это было сделано по данным стратиграфии, но главным образом, на основе анализа керамики, которая подразделяется на два типа: на ранний и поздний⁵⁸. Разновременный характер двух комплексов Долинского поселения послужил А. А. Иессену основанием для синхронизации позднего комплекса с Новосвободненской группой майкопской культуры, а раннего — соответственно с Большим Майкопским курганом или даже для отнесения его к домайкопскому времени⁵⁹. Однако не все исследователи признают расчленение материалов этого поселения на два разновременных комплекса. Основанием для этого служат следующие соображения: малое количество в Долинском находок кремневых и обсидиановых предметов (234 экз. на 300 м²) по сравнению с поселением майкопской культуры Мешоко, отсутствие каменных браслетов, микролитов, черешковых наконечников стрел, наличие флажковидных наконечников стрел и двустороннеобработанных кремневых вкладышей серпов с зубчатыми краями⁶⁰. Могут ли эти доводы поколебать существовавшее ранее представление о разновременности материалов Долинского поселения и о глубокой древности основного комплекса. На более древнем, чем Долинское, поселении Гинчи на 320 м² приходится всего 158 кремневых изделий. Флажковидные наконечники стрел, связываемые с Долинским поселением, в действительности являются собранием Нальчикского музея⁶¹ и ни в одном из четырех раскопов не обнаружены в культурном слое. К сожалению, комплекс каменных изделий из Долинского не расчленен по слоям, опубликован суммарно, вместе с подъемным материалом. Тем не менее выясняется, что двустороннеобработанные кремневые вкладыши серпов, тем более с зубчатыми рабочими краями, не были найдены в непотревоженном слое. Единственный вкладыш обнаружен на раскопе № 4 в слое дерна⁶². Все остальные

⁵⁴ Там же, с. 234, рис. 32, 4—5.

⁵⁵ Там же, с. 236, рис. 32, 1; табл. VI, 5.

⁵⁶ Там же, с. 236, рис. 32, 2, 3, 10.

⁵⁷ Круглов А. П., Подгаецкий Г. В. Долинское поселение у г. Нальчика.— МИА, 1941. № 3, с. 147—185.

⁵⁸ Там же, с. 164—166, 185—191.

⁵⁹ Иессен А. А. К хронологии «больших кубанских курганов».—СА, 1950, XII, с. 184.

⁶⁰ Формозов А. А. Каменный век., с. 83—84; его же. Поселения Адыген эпохи раннего металла.—СМАА, 1972. т. III, с. 14.

⁶¹ Круглов А. П., Подгаецкий Г. В. Долинское поселение., с. 176, рис. 25, 2, 3.

⁶² Там же, с. 162, рис. 23, 2.

происходят из подъемного материала. Единственное двустороннеобработанное изделие, принадлежность которого к раннему комплексу бесспорно, — это сегментовидное изделие («кривой нож») из нижнего слоя раскопа № 4⁶³. По-видимому, и вкладыши серпов, и наконечники стрел, и диоритовый топор «кабардино-пятигорского типа», собранные на поверхности Долинского поселения, вместе с вещами, найденными в слое дерна и в насыпях долинских курганов⁶⁴, составляют комплекс, хронологически близкий времени сооружения древнейших из этих курганов или самому позднему этапу обживания поселения. Что касается остального каменного инвентаря, связь которого с культурным слоем древнего поселения не вызывает сомнений, то он характеризует иную, более древнюю традицию каменной индустрии.

Помимо осколков и отщепов без следов использования, являющихся отбросами производства, найдены нуклеусы, указывающие на местное изготовление кремневых орудий. Наряду с аморфными нуклеусами в виде кусков неправильной формы со следами нескольких сколов, встречаются и призматические нуклеусы для отщепления продолговатых пластин высотой до 3 см⁶⁵.

Среди группы пластин выделяются пластины с краевой, преимущественно мелкой притупляющей ретушью по одному или двум краям, нанесенной со спинки⁶⁶. На пластинах изготавливались долотовидные орудия (*pièce ecaillé*)⁶⁷. Их рабочие края образованы рядом сколов, нанесенных с двух сторон пластин. В двух случаях встречены комбинированные орудия (долото-резец)⁶⁸. Резцы изготавливались также на пластинах⁶⁹. Единичные скребки изготовлены на отщепах⁷⁰. В коллекции имеются также наконечники стрел листовидной формы⁷¹. Кроме этих законченных изделий из кремня, в коллекции Долинского представлены также единичные поделки из обсидиана. Среди них — три отщепа, на которых заметна сработанность, имеющая характер ретуши⁷². Кроме мелких изделий, на поселении найдены и крупные каменные орудия: топор с желобчатым перехватом, зернотерки, терочники и песты⁷³.

⁶³ Круглов А. П., Подгаецкий Ф. В. Долинское поселение..., с. 163, рис. 23, 10.

⁶⁴ Там же, с. 178—182, рис. 23, 1—5, 7—8, табл. IV, 1.

⁶⁵ Там же, с. 175—176, рис. 22, 1.

⁶⁶ Там же, с. 180—181, рис. 23, 11—14.

⁶⁷ Там же, с. 178, рис. 22, 6—10.

⁶⁸ Там же, рис. 22, 12, 13.

⁶⁹ Там же, с. 176—177, рис. 22, 11—14.

⁷⁰ Там же, с. 176, рис. 23, 6, 9.

⁷¹ Там же, с. 176, рис. 22, 3, 5.

⁷² Там же, с. 181.

⁷³ Там же, с. 181—183.

За исключением резцов и двустороннеобработанного сегмента («кривого ножа»), инвентарь из культурного слоя Долинского по морфологическим и техническим признакам такой же, что и на Агубеково. Правда, каменная индустрия в Долинском уже изживалась. Так, например, изделия из пластин в Долинском мало дифференцированы единичны скребки, совершенно не представлены острия. Это объясняется более широким по сравнению с предшествующим временем внедрением в быт металла. Тем не менее генетическая связь между индустриями Агубеково и Долинским очевидна. У нас нет оснований для утверждения, что между ними существует культурный и сколько-нибудь длительный хронологический разрыв. Исследователи Долинского поселения также отмечали близость его древнейшего комплекса к Агубеково, исходя главным образом из анализа керамики⁷⁴. Отсутствие в Долинском каменных браслетов, микролитов, черешковых наконечников стрел, как и круглодонной посуды⁷⁵, по-видимому объясняется тем, что Долинское, как и Агубеково, в культурном отношении тяготеет не к западу, где формировалась и откуда распространилась майкопская культура (хотя довольно сильное ее воздействие на Долинское невозможно отрицать), а к восточным памятникам, точнее к древнейшим поселениям Северо-Восточного Кавказа⁷⁶. При этом если каменный инвентарь Агубеково близок к инвентарю Ругуджа, Гинчи, то Долинское сопоставляется с поселением Чинна. Достаточно указать на присутствие в обоих памятниках резцов, долотовидных орудий, наконечников стрел, которые не столь характерны для памятников Горного Дагестана предшествующего времени или совсем не встречены на них. Таким образом, еще раз подтверждается хронологическая последовательность раннеземледельческих памятников Северного Кавказа.

Такие памятники как Ругуджа, Гинчи, Чинна, Агубеково и др. не

⁷⁴ Круглов А. П., Подгаецкий Г. В. Долинское поселение., с. 197.

⁷⁵ Формозов А. А. Поселение Адыгей., с. 14.

⁷⁶ Определение культурно-исторического места Долинского поселения в ряду древнейших памятников Северного Кавказа нужно сделать не только на основе анализа каменного инвентаря, а всего комплекса находок в целом. Это специальный вопрос, рассмотрение которого не входит в нашу задачу. Касаясь его в связи с изучением каменной индустрии ранних земледельцев Северного Кавказа, нельзя не обратить внимания на то, что в Кабардино-Балкарии как бы «сосуществовали» две группы древнейших памятников. Одна из них тяготеет к неолитической, протомайкопской и майкопской культурам Северо-Западного Кавказа (захоронения Нальчикского могильника, Нальчикская подкурганная гробница, курганы у сс. Чегем и Кишпек и др. См. Чеченов И. М. Нальчикская подкурганная гробница. Нальчик, 1973; Мунчаев Р. М. Кавказ на заре., с. 270—284), другая — Агубековское поселение, основные комплексы Долинского и т. п. — к культурам иного, восточного круга. По-видимому на территории Кабардино-Балкарии, находившейся на стыке двух различных культурных традиций Северного Кавказа, в различные периоды истории преобладала то западная, то восточная культурная ориентация.

известны пока на территории Чечено-Ингушетии и Северной Осетии. Этот кажущийся территориальный разрыв между рассмотренными памятниками Северного Кавказа, представляющими единую в своей основе кремневую индустрию ранних земледельцев, вероятно, объясняется слабой археологической изученностью подобного рода памятников на этой смежной территории. Хотя памятники, подобные Гинчи и Агубеково, здесь еще не изучены, имеющиеся данные позволяют включить и эту территорию в область распространения той же каменной индустрии. Кремневое острие на пластине совершенно такого же типа, что и Агубековские и Гинчинские, было обнаружено в кургане №6 у хутора Новый Аршти в Чечено-Ингушетии. Р. М. Мунчаев сопоставляет это погребение с погребениями Нальчикского могильника и относит к неолиту⁷⁷, или, по новой периодизации, к энеолиту⁷⁸. К энеолиту относит Р. М. Мунчаев и остатки разрушенного погребения в г. Грозном, где была обнаружена кремневая ножевидная пластина с ретушью по краям⁷⁹. Весьма интересны и находки в зольнике у с. Курчалой в Чечено-Ингушетии, где в его нижних слоях вместе с гладкостенной керамикой были обнаружены кремневые ножевидные пластины, на архаичный облик которых обратил внимание В. И. Марковин⁸⁰.

Еще меньше сведений об этой индустрии дает Северная Осетия. Возможность существования здесь памятников подобных Агубеково, Ругуджа и Гинчи подтверждают остатки поселений у башни Кануковых и с. Средний Кобан, где в очажных ямах были обнаружены костяные изделия и керамика, аналогичная Агубековской⁸¹. Кремневых изделий здесь не найдено. Но о распространении архаической пластинчатой каменной индустрии на территории Северной Осетии свидетельствуют случайные находки из окрестностей с. Галиат и г. Орджоникидзе. Наряду с кремневыми и обсидиановыми нуклеусами, отщепами и осколками, здесь обнаружены пластины с тонкой ретушью на двух краях или с выщербинами⁸², с ретушью на двух краях и на одном конце⁸³ и с ретушью на одном крае⁸⁴.

Западнее Кабардино-Балкарии эта индустрия уже не встречается. На Северо-Западном Кавказе в обработке камня господствовала иная

⁷⁷ Мунчаев Р. М. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа.—МИА, 1961, № 100, с. 143.

⁷⁸ Мунчаев Р. М. Кавказ на заре..., с. 147.

⁷⁹ Там же, с. 147—148; Милорадович О. В. Новые археологические находки в Грозненской области.—КСИИМК, 1965, № 64, с. 132.

⁸⁰ Марковин В. И. Дагестан и горная Чечня в древности. М., 1969, с. 79.

⁸¹ Крупнов Е. И. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода.—МИА, 1951, № 23, с. 22—26.

⁸² Там же, с. 29—30, рис. 3, 2.

⁸³ Там же, с. 29—30, рис. 3, 3.

⁸⁴ Там же, с. 28, рис. 3, 7.

традиция. Пластинчатая индустрия характеризуется здесь ярко выраженной микролитойдностью. В неолитическом слое Каменноостской пещеры на р. Белой и на стоянке Овечка под Черкесским микролитический инвентарь сопровождает изделия из ножевидных пластин (скребки, резцы, острия и др.), известные и в Центральном и в Северо-Восточном Кавказе, а также пластины с притупленным краем и двустороннеобработанные изделия⁸⁵. Можно было бы думать, что эта индустрия древнее северо-восточнокавказской, чем и объясняется ее архаизм. Однако геометрические микролиты известны здесь в сравнительно поздних памятниках — Большом Майкопском кургане⁸⁶, в нижнем слое поселения майкопской культуры — Мешоко, где они найдены вместе с крупными пластинами и отщепами и изделиями из них (скребки, проколки, сверла и др.), типичными для индустрии Северо-Восточного Кавказа⁸⁷. Следовательно, локальный характер этих различий очевиден.

Микролитойдностью и набором изделий прикубанская каменная индустрия сходна с поздненеолитической и энеолитической индустрией Черноморского побережья Кавказа⁸⁸. Но там были распространены и другие изделия, неизвестные на Северо-Восточном Кавказе, которые еще больше увеличивают контраст между Западным и Северо-Восточным Кавказом. В памятниках позднего неолита Черноморского побережья Кавказа были распространены пластины «с выделенной головкой», пластины с прямо или косо ретушированными концами, полированные орудия, мотыжки сочи-адлерского типа⁸⁹. В Западном Закавказье крупнопластинчатая индустрия с геометрическими микролитами и двустороннеобработанными изделиями сохраняется и позднее, в энеолитическую эпоху — (Самеле-Клде, Самерцхе-Клде)⁹⁰.

В Восточном Закавказье локализуется еще одна каменная индустрия раннеземледельческих племен Кавказа эпохи энеолита. Специальные исследования, посвященные типологии каменных изделий поселений Шулавери и Имирис-Гора Грузии⁹¹, Шому-тепе, Тойре-тепе, Кюль-тепе,

⁸⁵ Формозов А. А. Каменный век..., с. 55—57, рис. 21, 22.

⁸⁶ Там же, с. 70, рис. 32.

⁸⁷ Столяр А. Д. Мешоко — поселение майкопской культуры. — МАА, 1961, т. II, с. 95.

⁸⁸ Формозов А. А. Неолит Крыма..., с. 134—138; Небиеридзе Л. Д. Неолит Западного Закавказья..., с. 113—118; Кушнарера К. Х., Чубинишвили Т. Н. Древние культуры..., с. 46—48, рис. 18.

⁸⁹ Формозов А. А. Неолит Крыма..., с. 124—138, рис. 15; рис. 21, 3, 4, 7; рис. 22, 1—5; рис. 23; Небиеридзе Л. Д. Неолит Западного Закавказья..., с. 113—115, табл. VII, XI, XII.

⁹⁰ Кушнарера К. Х., Чубинишвили Т. Н. Древние культуры..., с. 46—48, рис. 18; Джапаридзе О. М. К этнической истории..., с. 320, рис. 30—31.

⁹¹ Коробкова Г. Ф., Кигурадзе Т. В. К вопросу о функциональной классификации..., с. 53—55; Отчет Квемо-Картлийской археологической экспедиции 3*

Аликемек-тепеси и др. Азербайджана⁹², позволяют достаточно рельефно оттенить характерные особенности раннеземледельческой каменной индустрии Восточного Закавказья. Это такая же пластинчатая индустрия без микролитовидных черт, что и Гинчи-Агубеково. Она также прошла несколько этапов в своем развитии: становление, расцвет и в конечном итоге деградацию, выразившуюся, как и в Горном Дагестане, в небрежной обработке изделий, преобладании отщепов над пластинами, сокращении ассортимента изделий⁹³.

В этой, в целом, единой в своей основе индустрии выделяются три локальные группы, различающиеся между собой по сырью, технико-морфологическим характеристикам, набору изделий. Первая группа включает поселения Имирис-гора, Шомутепе, Тойретепе, Гаргалар-тепеси. Для них характерно использование в качестве сырьевого материала, главным образом, обсидиана. Наряду с изделиями, известными в Горном Дагестане и Кабардино-Балкарии, широко распространены пластины с ретушированным концом, «с выделенной головкой», зазубренным краем, изделия с подтеской концов. Много выемчатых пластин, нуклевидных скребков, резцов. А для вторичной обработки характерны не известные на севере зубчатая и противолежащая ретуши⁹⁴. В развитии этой локальной группы прослежено 5 ступеней. На последней наблюдается деградация каменного и обсидианового инвентаря — орудия обрабатываются небрежно, преобладают отщепы, исчезают нуклевидные скребки, неожиданно появляются единичные геометрические микролиты (трапеции и сегменты)⁹⁵.

Вторую группу составляют два поселения южных областей — Кюльтепе I у Нахичевани и Иланлытепе у Агдама, индустрия которых отличается от первой набором орудий и сырьем (использован только обсидиан). Ведущими типами изделий были пластины с выщербинами и краевой ретушью. Резко уменьшается число пластин с выемкой, резцов, изделий с подтеской. А такие типы изделий, как пластины с ретушированным концом, острия, скребки, совершенно отсутствуют⁹⁶.

Третья группа пока что представлена поселением Аликемек тепеси в Джалилабадском районе на юго-востоке Азербайджана⁹⁷. Здесь пластины часто неправильной формы, отщепы использованы почти наравне с пластинами. Почти не характерна противолежащая ретушь. Много

(1965—1971 гг.). Тбилиси, 1975, с. 202—209, рис. 8—16; 28—38; Кигурадзе Т. В. Периодизация раннеземледельческой культуры..., с. 151—165.

⁹² Аразова Р. Б. Каменные орудия..., с. 6—21.

⁹³ Кигурадзе Т. В. Периодизация раннеземледельческой культуры ..., с. 165.

⁹⁴ Там же, с. 151—167; Аразова Р. Б. Каменные орудия..., с. 18—20.

⁹⁵ Кигурадзе Т. В. Периодизация..., с. 165.

⁹⁶ Аразова Р. Б. Каменные орудия..., с. 20.

⁹⁷ Там же, с. 20—21.

пластин прямоугольной формы с ретушью по краям. Устойчивую серию образуют отщепы с ретушью, скребки на отщепах, изделия с подтеской концов. Единичны резцы, острия и пластины с ретушированным концом. Совершенно не представлены выемчатые пластины и пластины с выщербинами. Характерно также использование в качестве сырья преимущественно кремня.

Сопоставление типологии каменного инвентаря памятников типа Гинчи-Агубеково Северного Кавказа с этими тремя восточнокавказскими группами приводит к заключению, что между ними имеется много общего (пластинчатая индустрия без микролитовидных черт, наличие большого количества изделий сходных форм и др.). Но вместе с тем они достаточно резко различаются между собой, что проявляется и в сырье, и в морфологических и технических различиях. Индустрия Закавказья немного богаче северокавказской. Там много изделий, совершенно не представленных на севере (пластины с подретушированным концом, «с выделенной головкой», с зазубренными краями и др.). Почти не известны на севере ретушь, нанесенная с брюшка пластин, противоположащая, зубчатая, хотя эти виды широко представлены в восточнокавказских памятниках. Все это свидетельствует о том, что они характеризуют две различные, непосредственно генетически не связанные между собой каменные индустрии раннеземледельческих племен Кавказа, развивавшиеся достаточно независимо друг от друга.

Таким образом, сравнительная характеристика каменного инвентаря поселения Гинчи позволяет выделить на Кавказе, наряду с шулавери-шомутепинским и западнокавказским, третий, северо-восточнокавказский очаг каменной индустрии, функционировавший в период позднего неолита и энеолита. В его ареал порою входили и центральные области Северного Кавказа. Развитие всех трех очагов происходило достаточно независимо друг от друга. Но это не исключает существования между ними определенных связей, взаимопроникновения отдельных технических приемов, сырья для изготовления орудия, да и самих изделий. Об этом говорят такие факты, как неожиданное появление характерных для Западного Закавказья и Северо-Западного Кавказа геометрических микролитов в шулавери-шомутепинской культуре Восточного Закавказья⁹⁸, находки в Гинчи единичных изделий из обсидиана, поступавшего из центральных районов Северного Кавказа и Восточного Закавказья. Однако типология каменного инвентаря поселения Гинчи и других памятников Горного Дагестана не дает оснований для утверждения, что в развитии его каменной индустрии сколько-нибудь существенную роль сыграло воздействие восточнокавказской раннеземледельческой культуры в любом ее варианте: Шомутепе-Шулавери, Кюльтепе или Алике-

⁹⁸ Кигурадзе Т. В. Периодизация раннеземледельческой культуры., с. 165.

мек тепеси, как мы полагали прежде⁹⁹. Своими истоками каменная индустрия Гинчи и всего Северо-Восточного Кавказа восходит к индустрии местного докерамического неолита, которая в свою очередь генетически связана с предшествующей ей на той же территории верхнепалеолитической и мезолитической культурами¹⁰⁰.

Выявление третьего, северо-восточнокавказского очага развития поздненеолитической и энеолитической каменной индустрии Кавказа свидетельствуют о сохранении здесь в рассматриваемое время в общих чертах этнокультурной ситуации, сложившейся еще в конце верхнего палеолита и мезолита¹⁰¹, что чрезвычайно важно для понимания древнейших этапов этнокультурного и исторического развития населения Кавказа.

⁹⁹ Гаджиев М. Г. Новые данные ..., с. 60—61.

¹⁰⁰ Котович В. Г. Каменный век., с. 220—223.

¹⁰¹ Бадер Н. О. Варианты культуры Кавказа конца верхнего палеолита и мезолита.—СА, 1965, №4, с. 14, 15, рис. 5.

С. Н. КОРЕНЕВСКИЙ

О МЕТАЛЛЕ ЭПОХИ РАННЕЙ БРОНЗЫ ДАГЕСТАНА

Насколько можно судить по известным ныне данным, эпоха ранней бронзы на Северном Кавказе охватывает вторую половину III тысячелетия до н. э. В это время древние северокавказские племена широко знакомятся с различными видами орудий из мышьяковой бронзы и в их среде появляются первые кузнецы-литейщики. В центральных и западных районах Северного Кавказа пышно расцветает металлообработка майкопской культуры.

О первых шагах населения Северо-Восточного Кавказа в освоении новых видов орудий из металла и становления их собственной металлообработки известно пока немного. Наиболее ярким открытием стала найденная М. Г. Гаджиевым на Галгалатлинском поселении эпохи ранней бронзы литейная форма топора, доказывающая самостоятельное изготовление подобных орудий древними кузнецами Дагестана и, тем самым, существование местной металлообработки¹.

Находки металлических орудий эпохи ранней бронзы в Дагестане пока редки. Изучение состава их металла началось с работ И. Р. Селимханова². С. М. Магомедов рассмотрел ряд вопросов, касающихся выделения химико-металлургических групп металла эпохи бронзы. Однако эти исследования опубликованы лишь в тезисном порядке³. В данной статье рассматривается состав металла 15 предметов из дагестанских памятников III тысячелетия до н. э., исследованных в каби-

¹ Мунчаев Р. М. Кавказ на заре бронзового века. М., 1975, с. 179, рис. 30, 4.

² Кашкай М. А., Селимханов И. Р. Из истории древней металлургии Кавказа. Баку, 1975.

³ Магомедов С. М. К вопросу о металлопроизводстве в Дагестане в III—II тысячелетиях до н. э. — В кн.: Пятые крупновские чтения по археологии Кавказа (тезисы докладов). Махачкала, 1975, с. 26—28; его же. К вопросу о местном металлургическом очаге в древнем Дагестане. — В кн.: Археология Северного Кавказа. VI Крупновские чтения в Краснодаре (тезисы докладов). М., 1976, с. 35—36.

нете спектрального анализа лаборатории ИА АН СССР (см. табл. 1). Часть их найдена М. Г. Гаджиевым на Чиркейском и Галгалатлинском поселениях эпохи ранней бронзы, В. М. Котович на Верхнегунибском поселении (в нижнем слое); ряд находок случайно обнаружен О. М. Давудовым⁴.

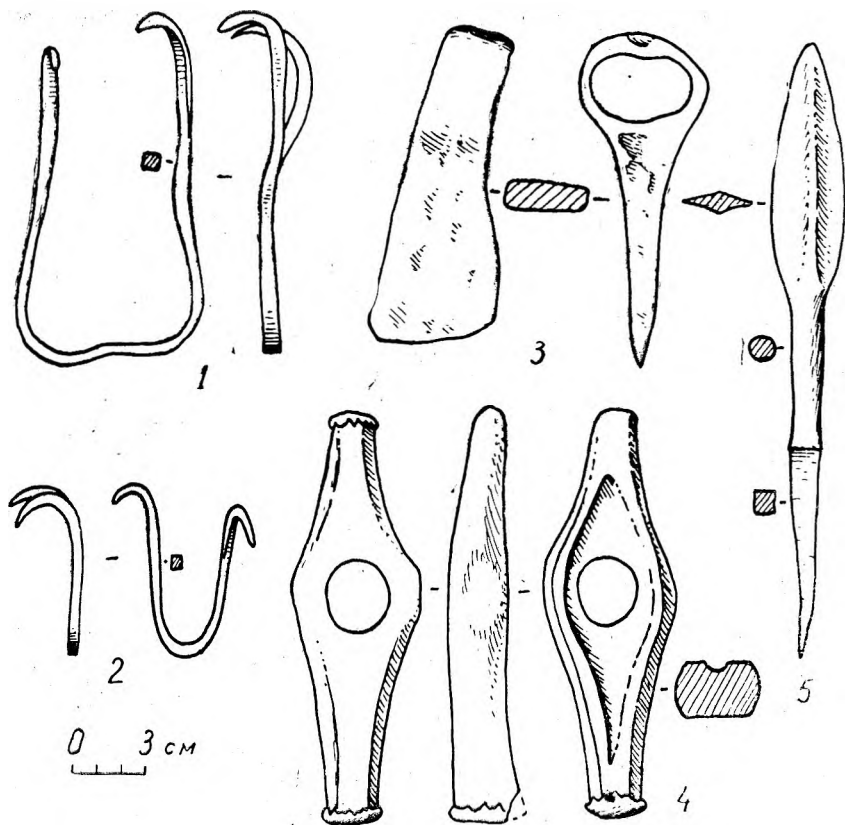

Рис. 1. Предметы из меди и мышьяково-высоконикелевой бронзы, найденные в Дагестане, и вилка из погребения майкопской культуры (1 — Дагестанские Огни, 2 — Чегем II, кург. 24, погр. 4, 3 — Новомака, 4 — Ругуджа, 5 — Чиркейское поселение).

⁴ Приношу свою благодарность М. Г. Гаджиеву и О. М. Давудову за любезное разрешение использовать в этой статье их неопубликованные материалы.

Результаты спектрального анализа предметов эпохи ранней бронзы Дагестана.

Таблица 1

Шифр лабо- ратории	Название предмета	Место находки	Рису- нок	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Mn	Au
18409	топор	с. Новомака	1, 3	осн.		0,01		0,01	0,06	0,03	2,5	0,01	0,7		0,01	0,003
18410	топор	с. Хутрах	2, 7	»					0,08	0,002	1	0,008	0,02		0,01	0,001
18415	«клевец»	с. Ругуджа	1, 4	»	0,002	0,002			0,06			0,03	0,1		0,01	
18421	наконечник копья	Чиркейское пос.	1, 5	»		0,001		0,002	0,2	0,01	0,025	0,002	0,005			
18422	штык	Верхнегунибское пос.	2, 8	»	0,001				0,08	0,06	1	0,01	0,07			0,003
18423	тесло	Чиркейское пос.	2, 12	»	0,003				0,01		1	0,02	0,07		0,01	
18424	очковидная подвеска	»	2, 4	»	0,003				0,02		1,2	0,01	0,01		0,01	
18425	тесло	Галгалатлинское пос.	2, 10	»		0,001			0,01		1,8	0,5	0,03		0,04	
18432	нож	»	2, 9	»	0,03	0,006			0,006		4,5	0,02	0,02		0,01	
18451	очковидная подвеска	Чиркейское пос.	2, 2	»	?				0,004		2,5	0,03	0,01			
18452	»	»	2, 3	»	?				0,004		1,8	0,01	0,02			
18453	»	»	2, 7	»	0,001				0,007		1,5	0,003	0,009		0,01	0,001
18454	спираль	»	2, 5	»	?	0,004		0,002	0,2		2,3	0,003	0,025		0,01	0,001
18516	топор	с. Мекеги	2, 6	»	0,001	0,05		0,002	0,08	0,01	2,2	0,002	0,04			0,01
18557	вилка	с. Дагестанские Огни	1, 1	»	0,01	0,015			0,2	0,025	0,65	0,009	0,1		0,01	0,003

Небольшую серию из 15 рассматриваемых предметов можно разделить на три химико-металлургические группы: медную, мышьяково-высоконикиелевую и мышьяковую, — используя критерии членения раннебронзового металла Северного Кавказа, предложенные Е. Н. Черных⁵.

Группа медных предметов состоит из двух орудий. Первый из них — «клевец» из с. Ругуджа (рис. 1, 4). По словам местных жителей, он происходил из клада медных вещей и долгое время использовался в качестве молотка⁶. Второй предмет — наконечник копья с четырехгранным насадом из Чиркейского поселения (рис. 1, 5). Содержание мышьяка в его металле очень низкое—0,025%. Оно не может рассматриваться как искусственная лигатура.

Группа мышьяково-высоконикиелевых орудий насчитывает два предмета. Один из них — вилка из четырехгранного стержня с загнутыми и заостренными концами (рис. 1, 1), найденная в 1958 г. в подкурганном погребении у с. Дагестанские Огни. Содержание никеля—0,1%. Мышьяково-высоконикиелевые бронзы во второй половине III тысячелетия до н. э. на Северном Кавказе были свойственны прежде всего племенам майкопской культуры⁷. Форма вилки находит аналогии лишь среди предметов из погребения майкопских племен у с. Чегем II, кург. 21, погр. 4 в Кабардино-Балкарии (рис. 1, 2). Другим орудием является топор, случайно найденный у с. Нсвомака Касумкентского района (рис. 1, 3). Содержание никеля доходит до 0,7%. Поверхность орудия покрыта многочисленными вмятинами от некачественной отливки, на брюшке заметно углубление — след усадки металла. Следовательно, топор отливался в двустворчатую литейную форму с открытым для литья брюшком (нижняя часть топора). Именно так изготавливались орудия этой категории на Кавказе во второй половине III тысячелетия до н. э.⁸ По форме, размерам втулки дагестанская находка вписывается в первую группу майкопских топоров, появление которой можно датировать временем Майкопского кургана — 2500—2300 гг. до н. э.¹⁰

Серия предметов из мышьяковых бронз включает 11 изделий. Они

⁵ Черных Е. Н. История древнейшей металлургии Восточной Европы. М., 1966, с. 36—40.

⁶ Котович В. Г. Археологические работы в горном Дагестане. — МАД, 1961, т. II, с. 37, 38.

⁷ Черных Е. Н. Ук. соч., с. 36—40.

⁸ Мизиев И. М., Бетрозов Р. Ж., Нагоев А. Х. Археологические раскопки 1972 года в Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1973, с. 9, рис. 5, 12.

⁹ Кореневский С. Н. О металлических топорах майкопской культуры. — СА, 1974, №3, с. 29.

¹⁰ Иессен А. А. Майкопская культура и ее датировка. — В кн.: Тезисы докладов на заседаниях ИА АН СССР, посвященных итогам полевых исследований 1961 г. М., 1962, с. 19—22.

представлены орудиями и украшениями. В их число входят топор из с. Хутрах в высокогорном Дагестане (рис. 2, 7) и обломок топора, видимо, близкого облика из с. Мекеги Левашинского района (рис. 2, 6), штыковидный наконечник копья (рис. 2, 8) из нижнего слоя Верхнегунибского поселения, два тесла с поселений Галгалатли (рис. 2, 10) и Чиркей (рис. 2, 12), нож из Галгалатли (?) (рис. 2, 9). Украшения представлены четырьмя многовитковыми очковидными подвесками и спиралью, найденными на Чиркейском поселении (рис. 2, 1—5). Сохранение мышьяка в составе их металла колеблется от 1% до 3%.

Часть проанализированных изделий тяготеет к куро-аракской культуре. Как и закавказские воины на заре бронзового века, древние обитатели Дагестана пользовались копьями и штыками с четырехгранным насадом, хотя находки последних здесь более редки по сравнению с Закавказьем. Топор из с. Хутрах близок по форме группе подобных орудий, распространенных в конце III тысячелетия до н. э. главным образом на севере Грузии и отчасти в Прикубанье. Для них характерна горбатая спинка и расширение клина к лезвию. Они найдены у с. Ялбузи, в урочище Кулбакеби, в кургане 1 у ст. Псебайской¹¹ и в Сванетии¹². К закавказским типам, возможно, тяготеет «клевец» из с. Ругджа¹³.

Однако не только с районами Закавказья связан круг аналогий древнейших бронзовых орудий Дагестана. Так, с очковидными многовитковыми подвесками не были знакомы племена куро-аракской и майкопской культур. Ближайшие параллели эти украшения находят среди подвесок из слоев поселения Тепе-Гиссар II и III, на северо-западе Ирана¹⁴, датируемых в основном второй половиной III тысячелетия до н. э. (2600—1900 гг. до н. э.)¹⁵.

Другие предметы имеют широкий круг параллелей в памятниках Кавказа и Северо-Западного Ирана. Таковы тесла из поселений Галгалатли и Чиркей. Они совпадают по форме с теслами эпохи ранней бронзы племен майкопской культуры, но подобные же орудия, хотя и в меньшем числе, найдены в погребениях куро-аракских племен этого

¹¹ Кореневский С. Н. Комплекс бронзовых орудий майкопского погребения у станицы Псебайской.— КСИА, 1975, №142, с. 69, рис. 1, 2, 5.

¹² Чартолан Ш. Г. Древнейшие медные орудия и оружие из Сванетии. Исторический сборник, т. II, Тбилиси, 1970, с. 507, табл. IX, 1, 4.

¹³ Котович В. Г., Котович В. М. Находки древних бронзовых топоров в Дагестане.— В сб.: Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973, с. 78.

¹⁴ Schmidt E. Tepe-Hissar Excavations, 1931. Museum Journal, V. XVIII, 1. Philadelphia, 1933, p. 380, pl. CV, H6; Excavations at Tepe-Hissar. Damghan, Philadelphia, 1937, pl. LIV, H. 4333, 4326.

¹⁵ Dyson R. Relative Chronology of Iran 6000—2000 B. C. Chronology in *Oval world Archaeology*. Chicago, 1967, p. 239—242.

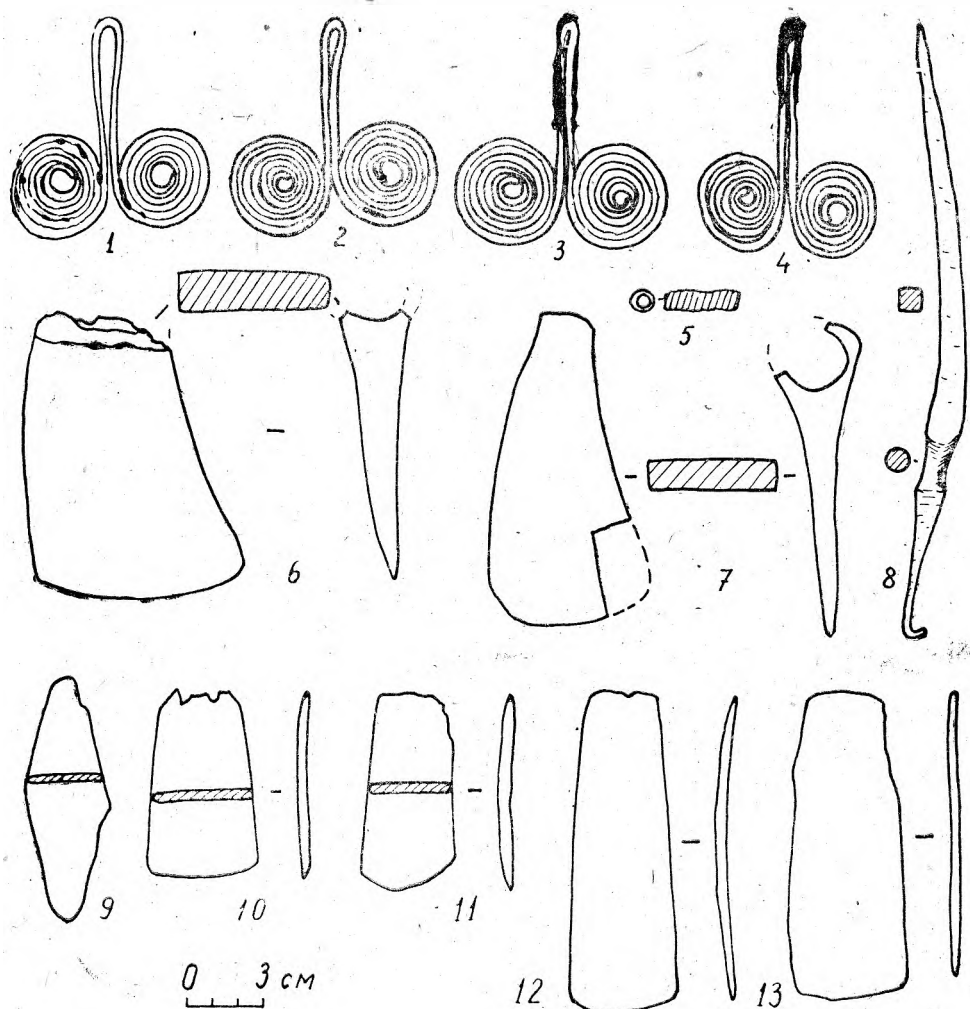

Рис. 2. Предметы из мышьяковой бронзы, найденные в Дагестане, и их майкопские аналоги (1—5, 12 — Чиркейское поселение, 6 — Мекеги, 7 — Хутрах, 8 — Верхнегунибское поселение, 9, 10 — Галгалатли, 11 — станица Новосвободная, кург. 1, 13 — станица Апшеронская).

времени (курган у с. Астара в Азербайджане)¹⁶. Нож с ромбической рукояткой из Галгалатли (?) входит в круг своеобразных ножей с невыделенными плечиками. Более всего они известны с территории майкопской культуры¹⁷. Однако подобные орудия были найдены в Корети (Сачхерский район Грузинской ССР)¹⁸ и на поселении Тепе-Гиссар II¹⁹.

Из-за ограниченного круга источников в настоящее время еще трудно дать исчерпывающее описание изделий местной металлообработки в Дагестане в эпоху ранней бронзы. Однако уже сейчас можно предположить, что основные виды орудий и оружия (топоры, копья, штыки, тесла, ножи) изготовлялись древними кузнецами Дагестана на месте. Это подтверждают находки литейной формы топора и тесла с дефектами литья на тыльной стороне на поселении Галгалатли, отливки медного копья из Чиркейского поселения и клевца из с. Ругуджа. В Закавказье такие орудия изготовлялись из мышьяковой бронзы²⁰. Как справедливо отмечает В. М. Котович²¹, штыковидный наконечник копья из Верхнегунбского поселения не имеет традиционного упора у черенка и тем самым отличен от аналогичных орудий из Закавказья, Ура²², Тепе-Гиссара²³. Он сделан на манер копья с череновым насадом, и, скорей всего, является местным подражанием южным образцам.

В Дагестане древнейшие бронзовые изделия и литейные формы нередко встречаются на поселениях. Примером этого может служить поселение Галгалатли, где внутри одного из помещений найдены литейная форма топора и тесло. Подобная картина наблюдается и в Закавказье. Поэтому можно предположить, что характер зарождающейся металлообработки Дагестана был принципиально близок куро-аракской. Древние кузнецы этих племен жили на поселениях и являлись, вероятно, членами локальных групп (рода, племени), населявших поселок. Их можно считать первобытными профессионалами, организация которых скорее всего носила индивидуально-семейный или родовой характер²⁴, как и у их южных собратьев по ремеслу, оставивших следы своей деятельности

¹⁶ Махмудов Ф. А., Мунчаев Р. М., Нариманов И. Г. О древней металлургии Кавказа.—СА, 1968, № 4, с. 21, рис. 5, 1, 2.

¹⁷ Мунчаев Р. М. Кавказ на заре..., с. 224, рис. 41.

¹⁸ Джапаридзе О. М. К истории грузинских племен на ранней стадии медно-бронзовой культуры. Тбилиси, 1961, табл. XVIII, 3.

¹⁹ Schmidt E. Tepe-Hissar..., pl. CIII, H. 21.

²⁰ Абесадзе Ц. Производство металла в Закавказье в III тыс. до н. э. Тбилиси, 1969.

²¹ Котович В. М. Верхнегунбское поселение. Махачкала, 1965, с. 138.

²² Woolley L. Ur Excavations. II, London, 1934, pl. 154, U. 100049, pl. 227, U. 7925, 7930.

²³ Schmidt E. Excavations..., pl. L, H. 3324, 3221.

²⁴ Принципиальная схема структуры организаций древних металлургов предложена Е. Н. Черных. См. его: Древняя металлообработка на юго-западе СССР. М., 1976, с. 160—162.

в виде обломков литейных форм на поселениях Кюль-Тепе, Гарни, Шенгавит²⁵.

Многие вопросы становления древней металлургии на Северо-Восточном Кавказе остаются еще открытыми. Небольшая серия из 15 рассмотренных предметов эпохи ранней бронзы по формам вещей и составу их металла позволяет предположить, что территория древнего Дагестана на заре бронзового века была местом пересечения влияний металлообработки различных историко-культурных областей. Важное воздействие на распространение металлических орудий среди местного населения и на становление их собственной металлообработки оказали племена куро-аракской культуры. Как в Закавказье, так и в Дагестане в эпоху ранней бронзы мы сталкиваемся с находками литейных форм на поселениях в жилых комплексах, что отражает, вероятно, индивидуально-семейную, родовую организацию литейщиков-профессионалов.

Воздействие яркой металлообработки майкопской культуры также оставило свой след в традициях металлопроизводства древнего Дагестана. Галгалатлинская литейная форма топора детально повторяет очертания топоров самого распространенного вида (группа 2) новосвободненских племен майкопской культуры²⁶.

Появление у местного населения оригинальных для эпохи ранней бронзы украшений в виде очковидной подвески, возможно, отражает связи с соседними племенами Северо-Западного Ирана. В других районах Кавказа в это время такие украшения хождения не имели.

Так, на пересечении ряда культурных традиций зарождалась собственная металлообработка племен Северо-Восточного Кавказа и складывалось местное своеобразие ассортимента раннебронзовых изделий, отражающих влияния и связи с населением Закавказья, майкопской культуры и Северо-Западного Ирана.

²⁵ Кушнарева К. Х., Чубинишвили Т. Н. Древние культуры Южного Кавказа. Л., 1970, с. 114, рис. 115, 4, 5, 9.

²⁶ Корневский С. Н. О металлических топорах., с. 20, рис. 6.

В. Г. КОТОВИЧ

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ИСТОРИЧЕСКОГО МЕСТА КАЯКЕНТСКО-ХОРОЧОЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Вокруг вопроса об историческом месте каякентско-хорочоевской культуры в археологии Северо-Восточного Кавказа в настоящее время сложилась проблемная ситуация. В специальной литературе высказаны разноречивые мнения по поводу ее хронологии. Разные исследователи по-разному представляют себе ведущие признаки этой культуры. Все эти разногласия стали проявляться сравнительно недавно, но почва для них была подготовлена значительно раньше.

Раскопанный еще в 1898 г. первый памятник этой культуры—Каякентский могильник¹ долгое время оставался вне поля зрения исследователей. Интерес к нему пробудился лишь в 30-х гг. нынешнего столетия. Австрийский археолог Ф. Ганчар отнес этот памятник к эпохе меди и поместил его и одну группу с Майкопским курганом, Новосвободненскими дольменами, Долинским поселением², что, впрочем, не встретило признания со стороны других специалистов. В конце 30-х гг. материалами Каякентского и ставших известными в ту пору Хорочоевского и других близких по культуре могильников вплотную занялись советские исследователи А. П. Круглов и Е. И. Крупнов. Благодаря их плодотворным исследованиям на Северо-Восточном Кавказе была выделена новая археологическая культура — «хорочоевская» или «каякентско-хорочоевская», охарактеризованы ее главные признаки, очерчен ареал, установлены направления культурных связей. Но при определении ее хронологии исследователям пришлось с самого начала столкнуться с немалыми трудностями, обусловленными почти полным отсутствием в Дагестане и Чечено-Ингушетии изученных памятников эпохи бронзы и раннего

¹ ОАК за 1898 г. Спб., 1901, с. 141—156.

² Ганчар F. Urgeschichte Kaukasiens von den anfangen seiner Besiedlung bis in die Zeit seiner frühen Metallurgie. Wien, 1937, S. 242, 280—284.

железа. Поэтому аналогии материалам каякентско-хорочоевских памятников пришлось искать за пределами Северо-Восточного Кавказа. И поскольку многие из них вели к памятникам северокавказской и, отчасти, срубной и катакомбной культур, А. П. Круглов и Е. И. Крупнов первоначально склонялись к тому, чтобы отнести каякентско-хорочоевскую культуру к эпохе бронзы³. Но после того как Е. И. Крупнову удалось выявить в позднебронзовых и раннежелезных памятниках Азербайджана параллели некоторым категориям инвентаря каякентско-хорочоевской культуры, наметилась тенденция к ее омоложению. При этом исследователи заметно разошлись в своих оценках: Е. И. Крупнов датировал каякентско-хорочоевскую культуру «около середины I тысячелетия до н. э., не позднее VI—V вв. до н. э.»⁴, а А. П. Круглов отнес ее к началу I тысячелетия до н. э. или к IX—VIII вв. до н. э.⁵ Правда, уже в первых послевоенных работах Е. И. Крупнов значительно расширил хронологические рамки каякентско-хорочоевской культуры, включив в них всю первую половину I тысячелетия до н. э.⁶ Периодом «от начала I тысячелетия до н. э. до раннескифского времени, т. е. VII—VI вв. до н. э.» датировал каякентско-хорочоевские комплексы Таркинского могильника и К. Ф. Смирнов⁷.

Этим самым каякентско-хорочоевская культура ставилась в один ряд с кобанской и ходжалы-кедабекской культурами, хотя, как справедливо отмечал А. П. Круглов, «точек соприкосновения между материалом классических кобанских могильников и инвентарем могильников хорочоевского типа очень мало»⁸. В науке надолго утвердилось мнение об одновременности пышных, богатых металлом (включая первые железные изделия) кобанской и ходжалы-кедабекской культур с явно и значительно уступавшей им в этих аспектах каякентско-хорочоевской культурой (бедной металлом, без каких-либо признаков знакомства с железом). Основываясь на этом, А. П. Круглов поставил вопрос о неравномерности исторического процесса в общекавказском масштабе, одним из конкретных проявлений которой он считал значительное (на целую

³ Крупнов Е. И. Каякентский могильник — памятник древней Албании. — Тр. ГИМ, 1940, вып. XI, с. 9—10.

⁴ Там же, с. 16.

⁵ Круглов А. П. Северо-Восточный Кавказ во II—I тысячелетия до н. э. (тезисы канд. дис.). — КСИИМК, 1946. XIII, с. 132; его же. Предскифские памятники Северо-Восточного Кавказа. — Уч. зап. ЛГУ, № 85, серия истор. наук, вып. 13, 1949, с. 127; его же. Северо-Восточный Кавказ во II—I тысячелетия до н. э. — МИА, 1958, № 68, с. 93.

⁶ Крупнов Е. И. Новый памятник древних культур Дагестана. — МИА, 1951, № 23, с. 225.

⁷ Смирнов К. Ф. Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки. — МИА, 1951, № 23, с. 254.

⁸ Круглов А. П. Предскифские памятники., с. 121—128.

историческую стадию!) отставание носителей каякентско-хорочоевской культуры от северных и южных соседей⁹.

Между тем, с течением времени в Дагестане был выявлен целый ряд новых памятников, инвентарь которых при сохранении некоторых каякентско-хорочоевских элементов обнаруживал большую близость с материалами других кавказских памятников позднебронзового, предскифского периодов. Однако значением новых фактов было оценено не сразу. Например, в одном из разделов вышедшего в 1957 г. обобщающего труда по истории Дагестана период поздней бронзы (время бытования каякентско-хорочоевской культуры) традиционно относился к первой половине I тысячелетия до н. э.¹⁰, тогда как в другом разделе утверждалось, что «широкое употребление железных изделий приходится в Дагестане на то же время, что и у соседних племен и народов, т. е. на VII—VI вв. до н. э.»¹¹. Но в конце 50-х гг. в дагестанской археологии окончательно утвердилось представление о том, что к предскифскому периоду (IX—VIII вв. до н. э.) относятся памятники типа Дагбашского (Зандакского) и Мугерганского могильников, где, как и в одновременных памятниках кобанской культуры, уже появляются единичные железные изделия, а к скифскому периоду (VII—IV вв. до н. э.) — памятники типа Хабадинского, Макинского и Шаракунского могильников, в инвентаре которых железные изделия встречаются довольно часто. С признанием этого было полностью опровергнуто представление о якобы имевшем место значительном отставании исторического развития дагестанских племен в первой половине I тысячелетия до н. э.¹²

Однако расхождения вокруг вопроса о хронологии самой каякентско-хорочоевской культуры сохранялись. В. И. Канивец настаивал на значительном расширении ее хронологических рамок «от начала второй половины II тысячелетия до н. э. до первых веков I тысячелетия до н. э.»¹³. В этих рамках он выделил раннюю группу памятников (Талгинский, Кабартыкутанский, Таркинский и др. могильники), которую датировал не позднее последней трети II тысячелетия до н. э., и позднюю, датированную началом I тысячелетия до н. э., куда наряду с «классическими»

⁹ Круглов А. П. Северо-Восточный Кавказ... (тезисы канд. дис.), с. 134.

¹⁰ Очерки истории Дагестана. Т. I, Махачкала, 1957, с. 16—17.

¹¹ Там же, с. 20.

¹² Пикуль М. И. Эпоха раннего железа в Дагестане. — В кн.: Тезисы докл. на научн. сессии Института ИЯЛ Даг. филиала АН СССР, посвященной археологии Дагестана. Махачкала, 1959, с. 33—35; Кофювич В. Г., Шейхов Н. Б. Археологическое изучение Дагестана за 40 лет. — Уч. зап. ИИЯЛ, т. VIII, 1960, с. 344, 348—350.

¹³ Канивец В. И. Миатли — новый памятник бронзового века в Северном Дагестане. — МАД, 1959, т. I, с. 50.

памятниками данной культуры — Каякентским и Хорочоевским могильниками — он отнес также Дагбашский или Зандакский могильник¹⁴.

Неоправданность расширения хронологических рамок каякентско-хорочоевской культуры была отмечена в вышедшей вскоре нашей совместной с Н. Б. Шейховым статье, где обосновывалась различная культурная принадлежность памятников зандакско-мугерганского типа и каякентско-хорочоевских, причем время бытования последних ограничивалось двумя — тремя столетиями в пределах последней трети II тысячелетия до н. э.¹⁵

Под влиянием новых материалов и оценок произошли некоторые изменения и во взглядах Е. И. Крупнова, выделявшего в своих последних трудах два периода развития каякентско-хорочоевской культуры¹⁶. К раннему (XII—X вв. до н. э.) он относил памятники, где еще нет железа (в том числе Каякентский и Хорочоевский могильники). Второй период (X—VIII вв. до н. э.), по его мнению, «характеризуется окончательным закатом каякентско-хорочоевской культуры (подч. мною — В. К.) и появлением новых памятников, по признанию дагестанских археологов, связанных с предшествующим этапом, но осложненных взаимосвязями с позднекобанской культурой и с Закавказьем. Одновременно он характеризуется и первыми признаками железа. По существу это и будет предскифский период раннего железа»¹⁷.

С появлением этих работ взгляды исследователей на историческое место каякентско-хорочоевской культуры несколько сблизились, хотя оставалось еще немало расхождений. Дагестанские археологи считали ее культурой позднебронзовой эпохи (последние века II тысячелетия до н. э.)¹⁸, тогда как памятники типа Зандакского и Мугерганского могильников относились ими к разным местным культурам начала эпохи раннего железа¹⁹. Однако ряд специалистов (В. И. Марковин, В. Б. Ви-

¹⁴ Канивец В. И. Миатли., с. 50—51; его же. Вопросы периодизации и хронологии бронзового века Дагестана (рукопись). РФ ИИЯЛ, д. 2409, с. 128—150.

¹⁵ Котович В. Г., Шейхов Н. Б. Археологическое изучение., с. 344.

¹⁶ Кгурпов Е. A propos de la chronologie de l'Age du Fer au Caucase Nord.— VI Congress International des Sciences Prehistoriques et Protohistoriques. Moscou, 1962, p. 11—13; Крупнов Е. И. Раннежелезный век Северного Кавказа.— Уч. зап. ИИЯЛ, т. XIV, серия историч., 1965, с. 339—340.

¹⁷ Крупнов Е. И. Раннежелезный век., с. 340.

¹⁸ Котович В. М. Верхнегунисское поселение — памятник эпохи бронзы горного Дагестана. Махачкала, 1965, с. 249—250; История Дагестана. Т. I, М., с. 54, 87—91; Гаджиев М. Г. Из истории культуры Дагестана в эпоху бронзы. Махачкала, 1969, с. 154—155.

¹⁹ Пикуль М. И. Эпоха раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1967, с. 13—33; История Дагестана, т. I, с. 88—91; Давудов О. М. К вопросу о материальной культуре и производстве древнего Дагестана. Махачкала, 1968, с. 11—13, 16—24; его же. О месте памятников зандакского облика среди синхронных куль-

ноградов и др.) по-прежнему считали названные памятники «каякентско-хорочоевскими».

В монографии В. И. Марковина, где собран значительный материал по каякентско-хорочоевской культуре и высказано много новых ценных суждений о ее истоках, эволюции, локальных вариантах, немало места уделено и вопросам хронологии. Время бытования этой культуры разделено на три периода: ранний (1300—1100 гг. до н. э.), период расцвета (1100—900 гг. до н. э.) и заключительный (после 900 г. до н. э.)²⁰. Несомненным достоинством построений В. И. Марковина является, на наш взгляд, доказательство существования преемственной связи между культурой памятников эпохи средней бронзы и каякентско-хорочоевской, убедительно обрисованное на примере керамики²¹. Однако открываемые этим перспективы были сведены на нет его ничем не мотивированным отказом от признания установленных еще А. П. Кругловым параллелей металлическому инвентарю каякентско-хорочоевских памятников среди соответствующих изделий северокавказской культуры²². Вследствие этого Каякентский, Хорочоевский и другие могильники были датированы 1100—900 гг. до н. э. и тем самым признаны одновременными раннекобанским памятникам.

В. Б. Виноградов, в отличие от Е. И. Крупнова и В. И. Марковина, не ограничивает заключительный этап бытования каякентско-хорочоевской культуры рамками предскифского периода, а растягивает его почти на все I тысячелетие до н. э.²³

Отмеченные расхождения между исследователями в определении хронологии каякентско-хорочоевской культуры усугубляются отсутствием общепринятых представлений о ее ведущих признаках. А. П. Круглов и Е. И. Крупнов считали таковыми погребальные сооружения в виде каменных ящиков (редко — грунтовые ямы и срубы) с одиночными и парными захоронениями в скорченном или сидячем положении, своеобразную керамику с грубой обмазкой поверхности и многочисленный металлический инвентарь — браслеты, провололочные и пластинчатые височные подвески, мелкие сурьмяные привески и чрезвычайно редкие

тур Кавказа. — В кн.: Тезисы докладов IV Крупновских чтений по археологии Кавказа. Орджоникидзе, 1974, с. 27—28; его же. Мугерганская культура. — В сб.: Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973, с. 125—129.

²⁰ Марковин В. И. Дагестан и горная Чечня в древности. М., 1969, с. 80—85.

²¹ Там же, с. 51—52, 54—55, 57—59, 80.

²² Там же, с. 79.

²³ Виноградов В. Б. Рец.: Пикун М. И. Эпоха раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1967. — СА, 1969, № 2, с. 288—289; его же. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный, 1972, с. 245—265; его же. Предисловие к кн.: Давудов О. М. Культуры Дагестана эпохи раннего железа. Махачкала, 1974, с. 5.

находки оружия²⁴. Сторонники длительного бытования каякентско-хорочоевской культуры вынуждены внести в эту характеристику существенные коррективы, дополнив ее обрядом конских захоронений и по существу совершенно новым комплексом многочисленных и разнообразных металлических изделий — оружия (преимущественно — железного) принадлежностей одежды и украшений, среди которых немало кобанских типов²⁵. В некоторых случаях к кругу каякентско-хорочоевских относятся могильники, состоявшие исключительно из грунтовых захоронений²⁶.

Сказанное характеризует нынешнюю остродискуссионную ситуацию вокруг каякентско-хорочоевской культуры, побудившую нас предпринять новую попытку рассмотрения затронутых вопросов²⁷. Начнем с трактовки самого понятия «археологическая культура».

Как известно, определение археологической культуры долгое время дискутируется специалистами, что, впрочем, пока не привело к выработке общепризнанного понятия²⁸. Нам представляются более предпочтительными определения тех исследователей, которые предполагают связь между археологической культурой и этносом²⁹, поскольку в новейших определениях этноса «общие, относительно стабильные особенности культуры (в том числе и языка)» выступают в качестве его основных признаков³⁰. Во всяком случае, подобная связь несомненна для таких областей как Кавказ, истоки этнокультурного единства населения которого справедливо усматриваются сейчас в культурах мезолита и даже

²⁴ Круглов А. П. Северо-Восточный Кавказ... (тезисы канд. дис.), с. 132—133; Крупнов Е. И. Раннежелезный век..., с. 339—340.

²⁵ Виноградов В. Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ..., с. 276—283; Виноградов В. Б., Марковин В. И. Могильник «Яман-Су» на границе Чечни и Дагестана.— АЭС, Грозный, 1968, т. II, с. 167—173; Дударев С. Л. Рец.: Давудов О. М. Культуры Дагестана эпохи раннего железа. Махачкала, 1974.— Изв. СКНЦВШ, 1977, № 1, с. 114.

²⁶ Ошаев М. Х. Новые могильники каякентско-хорочоевской культуры. АО—1974, М., 1975, с. 124.

²⁷ Основные положения данной статьи изложены нами ранее в работе: Бытовые памятники эпохи раннего железа на территории Дагестана (рукопись 1969 г.—РФ ИИЯЛ, д. № 4108, рукопись 1970 г.—РФ ИИЯЛ, д. № 4449) и в докладе: Об историческом месте каякентско-хорочоевской культуры.— В кн.: Тезисы докладов, посвященных итогам полевых археологических исследований в 1970 г. в СССР. Археологические секции (дополнит. вып.). Тбилиси, 1971, с. 19—21.

²⁸ См. об этом, напр.: Каменецкий И. С. Археологическая культура — ее определение и интерпретация.— СА, 1970, № 2, с. 18—36; Клейн Л. С. Проблема определения археологической культуры.— Там же, с. 37—51; Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований (тезисы докл.). Л., 1975.

²⁹ Захарук Ю. Н. Проблеми археологічної культури.— Археологія, XVII, Київ, 1964, с. 39; Каменецкий И. С. Археологическая культура..., с. 29, 35—36.

³⁰ Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973, с. 37.

верхнего палеолита³¹, и где на протяжении неолитической и энеолитической эпох (т. е. к III тысячелетию до н. э.) уже сложились крупные массивы племен — носителей пракартвельской, праабхазо-адыгейской и прадагестано-нахской (или, как нередко полагают, по отдельности прадагестанской и пранахской) языковых общностей, потомки которых и поныне в основном располагаются в своих изначальных ареалах³².

Общность исторических судеб этих длительно существовавших и существовавших этнических массивов, сходство сложившихся в их среде хозяйственно-культурных типов способствовали известной нивелировке материальной культуры, выработке многих близких или даже общих ее элементов, вследствие чего Кавказ нередко рассматривается как единая культурно-историческая область или провинция³³. Однако значение отмеченного обстоятельства не стоит преувеличивать. Насколько можно судить по имеющимся материалам, древние этнические массивы Кавказа не были однородными, а состояли из множества родственных, но достаточно разобщенных родо-племенных групп, каждая из которых, обладавшая чертами некоторого этнокультурного своеобразия, компактно заселяла определенную территорию.

Очевидно, культурное единство каждой из таких родо-племенных групп и объединявших их крупных этнических массивов должно было проявляться не столько в сходстве или даже общности тех компонентов культуры, которые определялись их эпохальной, региональной и хозяйственно-культурной принадлежностью, но прежде всего и главным образом в общности ее специфических элементов и признаков, не характерных для одновременных культур других районов и областей кавказского региона. При выявлении последних представляется необходимым опираться на положения этнографической науки об этнодифференцирующей функции культуры. Согласно Ю. В. Бромлею, в подобной роли помимо языка «нередко выступают специфические формы отдельных предметов (материальной — В. К.) культуры (формы различной домашней утвари,

³¹ Формозов А. А. Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965, с. 155; Джапаридзе О. М. К этнической истории грузинских племен. Тбилиси, 1976, с. 317—318.

³² Климов Г. А. Кавказские языки. М., 1965, с. 76—77; История Дагестана, т. I, с. 38—40, 82—85; Джапаридзе О. М. К этнической истории... с. 335 с. О последовательных этапах распада прадагестано-нахского, а затем и прадагестанского единства см.: Гигинеишвили Б. К. Сравнительная фонетика дагестанских языков. Тбилиси, 1977.

³³ Очерки общей этнографии. Азиатская часть СССР. М., 1960, с. 7, 19; Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А. Народы, расы, культуры. М., 1971, с. 216. О взаимоотношении понятий «археологическая культура», «хозяйственно-культурный тип» и «историко-этнографическая область» см. у Захарука Ю. Н., Арутюнова С. А. и Хазанова А. М., Мелконяна Э. Л., Адрианова Б. В. и Чебоксарова Н. Н. в кн.: Историзм в археологии: методологические проблемы (тезисы докл.). М., 1976, с. 9—10, 48—55.

украшений, орнаментов и т. п.)»³⁴. Разумеется, эти компоненты культуры, взятые как по-отдельности, так и в определенных сочетаниях, не могли оставаться неизменными на протяжении существования этноса, а, напротив, изменялись в общем русле развития его культуры, образуя всякий раз качественно новые сочетания, каждое из которых было присуще определенному историческому периоду. Можно полагать, что разновременные, но непосредственно следовавшие друг за другом сочетания подобных компонентов должны были иметь некоторое количество общих черт, свидетельствующих о преемственной связи между последовательными этапами развития одного и того же этноса.

С учетом всего сказанного, выделение археологических культур в областях с длительно существующими этносами, по нашему мнению, не может ограничиваться только установлением сходства различных категорий материальной культуры той или иной группы археологических памятников, их хронологии и ареала, а непременно должно сопровождаться выявлением комплекса ее специфических, «этнодифференцирующих» компонентов и сопоставлением их с подобными компонентами предшествующего и последующего периодов, без чего невозможно определение ее исторического места в общем процессе культурно-исторического развития изучаемого этноса. Эта чрезвычайно трудная сама по себе задача усложняется еще и тем, что в конкретной исторической действительности «этнодифференцирующие» компоненты культуры обычно соответствуют разным уровням: от всего этноса в целом до входящих в него отдельных групп³⁵.

По-видимому, и в кавказских древностях сочетания специфических отличительных черт культуры тоже соответствовали нескольким уровням: от общих для крупных этнических массивов до более drobных, локальных, присущих группам близкородственных племен, а также отдельным племенам и этнографическим группам. Основываясь на этом, представляется возможным вслед за Ю. Н. Захаруком считать наиболее вероятными носителями археологических культур палеометаллических эпох группы близко родственных племен, говоривших на диалектах одного языка³⁶. В таком случае локальные варианты археологических культур должны соответствовать отдельным племенам и более мелким этническим группам. А территории расселения крупных этнических массивов, объединявших группы племен-носителей родственных языков и, соответственно, близких археологических культур следует считать этнокультурными областями³⁷.

³⁴ Ю. В. Бромлей. Этнос и этнография, с. 65.

³⁵ Там же, с. 64—65.

³⁶ Захарук Ю. Н. Проблемы археологічної культури, с. 36.

³⁷ Захарук Ю. Н. Историзм: проблемы археологии и этнографии.— В кн.: Историзм археологии: методологические проблемы (тезисы докл.). М., 1976, с. 10.

Опираясь на высказанные соображения, обратимся непосредственно к нашей теме. Как явствует из приведенного выше историографического обзора, позиции исследователей в основном совпадают в определении относительного места «классических» каякентско-хорочоевских памятников (Каякентского, Мамайкутанского, Таркинского, Урминского, Гатлинского, Хорочоевского и др. могильников) и нередко относимых к их числу памятников талгинского этапа (Талгинский, Кабартыкутанский, Мискинбулакский и др. могильники) между памятниками гинчинско-гатынскинского этапа с одной стороны и зандакско-мугерганского этапа с другой, а также в интерпретации их как памятников коренного, автохтонного населения Северо-Восточного Кавказа. Расхождения проявляются в определении абсолютной хронологии как всей каякентско-хорочоевской культуры в целом, так и отдельных групп относимых к ней памятников (ряд исследователей считает памятники талгинского этапа более древними, чем классические каякентско-хорочоевские³⁸, другие синхронизируют их³⁹, а некоторые, напротив, ставят памятники талгинского этапа после классических каякентско-хорочоевских)⁴⁰, равно как и в вопросе о правомерности отнесения памятников зандакско-мугерганского этапа и еще более поздних по времени к каякентско-хорочоевской культуре. Наша задача сводится к рассмотрению именно этих дискуссионных вопросов. Начнем с сравнительной характеристики основных признаков, присущих классическим, эталонным памятникам каякентско-хорочоевской культуры.

Как известно, одной из наиболее типических черт Каякентского, Хорочоевского и других классических могильников данной культуры считается погребальный обряд, характеризующийся одиночными или парными захоронениями в каменных ящиках, совершавшимися в зависимости от локальных особенностей либо в скорченном, либо в сидячем положении⁴¹. В равной мере все эти черты погребального обряда присущи и известным ныне памятникам талгинского этапа⁴². Однако картина несколько меняется в более поздних по времени памятниках зандакско-мугерганского этапа: на некоторых из них (Акярский и Шахсенгерский

³⁸ Исаков М. И. Талгинский могильник.— КСИМК, 1957, № 67, с. 132; Канивец В. И. Миатли — новый памятник., с. 50; Пиккуль М. И. Раскопки на Сулаке., с. 163—164.

³⁹ Марковин В. И. Дагестан и горная Чечня., с. 81—82, 85.

⁴⁰ Крупнов Е. И. Раннежелезный век., с. 340.

⁴¹ Круглов А. П. Северо-Восточный Кавказ... (монография), с. 52, 55—57; Крупнов Е. И. Раннежелезный век., с. 319; Марковин В. И. Дагестан и горная Чечня., с. 30—33.

⁴² Исаков М. И. Талгинский могильник, с. 126 сл.; Пиккуль М. И. Раскопки на Сулаке., с. 161, 163; Котович В. М. Мискинбулакский могильник (см. с. 79—96 в настоящем сборнике).

могильники) продолжает практиковаться обряд захоронения в каменных ящиках⁴³, на других он сосуществует с обрядом захоронений в грунтовых могилах⁴⁴, наконец, известен еще ряд памятников, где практиковались только грунтовые захоронения⁴⁵. Подобная картина наблюдается и в последующий, скифский период, когда наряду с широким распространением обряда грунтовых захоронений⁴⁶ в некоторых местах еще встречаются и захоронения в каменных ящиках⁴⁷.

Проведенные факты еще раз подтверждают правоту исследователей, считающих, что только в памятниках каякентско-хорочоевского и талгинского этапов каменные ящики «являются основным и почти единственным типом погребальных сооружений»⁴⁸. Подчеркивая это, не следует упускать из вида другое обстоятельство: Северо-Восточный Кавказ — лишь одна из многих областей, где в древности в широких хронологических рамках бытовали погребальные сооружения в виде каменных ящиков. Укажем в качестве примера, что в Закавказье они встречаются с III до начала I тысячелетий до н. э.,⁴⁹ на Северном Кавказе — в па-

⁴³ Марковин В. И. Дагестан и горная Чечня., с. 28; Давудов О. М. Культуры Дагестана., с. 34, 146—147.

⁴⁴ Пикуль М. И. Дагбашикий могильник.— Уч. зап. ИИЯЛ, т. IX, 1961, с. 303; Марковин В. И. Новые материалы по археологии Северной Осетии и Чечни.—КСИА АН СССР, 1964, № 98, с. 84; его же. Дагестан и горная Чечня., с. 18.

⁴⁵ Пикуль М. И. Мугерганский могильник.— МАД, 1973, т. III, с. 41; Давудов О. М., Гаджиев Ю. М. Раскопки Мугерганского могильника.—АО — 1974; М., 1975, с. 118; Ошаев М. Х. Новые могильники каякентско-хорочоевской культуры, с. 124.

⁴⁶ Мунчаев Р. М., Смирнов К. Ф. Археологические памятники близ с. Карабудахкент.—МИА, 1958, № 68, с. 172; Котович В. Г. Новые археологические памятники Южного Дагестана.—МАД, 1959, т. I, с. 142; Пикуль М. И. Хабадинский могильник.—МАД, 1961, т. II, с. 146—147; Давудов О. М. Культуры Дагестана., с. 51—52, 152 и сл.

⁴⁷ Виноградов В. Б., Марковин В. И. Могильник «Яман-Су»., с. 165—167; Багаев М. Х. Раскопки в сел. Бети-Мокх. АО — 1975, М., 1976, с. 110—111; Кривицкий В. В., Нечаева Л. Г. Погребение скифского времени у сел. Берикей (см. с. 137—146 в наст. сб.); Давудов О. М. Берикейский могильник скифского времени (см. с. 128—136 в наст. сб.).

⁴⁸ Мунчаев Р. М. Эпоха меди и бронзы в истории Дагестана. Автореф. канд. дис. М., 1953, с. 11.

⁴⁹ См., напр.: Ивановский А. А. По Закавказью.—МАК, М., 1911, т. VI, с. 167; Гуммель Я. И. Археологические очерки. Баку, 1940, с. 128—144; Куфтин Б. А. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941, с. 65; Пиотровский Б. Б. Археология Закавказья. Л., 1949, с. 56; Минкевич-Мустафаева Н. В. О датировке и хронологических этапах некоторых памятников Азербайджана эпохи поздней бронзы и раннего железа.—МКА, 1962, т. IV, с. 110, 116, 123; Мартиросян А. А. Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1964, с. 35—36, 83, 132 и др.; Чубинишвили Т. Н. К древней истории Южного Кавказа. Тбилиси, 1971, с. 70—71.

⁵⁰ См. напр.: Крупнов Е. И. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода.—МИА, 1951, № 23, с. 31; его же. Древняя история Северного

веро-Восточном Кавказе они также появляются не позднее первой половины II тысячелетия до н. э.⁵¹, хотя их преобладание в погребальном обряде, как уже отмечалось, приходится здесь на последующий период.

Переход от обряда коллективных захоронений в круглопланых и прямоугольных склепах (Гинчи, Чох, Ирганай, Гатын-Кале, Эгикал и др.) к индивидуальным и парным захоронениям в каменных ящиках, преобладавшим в памятниках каякентско-хорочоевского и талгинского этапов, был обусловлен здесь не изменениями в этническом составе населения, а глубокими социальными причинами. Судя по наблюдениям над погребальными⁵² и жилыми⁵³ сооружениями среднебронзовых памятников горного Дагестана, в недрах местного общества в ту пору происходили важные сдвиги, вызванные возрастанием хозяйственной и социальной роли малых семей, подрывавшим экономические устои общин⁵⁴. Как известно, аналогичные процессы протекали в бронзовом веке и далеко за пределами Кавказа⁵⁵.

Все сказанное позволяет заключить, что значение рассмотренного признака не следует абсолютизировать: взятый сам по себе каменный ящик с одиночным или парным захоронением является характерным, но не специфическим («этнодифференцирующим») элементом каякентско-хорочоевской культуры, поскольку его ареал и хронологические рамки значительно шире, а своим происхождением он обязан причинам скорее социального, нежели этнического свойства.

Обратимся теперь к погребальному инвентарю каякентско-хорочоевских могильников. Начнем с керамики, наиболее специфическими особенностями которой справедливо считаются грубая обмазка тулов сосудов жидкой глиной и валиковая орнаментация⁵⁶. Подобная керамика настолько характерна для данной культуры, что некоторые исследователи подчас безоговорочно считают всякую находку обмазанного сосуда с валиковым орнаментом свидетельством принадлежности соответст-

Кавказа. М., 1960, с. 178, 207, 211, 213 и др.; Марковин В. И. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы.— МИА, 1960, № 93, с. 42, 46, 53.

⁵¹ Канивец В. И. Миатли — новый памятник., с. 37—39.

⁵² Гаджиев М. Г. О погребальном обряде племен горного Дагестана в бронзовом веке.— Уч. зап. ИИЯЛ, т. XIII, серия историч., 1964, с. 251—253; его же. Из истории культуры..., с. 164—165.

⁵³ Котович В. М. Верхнегунибское поселение., с. 237—238.

⁵⁴ История Дагестана, т. I, с. 59—60.

⁵⁵ См., напр.: Сорокин В. С. Новые археологические данные к вопросу о развитии древней семьи.— СА, 1959, № 4, с. 10—18; Качурис К. А. Погребальные сооружения Элевсина среднего бронзового века.— В сб.: Археология Старого и Нового Света. М., 1966, с. 70—71; Хлобыстина М. Д. Происхождение и развитие культуры ранней бронзы Южной Сибири.— СА, 1973, № 1, с. 34—35; Массон В. М. Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1976, с. 155—158.

⁵⁶ Круглов А. П. Северо-Восточный Кавказ., с. 60; Крупнов Е. И. Раннежелезный век., с. 339; Марковин В. И. Дагестан и горная Чечня., с. 42.

вующего памятника к кругу каякентско-хорочоевских. В действительности же хронологические рамки бытования подобной керамики на Северо-Восточном Кавказе весьма широки. Она появляется здесь уже в эпоху ранней бронзы (Каякент, Великент, Мамай-кутан, Гоно и др.)⁵⁷ и широко представлена в памятниках эпохи средней бронзы (Манас, Верхний Гуниб, Гинчи, Ирганай, Гатын-кале, Курчалой и др.)⁵⁸, могильниках каякентско-хорочоевского, талгинского (Талги, Кабарты-кутан, Мискин-булак)⁵⁹, зандакско-мугерганского (Зандак, Ак-яр, Шахсенгер, Мугерган и др.)⁶⁰ этапов, а местами продолжает встречаться и в памятниках скифского периода (Мака, Шаракун, Яман-Су, Ножай-юрт-I, Бети-Мокх-I и др.)⁶¹.

Засвидетельствованный таким образом факт чрезвычайно длительного бытования здесь своеобразной, почти не встречающейся в других областях Кавказа керамики приобретает особенно важное значение для этнических построений. Можно полагать, что наличие «обмазанной» керамики в разновременных, последовательно сменявших друг друга со второй половины III до начала I тысячелетий до н. э. археологических культурах Северо-Восточного Кавказа, является одним из главных отличительных («этнодифференцирующих») признаков как для каждой из них в отдельности, так и для всей этнокультурной области в целом. Иными словами, «обмазанная» керамика может служить своеобразным археологическим индикатором, указывающим на принадлежность отдельных памятников и целых археологических культур широкого

⁵⁷ Круглов А. П. Северо-Восточный Кавказ..., с. 26; Котович В. Г. Новые археологические памятники..., с. 126—134; его же. Археологические работы в горном Дагестане.— МАД, 1961, т. II, с. 36; Мунчаев Р. М. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа.— МИА, 1961, № 100, с. 93—94.

⁵⁸ Мунчаев Р. М., Смирнов К. Ф. Памятники эпохи бронзы в Дагестане.— СА, 1956, т. XXVI, с. 195; Котович В. М. Верхнегунибское поселение..., с. 148 сл.; Гаджиев М. Г. Из истории культуры..., с. 121 сл.; Погребова М. Н. Ирганайский склеп эпохи бронзы.— МАД, 1961, т. II, с. 114—115; Атаев Д. М., Погребова М. Н. Поселение эпохи бронзы у с. Ирганай Ушугульского района.— МАД, 1973, т. III, с. 32—33; Марковин В. И. Новый памятник эпохи бронзы в горной Чечне.— В сб.: Древности Чечено-Ингушетии. М., 1963, с. 111 сл.; его же. Археологические разведки в восточных районах Чечни.— КСИА АН СССР, 1963, № 93, с. 64—67.

⁵⁹ Исаков М. И. Талгинский могильник, с. 131; Пикуль М. И. Раскопки на Сулаке..., с. 163; Котович В. М. Мискинбулакский могильник, с. 88—90.

⁶⁰ Пикуль М. И. Дагбашский могильник, с. 309—310; ее же. Мугерганский могильник, с. 43; Марковин В. И. Новые материалы..., с. 87; Давудов О. М. К вопросу о материальной культуре и производстве древнего Дагестана. Махачкала, 1968, с. 19—20.

⁶¹ Котович В. Г. Новые археологические памятники..., с. 145; Давудов О. М. Культуры Дагестана..., с. 58—59, 153, 164; Виноградов В. Б., Марковин В. И. Могильник «Яман-Су»..., с. 168—170; Виноградов В. Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ..., с. 272—273.

хронологического диапазона к пра-дагестано-нахскому этническому массиву⁶².

При этом не следует упускать из виду, что каждая из археологических культур, бытовавших на Северо-Восточном Кавказе со второй половины III до начала I тысячелетий до н. э., обладала «своим» набором форм и типов «обмазанной» керамики. В частности, для каякентско-хорочоевской культуры представляется возможным, вслед за К. Ф. Смирновым, выделить три основных типа керамики, к которым, по нашему мнению, может быть сведена и более многочисленная типология В. И. Марковина.

К первому типу (тип А К. Ф. Смирнова, 1-й и 2-й типы В. И. Марковина) относятся широкогорлые горшки с сильно отогнутым наружу венчиком, раздутым яйцевидным или округлым туловом и непропорционально узким дном⁶³. Среди довольно однообразных сосудов (с обмазанными поверхностями преимущественно серого цвета, орнаментированных либо валиками, либо горизонтальными рядами вдавлен по плечикам) этого наиболее характерного для данной культуры типа (рис. 1, 34—43) выделяется группа близких по форме, но отличающихся техникой изготовления (с заглаженными поверхностями розового цвета и резным геометрическим узором) сосудов (рис. 1, 32, 33), представленных в Каякентском могильнике и целом ряде расположенных вблизи него других памятников (Мамай-кутан, Берикей, Уч-Авлах, Кичи-Гамри и др.)⁶⁴.

Второй тип (тип Б, или «промежуточный» по К. Ф. Смирнову, 3-й и 5-й типы В. И. Марковина), включающий широкогорлые горшки со слегка отогнутым венчиком, широко вздутым туловом и узким дном⁶⁵, может быть подразделен на два подтипа — приземистых (высота которых равна ширине горла или немного превышает ее, — рис. 1, 44—46) и высоких (высота которых в 1,5—2 раза превышает ширину горла, — рис. 1, 47—49). Сосуды каякентской группы могильников выделяются среди остальных горшков этого типа теми же особенностями отделки, что и у сосудов первого типа.

К третьему типу (тип В по К. Ф. Смирнову, 6-й тип В. И. Марковина) относятся широкоустные без венчика горшки баночной формы на узком дне⁶⁶. По оформлению устья подразделяются на подтипы с пря-

⁶² История Дагестана, т. I, с. 84—85.

⁶³ Смирнов К. Ф. Археологические исследования..., с. 248; Марковин В. И. Дагестан и горная Чечня..., с. 42—54.

⁶⁴ Круглов А. П. Северо-Восточный Кавказ..., с. 62—66; Смирнов К. Ф. Археологические исследования..., с. 254.

⁶⁵ Смирнов К. Ф. Археологические исследования..., с. 248; Марковин В. И. Дагестан и горная Чечня..., с. 54—57.

⁶⁶ Смирнов К. Ф. Археологические исследования..., с. 248; Марковин В. И. Дагестан и горная Чечня..., с. 58.

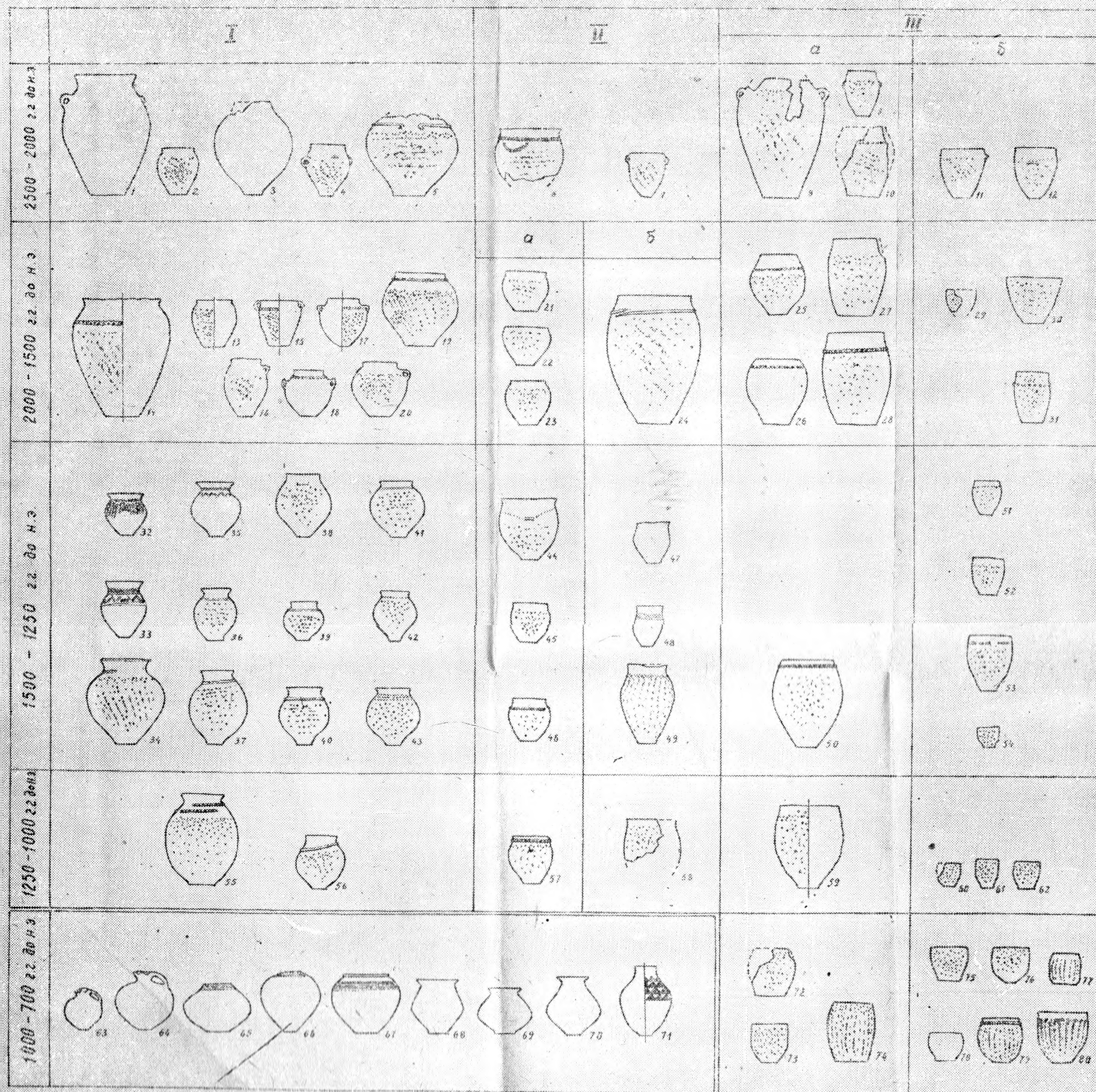

Рис. 1. Типы керамики из дагестанских памятников эпохи бронзы и предкифского периода:

1—12 — эпоха ранней бронзы (1, 3, 5, 8 — Великент, 2, 6, 10 — Верхний Гуниб, 4, 7, 9, 11, 12 — Гопо), 13—31 — эпоха средней бронзы (13, 14, 23 — Мапас, 15—18, 20, 21, 24, 27, 28, 30, 31 — Гинчи, 19, 22, 25, 26, 29 — Верхний Гуниб), каякентско-хороговские памятники (32, 33, 48 — Каякент, 34, 37, 44—46, 49—52, 54 — Тарки, 35 — Беркей, 38—42, 47, 53 — Хорогов, 43 — Маджаллис), 55—62 — эпоха поздней бронзы (55, 61, 62 — Кабарты-кутан, 56, 57 — Талги, 58—60 — Миски-булак), 63—80 — предкифский период (63—67, 72, 73, 75, 76 — Мугерган, 68—71, 78—80 — Зандак, 74, 77 — Шахсеитер).

мым (рис. 1, 51—54) и слегка скошенным внутрь (рис. 1, 50) бортиком. Этот тип сосудов не представлен в керамическом комплексе могильников каякентской группы.

Как убедительно показал В. И. Марковин, все эти основные типы каякентско-хорочоевской керамики имеют глубокие местные корни⁶⁷. Прилагаемая таблица иллюстрирует это положение, наглядно демонстрируя этапы последовательного развития каждого из трех рассмотренных типов сосудов в дагестанских памятниках эпохи ранней (рис. 1, 1—12) и средней (рис. 1, 13—31) бронзы и в каякентско-хорочоевских могильниках (рис. 1, 32—54). Но, насколько можно судить по имеющимся материалам, течение данного процесса оказалось нарушенным на талгинском и зандакско-мугерганском этапах. В памятниках талгинского этапа это проявилось в заметном сокращении количественно преобладавших до того горшков первых двух типов: в Талгинском могильнике первый тип представлен единичными находками (рис. 1, 56), хотя находки горшков второго типа более многочисленны (рис. 1, 57)⁶⁸, в Кабартыкутанском могильнике найден всего один горшок первого типа (рис. 1, 55)⁶⁹, а в Мискинбулакском — тоже один, но второго типа (рис. 1, 58)⁷⁰. В памятниках зандакско-мугерганского этапа оба этих типа горшков полностью исчезают, взамен их появляются образцы новых гладкостенных сложнопрофилированных сосудов, отличающихся более высоким качеством изготовления. Примечательно, что новые типы сосудов из Зандакского могильника (рис. 1, 68—71) и типологически и технологически тяготеют к керамике одновременных памятников Северного Кавказа⁷¹, а таковые из Мугерганского могильника (рис. 1, 63—67) по тем же признакам сближаются с закавказскими⁷².

Происшедшие перемены не затронули столь же радикально последний из традиционных типов керамики — баночные горшки, которые продолжают довольно часто встречаться в памятниках талгинского (рис. 1, 60—62)⁷³ и зандакско-мугерганского (рис. 1, 72—74)⁷⁴ этапов.

⁶⁷ Марковин В. И. Дагестан и горная Чечня..., с. 51—52, 54—55, 57—59, 80.

⁶⁸ Исаков М. И. Талгинский могильник, с. 127—131, рис. 54.

⁶⁹ Пикуль М. И. Раскопки на Сулаке..., с. 161, рис. 3, 4.

⁷⁰ Котович В. М. Мискинбулакский могильник, рис. 4, 1.

⁷¹ Пикуль М. И. Дагбашский могильник, с. 315, табл. VI; Марковин В. И. Дагестан и горная Чечня..., с. 51—52, рис. 22, 1, 2, 4.

⁷² Пикуль М. И. Мугерганский могильник, с. 43, 45, 48, рис. 8, 13, 15—23, рис. 10, 3, 5, 6; Давудов О. М. Культуры Дагестана..., с. 103.

⁷³ Исаков М. И. Талгинский могильник..., с. 126, 127, 129, 131; Пикуль М. И. Работы на Сулаке..., с. 161, рис. 3, 1—3, 5; Котович В. М. Мискинбулакский могильник, рис. 4, 3, 5, 6.

⁷⁴ Пикуль М. И. Дагбашский могильник, с. 306, табл. V, 1, 2; ее же. Мугерганский могильник, с. 43, рис. 8, 1—3, 7—12; Марковин В. И. Дагестан и горная Чечня, с. 84, рис. 16, 1, рис. 22, 3; Давудов О. М. Культуры Дагестана..., с. 59.

В процессе их развития вырабатываются новые разновидности сосудов данного типа. Одни из них — небольшие приземистые горшки баночной формы. Среди каякентско-хорочоевских памятников они представлены пока только в Таркинском могильнике (рис. 1, 54)⁷⁵, а в памятниках талгинского и зандакско-мугерганского этапов встречаются довольно широко (рис. 1, 75—80)⁷⁶. Типологически они обнаруживают определенное сходство с баночными сосудами из памятников срубной культуры⁷⁷.

В заключение коснемся еще одного типа керамических изделий, представленных только в каякентской группе могильников. Это — невысокие узкодонные плошки или чаши с прямыми, широко расходящимися кверху стенками (7-й тип В. И. Марковина)⁷⁸. Их наружные поверхности, а иногда закраины и даже донца особенно богато украшены различными комбинациями резного елочного узора. Судя по этому, а также по следам нагара на внутренних поверхностях некоторых из них⁷⁹, они использовались в качестве курильниц. Одна из них, имевшая, по наблюдениям В. И. Крупнова, три отдельных ножки, первоначально сопоставлялась им и А. П. Кругловым с курильницами северокавказской и катакомбной культур⁸⁰. Как известно, курильницы на отдельных ножках считаются самыми ранними⁸¹. Однако по особенностям орнаментики и отчасти — по форме каякентская находка может быть сближена с более поздними курильницами, происходящими из Келер-

⁷⁵ Смирнов К. Ф. Археологические исследования..., с. 248, рис. 10, 2; рис. 12, 9, 10.

⁷⁶ Пикуль М. И. Работы на Сулаке..., рис. 3, 1—3, 5; ее же. Дагбашский могильник, табл. V, 1, 2; ее же. Мугерганский могильник, рис. 8, 9—11; Котович В. М. Мискинбулакский могильник, рис. 4, 2; Марковин В. И. Дагестан и горная Чечня..., рис. 22, 3; Давудов О. М. Культуры Дагестана..., табл. VII, 16, 21, 22; табл. X, 17, 18.

⁷⁷ См., напр.: Кривцова-Гракова О. А. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы.— МИА, 1955, № 46, с. 27—28, 94, 112 и др.; Смирнов К. Ф. Курганы у села Иловатка и Политотдельское.— МИА, 1959, № 60, рис. 6, 8, рис. 8, 9, 11, рис. 15, 18, рис. 22, 15, рис. 28, 9, рис. 29, 11, рис. 35, 14; Синицын И. В. Археологические исследования заволжского отряда. — Там же, рис. 4, 2, рис. 24, 8—10, рис. 46, 6, рис. 58, 6, 7; его же. Древние памятники в низовьях Еруслана.— МИА, 1960, № 78, рис. 22, 9, рис. 25, 3, 6, 10, рис. 27, 4, рис. 31, 6, 8, рис. 34, 11, 13, 14, рис. 44, 8, рис. 47, 1, 4, рис. 49, 3, рис. 50, 3—7.

⁷⁸ Круглов А. П. Северо-Восточный Кавказ..., с. 64, 66, рис. 14, 2, рис. 15, 2—4; Марковин В. И. Дагестан и Горная Чечня..., с. 58, 59, рис. 25, 9—15.

⁷⁹ Котович В. Г. Новые археологические памятники..., с. 138.

⁸⁰ Крупнов Е. И. Каякентский могильник..., с. 9, рис. 1.

⁸¹ Крупнов Е. И., Мерперт Н. Я. Курганы у станицы Мекенской.— В сб.: Древности Чечено-Ингушетии. М., 1963, с. 43—44; Егоров В. Г. Классификация курильниц катакомбной культуры.— В сб.: Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., 1970, с. 158—159, 163.

меса⁸² и Эссентуков⁸³ и относимыми к третьему этапу северокавказской культуры⁸⁴. Покрывающий поверхность всех трех курильниц резной елочный орнамент особенно характерен для памятников катакомбной культуры⁸⁵. Но, как уже отмечалось, подобным же образом орнаментированы и все остальные — плоскодонные — курильницы из каякентской группы могильников. Последние же пока не находят себе аналогий вне Дагестана, типологически они могут быть возведены здесь к более ранним образцам⁸⁶. И тем не менее, широкое применение в орнаментике этих и других сугубо местных типов сосудов каякентской группы могильников не свойственного местной традиции резного елочного орнамента может свидетельствовать об определенном влиянии катакомбной культуры, что было справедливо отмечено еще А. П. Кругловым⁸⁷.

Заканчивая на этом рассмотрение каякентско-хорочоевской керамики, отметим, что одним из его наиболее важных итогов следует считать устанавливаемый на материалах памятников талгинского этапа факт существенного нарушения длительного процесса развития ведущих типов, местной керамики, непрерывное течение которого зафиксировано в многочисленных материалах памятников эпохи ранней и средней бронзы, а также каякентско-хорочоевских могильников. Данное обстоятельство, по-нашему мнению, служит весомым аргументом для того, чтобы поставить каякентско-хорочоевские памятники раньше талгинских.

Правомерность подобного определения их относительного места подтверждается и наблюдениями над металлическим инвентарем. Это — преимущественно украшения, среди которых немалое место занимают принадлежности головного убора.

В числе последних представлены два типа височных подвесок в полтора оборота: 1) — из круглого в сечении бронзового стержня с приостренными, иногда слегка приплюснутыми концами и 2) — пластинчатые. Подвески первого типа получили в бронзовом веке чрезвычайно широкое распространение. Б. А. Куфтин справедливо связывал их появление на Кавказе с влияниями из Месопота-

⁸² Попова Т. Б. К вопросу о курильницах «северокавказского типа». — СА. 1957, № 1, **рис. 9, 3**.

⁸³ Иерусалимская А. А. О предкавказском варианте катакомбной культуры. — СА. 1958, № 2, **рис. 1, 49**.

⁸⁴ Марковин В. И. Культура племен., с. 69, 74.

⁸⁵ Попова Т. Б. К вопросу о курильницах., с. 176—177.

⁸⁶ См., напр.: Мушчаев Р. М., Смирнов К. Ф. Археологические памятники., с. 166; их же. Памятники эпохи бронзы., с. 197, **рис. 6, 4, 5**; Костюченко И. П. Раскопки Мнатилинского поля в 1955 г.—МАН. 1959, т. I, **табл. III, 7**; Котович В. М. Верхнегуньбское поселение., **рис. 53, 1, 4, 8**; Гаджиев М. Г. Из истории культуры., **рис. 12, 3, рис. 20, 17, рис. 25, 2**.

⁸⁷ Круглов А. П. Северо-Восточный Кавказ., с. 88.

мии⁸⁸, где они уже в III тысячелетии до н. э. встречаются во многих разновидностях, как, например, в царских гробницах Ура (рис. 2, 47—50)⁸⁹. В Дагестане такие подвески впервые появились в конце раннебронзовой эпохи⁹⁰ и с тех пор длительное время — в эпоху средней бронзы (рис. 2, 51—55)⁹¹, на каякентско-хорочоевском (рис. 2, 56—58)⁹², талгинском (рис. 2, 59, 60)⁹³, зандакско-мугерганском (рис. 2, 62—64)⁹⁴ этапах, в скифский период⁹⁵, а местами и позже⁹⁶ — служили здесь одним из наиболее излюбленных украшений женского головного убора. Однако типологически они не претерпели сколько-нибудь существенных изменений, вследствие чего взятые сами по себе они не могут служить ни хронологическими ни, тем более, «этнодифференцирующими» эталонами.

К месопотамским прототипам Б. А. Куфтин возводил и пластинчатые височные подвески⁹⁷, с чем также нельзя не согласиться, имея в виду разнообразие подобных украшений в царских гробницах Ура (рис. 2, 68—71)⁹⁸. В Закавказье они начинают проникать еще в конце III тысячелетия до н. э.⁹⁹, а в эпоху средней бронзы встречаются уже на Северном Кавказе¹⁰⁰, откуда, по-видимому, проникают и к степным племенам¹⁰¹. Но значительно чаще, чем в этих областях, такие украшения

⁸⁸ Куфтин Б. А. Археологические раскопки в Триалети, с. 94, рис. 96.

⁸⁹ Wolléy C. L. Ur excavations. Vol. II. The Royal Cemetery. New York, 1934, pl. 147, 17813, pl. 219, 10735; Чайлд Г. Древнейший Восток в свете новейших исследований. М., 1956, табл. XXV, 8564, 8613.

⁹⁰ Котович В. Г. Археологические работы..., с. 30.

⁹¹ См. напр.: Мунчаев Р. М., Смирнов К. Ф. Памятники эпохи бронзы..., с. 201.

⁹² Круглов А. П. Северо-Восточный Кавказ..., с. 68; Марковин В. И. Дагестан и горная Чечня..., с. 65—66.

⁹³ См., напр.: Исаков М. И. Талгинский могильник..., с. 126 сл.; Пикуль М. И. Работы на Сулаке..., с. 161; Котович В. М. Мискибулакский могильник, рис. 3, 22—29, 31—38, 48, 51.

⁹⁴ См. напр.: Пикуль М. И. Эпоха раннего железа..., с. 20, 25.

⁹⁵ Там же, с. 42.

⁹⁶ См., напр.: Смирнов К. Ф. Археологические исследования..., с. 260; его же. Грунтовые могильники албано-сарматского времени у сел. Карабудахкент.— МАД, 1961, т. II, с. 170, 173 и др.; Котович В. Г., Мунчаев Р. М., Путильцева Н. Д. Некоторые данные о средневековых памятниках горного Дагестана.— Там же, с. 279.

⁹⁷ Куфтин Б. А. Археологическая маршрутная экспедиция 1945 года в Юго-Осетию и Имеретию. Тбилиси, 1949, с. 34—35.

⁹⁸ Wolléy C. L. Op. cit., pl. 129, pl. 128, 1237, pl. 219, type 1—4.

⁹⁹ Гуммель Я. И. Некоторые памятники раннебронзовой эпохи Азербайджана. — КСИИМК, 1948, XX, с. 20.

¹⁰⁰ См., напр.: Круглов А. П. Северо-Восточный Кавказ..., с. 90; Крупнов Е. И. Археологические работы в Кабарде и Грозненской области.— КСИИМК, 1950, XXXII, с. 85, 88; его же. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода.— МИА, 1951, № 23, с. 48; Марковин В. И. Культура племен..., с. 31, 77, 79 и др.

¹⁰¹ См., напр.: Круглов А. П. Северо-Восточный Кавказ..., с. 88; Крив-

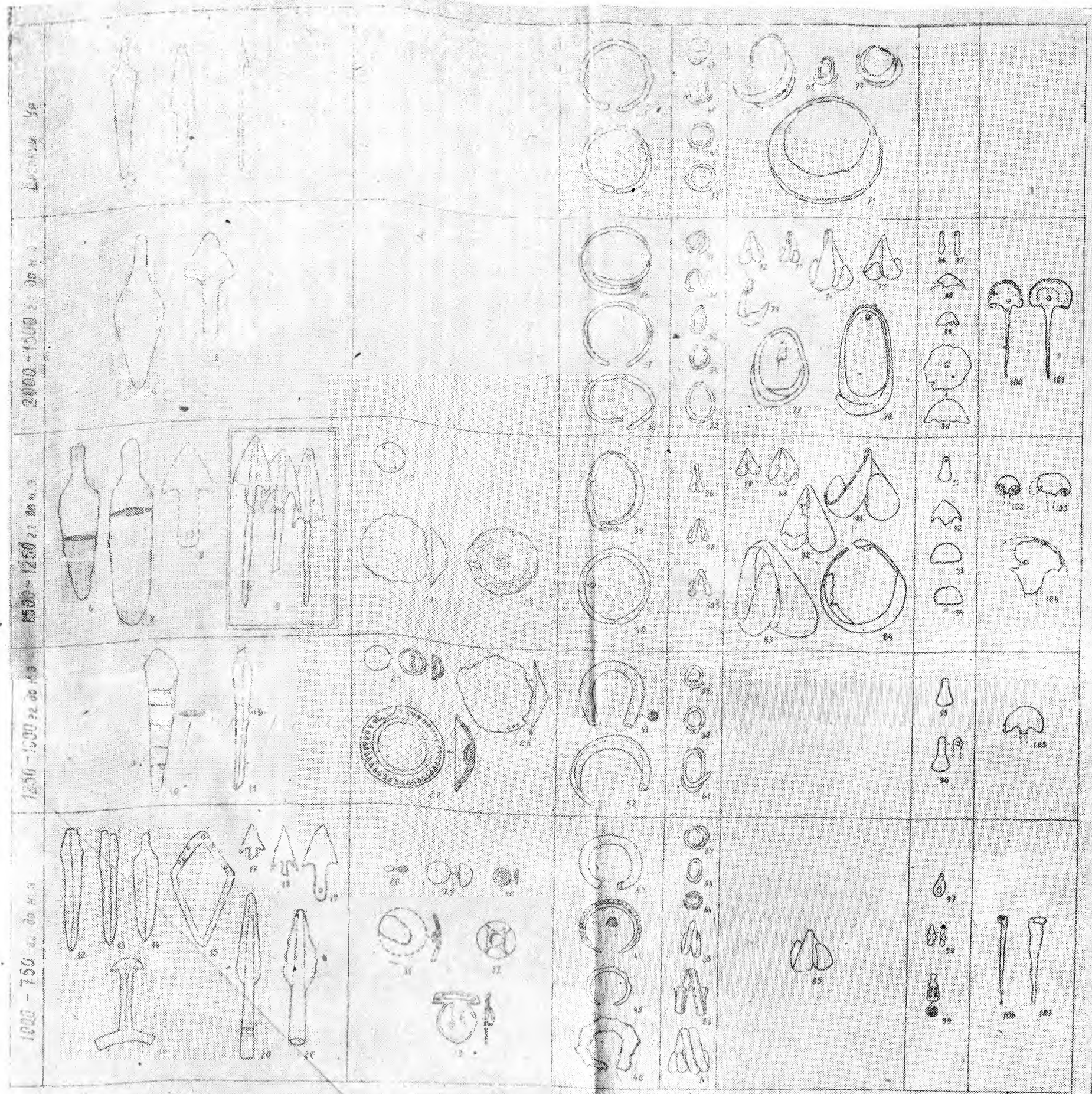

Рис. 2. Образцы металлических изделий из дагестанских памятников эпохи бронзы и предкифского периода и их вероятные переднекавказские прототипы: 1—3, 34, 35, 47—50, 68—71 — царские гробницы Ура (вторая половина III тысячелетия до н. э.), 4, 5, 36—38, 51—55, 72—78, 86—90, 100, 101 — эпоха средней бронзы (4, 38, 90 — Матлаш, 5 — Чиркей, 36, 37, 51—55, 72—75, 86—89, 100, 101 — Гинчи, 76 — Чох, 77, 78 — Усиша), 6—8, 22—24, 39—40, 54—56, 79—84, 91—94, 102—104 — каякентско-хороговские памятники (6, 22, 23, 91 — Тарки, 7 — Кафыр-Кумух, 8 — Берикей, 9 — Кедабек, 24 — с территории Дагестана, 39, 40, 56—58, 79, 82, 92—94 — Хорохой, 83 — Мамай-кутан, 84 — Ведено, 102 — Тарпан, 103 — Маджалис, 104 — Каякент), 10, 11, 25—27, 41, 42, 59—61, 95, 96, 105 — эпоха поздней бронзы (10, 11, 26, 41, 95, 105 — Талли, 25, 27, 59, 60, 96 — Мискин-булак, 42, 61 — Кабарты-кутан), 12—21, 28—33, 43—46, 62 — 67, 85, 97—99, 106, 107 — предкифский период (12—15, 17, 20, 28, 30, 32, 33, 44, 45, 62, 63, 65—67, 85, 97, 98 — Запдак, 16, 21, 43, 46, 64, 99, 106, 107 — Мурган, 18, 29, 31 — Шахсенгер).

встречаются в среднебронзовых памятниках на территории нынешней Юго-Осетии¹⁰² и особенно, Дагестана и горных районов Чечено-Ингушетии. Здесь пластинчатые подвески малых (рис. 2, 72, 73) и крупных (рис. 2, 74, 75, 77, 78) размеров, включая и однолопастные (рис. 2, 76), уже довольно широко представлены в памятниках первой половины II тысячелетия до н. э.¹⁰³, а в каякентско-хорочоевских могильниках эти украшения (рис. 2, 79—94) количественно преобладают над подвесками первого типа¹⁰⁴, становясь таким образом «массовым материалом, объединяющим различные памятники в единую культуру»¹⁰⁵.

Тем разительнее, контрастнее выглядит на этом фоне резкое сокращение, почти полное исчезновение подобных украшений в последующем: в инвентаре ныне известных памятников талгинского типа они вообще отсутствуют, а на последующем этапе представлены единственной среди опубликованных материалов находкой из Зандакского могильника (рис. 2, 85)¹⁰⁶. Исчезновение пластинчатых подвесок сопровождается в памятниках названных этапов заметным увеличением числа височных подвесок первого типа, которые иногда встречаются даже в виде целых «связок»¹⁰⁷. Изредка попадаются крупные подвески, изготовленные из массивных стержней уплощено-округлого (рис. 2, 61, 67) или граненого (рис. 2, 65—66) сечения¹⁰⁸.

К месопотамским прототипам Б. А. Куфтин возводил и пластинчатые ния — диадемы, появление которых в закавказских памятниках III тысячелетия до н. э. А. И. Джавахишвили и Л. И. Глonti связывают с месопотамским влиянием (Ур, Гиссар, IIB)¹⁰⁹. В Дагестане древнейшие

цова-Гракова О. А. Степное Поволжье... с. 65; Попова Т. Б. Племена катакомбной культуры. М., 1955, с. 44—45; Сорокин В. С. Археологические памятники северо-западной части Актыбинской области — КСИИМК, 1958. № 71, с. 79; Корнюшин Г. И. Курганы эпохи поздней бронзы у с. Старая Тойда Воронежской области. — КСИА АН СССР, 1971, № 127, с. 82.

¹⁰² Куфтин Б. А. Археологическая маршрутная экспедиция..., с. 34; Дзарицке О. М. Квасатальский могильник эпохи бронзы в Юго-Осетии. — КСИИМК, 1955. № 60, с. 26; Техов Б. В. К вопросу изучения бронзовой культуры горной полосы Юго-Осетии. — ИЮОНИИ, 1962, XI, табл. III, 5; его же. Стырфазские кромлехи. Цхинвали, 1974, рис. 17, 13, рис. 20, 2, 3.

¹⁰³ Мунчаев Р. М. Археологические исследования в пагорном Дагестане в 1954 г. — КСИИМК, 1958, № 71, с. 47; Каневец В. И., Березанская С. С. Курганы бронзового века на Сулаке. — МАД, 1959, т. I, с. 70; Марковин В. И. Новый памятник..., с. 126; Гаджиев М. Г. Из истории культуры..., с. 144.

¹⁰⁴ Круглов А. П. Северо-Восточный Кавказ..., с. 68.

¹⁰⁵ Марковин В. И. Дагестан и горная Чечня..., с. 67.

¹⁰⁶ Марковин В. И. Новые материалы..., рис. 24, 11.

¹⁰⁷ Пикуль М. И. Эпоха раннего железа..., рис. 4, 19, 20; Котович В. М. Мискинбулакский могильник, рис. 3, 49, 52, рис. 6, 5.

¹⁰⁸ Пикуль М. И. Работы на Сулаке..., с. 160; ее же. Эпоха раннего железа..., рис. 3, 15; Марковин В. И. Дагестан и горная Чечня..., с. 67.

¹⁰⁹ Джавахишвили А. И., Глonti Л. И. Урбниси. I. Археологические раскопки, проведенные в 1954—1961 гг. на селище Квацхелеби. Тбилиси, 1962, с. 42.

находки бронзовых налобных пластин происходят из Таркинского и Маджалисского могильников каякентско-хорочоевской культуры¹¹⁰. Последняя найдена в одном комплексе с обломком навершия булавки полукруглой формы с двумя волутами (рис. 2, 103)¹¹¹. Еще одна подобная находка сделана в окрестностях Махачкалы (рис. 2, 102)¹¹². Как известно, булавки этого чрезвычайно архаичного типа встречаются довольно редко. Они впервые появились в Закавказье еще в первой половине III тысячелетия до н. э.¹¹³ Единичные экземпляры подобных булавок известны и на Северном Кавказе, где они датируются второй четвертью II тысячелетия до н. э.¹¹⁴

В связи с этим видом украшений следует упомянуть и о найденном на Каякентском могильнике обломке бронзовой пластины, украшенной по округлому краю рядом небольших чеканных выпуклин. В свое время Е. И. Крупнов посчитал ее частью круглой бляхи и как таковую сопоставил с аналогичными изделиями из Кедабекского могильника¹¹⁵. Позднее М. Г. Гаджиев показал, что этот обломок (рис. 2, 104) вероятнее всего является частью полукруглого навершия булавки типа гинчинских (рис. 2, 100, 101), которые он повторяет до мельчайших деталей¹¹⁶. Правомерность подобного мнения подтверждается и тем обстоятельством, что такие же находки в других кавказских памятниках интерпретируются именно как навершия головных булавок¹¹⁷.

Как явствует из сказанного, в инвентаре каякентско-хорочоевских памятников встречаются булавки довольно архаического облика, характерные для кавказских памятников эпохи средней бронзы. Их дальнейшее развитие зафиксировано находкой из Талгинского могильника (рис. 2, 105)¹¹⁸, являющейся как бы реликтом древних форм булавок.

¹¹⁰ Смирнов К. Ф. Археологические исследования..., с. 252; Круглов А. П. Северо-Восточный Кавказ..., с. 146.

¹¹¹ Марковин В. И. Дагестан и горная Чечня..., с. 69, рис. 27, 18; А. П. Круглов описывает ее как секировидную подвеску, близкую по размерам рассматриваемому ниже навершию булавки из погребения № 16 Каякентского могильника. См. его: Северо-Восточный Кавказ..., с. 72, 146.

¹¹² Марковин В. И. Археологические находки с территории Тарнаира.— КСИИМК, 1957, № 67, с. 122. рис. 51, 3.

¹¹³ Джавахишвили А. И., Глопти Л. И. Археологические раскопки..., с. 42; Абесадзе Ц. Н. Производство металла в Закавказье в III тысячелетии до н. э. Тбилиси, 1969, табл. I, 17, 18; Кушпарева К. Х., Чубинишвили Т. Н. Древние культуры Южного Кавказа. Л., 1971, с. 127.

¹¹⁴ Деген Б. Е. Курганы в Кабардинском парке г. Нальчика.— МИА, 1941. № 3, с. 249; Марковин В. И. Новый памятник..., с. 124.

¹¹⁵ Крупнов В. И. Каякентский могильник..., с. 12, рис. 2.

¹¹⁶ Гаджиев М. Г. Из истории культуры..., с. 139—140.

¹¹⁷ Крупнов В. И. Материалы по археологии..., рис. 14, 8.

¹¹⁸ Исаков М. И. Талгинский могильник..., с. 126.

На зандакско-мугерганском этапе получают распространение совершенно иные типы булавок, в том числе образцы с раскованными, свернутыми в трубочку навершиями (рис. 2, 106), иногда имеющими характерные подтреугольные очертания (рис. 2, 107), — прообраз позднейших булавок с треугольным навершием¹¹⁹.

Возвратимся к рассмотрению принадлежностей головного убора. В каякентско-хорочоевских памятниках нередко находки накосных украшений, обычно состоящих из трубочек и колпачков. Как показал А. П. Круглов, накосные украшения в виде трубочек довольно широко встречаются в средне- и позднебронзовых памятниках Северного Кавказа и степных культур¹²⁰. Подвески в виде колпачков полушарной формы, иногда с вырезами в основании, пока известны только на Северо-Восточном Кавказе, где они представлены в памятниках гинчинско-гатынкалинского (рис. 2, 88—90)¹²¹ и каякентско-хорочоевского (рис. 2, 92—94)¹²² этапов. В памятниках последующего времени они здесь полностью исчезают¹²³.

Массовую категорию инвентаря каякентско-хорочоевских памятников составляют бронзовые браслеты, изготовлявшиеся из массивных стержней круглого (рис. 2, 40) и — реже — уплощенного (рис. 2, 39) сечения¹²⁴. Обе эти разновидности известны и в дагестанских памятниках предшествующего времени (рис. 2, 36—38), где, однако, браслеты круглого сечения встречаются много реже¹²⁵. Немногочисленные находки последних засвидетельствованы и в памятниках триалетской культуры¹²⁶, через которые они, вероятно, могут быть возведены к месо-потамским образцам, в большом числе представленным, например, в царских гробницах Ура (рис. 2, 34, 35)¹²⁷. Примечательно, что браслеты круглого сечения до сих пор не известны в северокавказских

¹¹⁹ Давудов О. М. Культуры Дагестана..., с. 70—71.

¹²⁰ Круглов А. П. Северо-Восточный Кавказ..., с. 67.

¹²¹ Гаджиев М. Г. Дагестан и юго-восточная Чечня в эпоху средней бронзы. — В сб.: Древности Дагестана. Махачкала, 1974, с. 26, рис. 4, 7, 8, 19, 20. Отметим попутно, что единичные украшения этого типа обнаружены сравнительно недавно и за пределами Северо-Восточного Кавказа. См.: Марковин В. И. Курганы Константиновского плато у г. Пятигорска. — КСИА АН СССР, 1971, № 127, с. 39, рис. 13, 17.

¹²² Круглов А. П. Северо-Восточный Кавказ..., с. 67.

¹²³ Невозможно согласиться с мнением В. И. Марковина, относящего к рассматриваемой категории весьма хрупких украшений массивный литой предмет полусферической формы из Талгинского могильника, возможно подток от копыя. См. его: Дагестан и горная Чечня..., с. 67.

¹²⁴ Круглов А. П. Северо-Восточный Кавказ..., с. 71.

¹²⁵ Канивец В. И. Миатли — новый памятник..., с. 45; Гаджиев М. Г. Из истории культуры..., с. 123—124.

¹²⁶ Джапаридзе О. М. Археологические раскопки в Триалети в 1959—1962 гг. — СА, 1964, № 2, с. 113—114.

¹²⁷ Wolley C. L. Op. cit., pl. 147, 17912, pl. 154, 10019.

памятниках эпохи средней бронзы, хотя, и это уже отмечалось специалистами, они встречаются в близких по времени памятниках степных культур¹²⁸. В Дагестане браслеты круглого и уплощенного сечения встречаются и позднее. На талгинском этапе некоторые из них становятся особенно массивными (рис. 2, 41, 42)¹²⁹, а на зандакско-мугерганском — к столь же массивным бронзовым браслетам, иногда орнаментированным подобно закавказским образцам (рис. 2, 43, 44), прибавляются таковые же, но изготовленные из железа (рис. 2, 45, 46)¹³⁰.

Среди других украшений отметим подвески каплевидной формы (рис. 2, 91), иногда выступавшие в роли хронологических эталонов для доказательства относительно позднего возраста каякентско-хорочоевской культуры¹³¹. Однако подобные украшения встречены сейчас в среднебронзовых памятниках Дагестана (рис. 8, 86, 87)¹³² и Северного Кавказа¹³³, а в Закавказье они засвидетельствованы даже в памятниках первой половины III тысячелетия до н. э.¹³⁴ В Дагестане же такие украшения найдены и в памятниках талгинского этапа (рис. 2, 95, 96)¹³⁵. В несколько более усложненной форме встречаются они и позднее (рис. 2, 97—99)¹³⁶.

Большое разнообразие присуще многочисленным сурьмяным привескам — характерным образцам местного металлопроизводства каякентско-хорочоевского этапа¹³⁷. Многие из них (рис. 3, 11—13, 17, 18) отличаются оригинальной формой и пока не находят себе аналогий вне памятников данной культуры. Параллели другим могут быть намечены

¹²⁸ Круглов А. П. Северо-Восточный Кавказ., с. 88; Кривцова-Гракова О. А. Степное Поволжье и Причерноморье., с. 68.

¹²⁹ Исаков М. И. Талгинский могильник, с. 126 др.; Пикунь М. И. Работы на Сулаке., с. 161; Котович В. М. Мискибулакский могильник, рис. 3, 53, 56, рис. 6, 7.

¹³⁰ Маркович В. И. Новые материалы., рис. 25, 1; Маркович В. И., Мунчаев Р. М. Археология Чечено-Ингушетии в свете новейших исследований. КСИА АН СССР, 1965, № 100, с. 46; Давудов О. М. К вопросу о материальной культуре., рис. 2, 1—4.

¹³¹ Смирнов К. Ф. Археологические исследования., с. 252—254.

¹³² Гаджиев М. Г. Из истории культуры., с. 146—148.

¹³³ См., напр.: Деген Б. Е. Курганы в Кабардинском парке., табл. XIV, 12. Маркович В. И. Курганы Константиновского плато., с. 39; Мизнев И. М., Бетров Р. Ж., Нагоев А. Х. Археологические раскопки 1972 г. в Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1973, рис. 19, 19.

¹³⁴ Джавахишвили А. И., Глonti Л. И. Археологические раскопки., табл. XXXIV.

¹³⁵ Исаков М. И. Талгинский могильник, с. 126; Котович В. М. Мискибулакский могильник, рис. 3, 21, рис. 6, 3.

¹³⁶ Пикунь М. И. Эпоха раннего железа., рис. 3, 13, 17; Давудов О. М. Культуры Дагестана., табл. IX, 20.

¹³⁷ Крупнов Е. И. Каякентский могильник., с. 11—12; Круглов А. П. Северо-Восточный Кавказ., с. 72, 81—83; Котович В. Г. Новые археологические памятники., с. 136.

среди подобных же, но изготовленных из бронзы украшений в северокавказских памятниках эпохи средней бронзы. Такие параллели уже были подмечены А. П. Кругловым, указавшим при этом, что замена одного металла другим определяет в некоторых случаях (как, напр.: рис. 3, 9, 10) и небольшие различия однотипных по существу привесок¹³⁸. С учетом новых материалов количество подобных примеров можно умножить (рис. 3, 7—8, 19—21, 22—25)¹³⁹. Иногда различия в металле почти не отражались на форме изделий, как это можно наблюдать, например, на так называемых «лапчатых» привесках (рис. 3, 14—16)¹⁴⁰. Отметим, кстати, что такие привески обнаружены в закавказских памятниках первой половины III тысячелетия до н. э.¹⁴¹, а также в поволжских памятниках срубной культуры¹⁴². Особо следует остановиться на ромбических привесках (рис. 3, 1—3), которые из-за их сходства с подобными же украшениями из могильников в Кедабеке и Редкином лагере сыграли столь важную роль в определении позднего возраста каякентско-хорчоевской культуры¹⁴³. Однако к этому следует добавить, что ромбические, тоже орнаментированные с внешней стороны, привески известны в Закавказье еще в первой половине III тысячелетия до н. э.¹⁴⁴, а близкие к ним по форме, но, подобно кедабекской, гладкие или украшенные выпуклинами (рис. 3, 4—6) — довольно широко представлены в памятниках северокавказской культуры¹⁴⁵.

Закончив на этом рассмотрение основных типов металлических украшений каякентско-хорчоевской культуры, обратимся теперь к предметам вооружения. В свое время А. А. Иессен отметил, что в памятниках северокавказской культуры встречается значительно

¹³⁸ Круглов А. П. Северо-Восточный Кавказ.. с. 90: Деген Б. Е. Курганы в Кабардинском парке., рис. 40, 3, табл. XIV, 16, XVII, 10; Бетров Р. Ж. Курганы эпохи бронзы у сел. Старый Черек.— АЭС, Нальчик, 1974, вып. I, рис. 7, 1.

¹³⁹ Круглов А. П. Северо-Восточный Кавказ., рис. 25, 15; Деген Б. Е. Курганы в Кабардинском парке., рис. 35, 6, рис. 36, 3, рис. 38, 9—11; Котович В. Г. Новые археологические памятники., табл. VI, 7, 8; Пиотровский Ю. Ю. Моздокские курганы эпохи бронзы.— АСГЭ, вып. 18, Л., 1977, рис. 3, 2.

¹⁴⁰ Круглов А. П. Северо-Восточный Кавказ., рис. 25, 18; Мунчаев Р. М. Памятники майкопской культуры в Чечено-Ингушетии.— СА, 1962, № 3, рис. 7, 1; Бетров Р. Ж. Курганы эпохи бронзы., рис. 7, 5.

¹⁴¹ Джавахишвили А. И., Глопти Л. И. Археологические раскопки., табл. XXXIV.

¹⁴² Корнюшин Г. И. Курганы эпохи поздней бронзы., рис. 34, 3, 4; именно по этим подвескам была определена относительно поздняя дата всего памятника (с. 85).

¹⁴³ Крупнов Е. И. Каякентский могильник., с. 11—12, табл. I, 4—8.

¹⁴⁴ Абесадзе Ц. Н. Производство металла., табл. II, 50.

¹⁴⁵ См., напр.: Деген Б. Е. Курганы в Кабардинском парке., рис. 36, 10, 17, рис. 39, 11, рис. 40, 1, табл. XII, 4; Марковин В. И. Курганы Константиновского плато., рис. 13, 6; Мизиев И. М., Бетров Р. Ж., Нагоев А. Х. Археологические раскопки., рис. 19, 22.

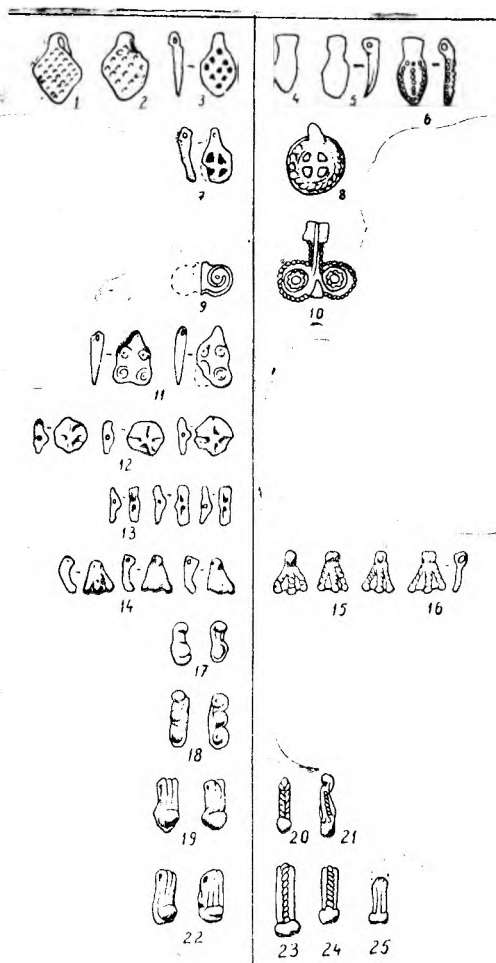

Рис. 3. Образцы металлических привесок из памятников каякентско-хорочоевской и северокавказской культуры:

1, 2 — Каякент, 3, 7, 11—14 — Хорочой, 4, 5, 8, 20, 23, 24 — Нальчик, 6 — Чегем, 10 — Кисловодская, 15 — Нов. Аршти, 16 — Черек, 17—19, 22 — Мамай-кутан, 21, 25 — Моздок (1—3, 7, 9, 11—14, 17—19, 22 — сурьма, остальные — бронза).

меньше металлического оружия, чем в курганных захоронениях Майкопа, станицы Новосвободной и подобных им памятниках¹⁴⁶. Накопленные с тех пор факты подтверждают правильность этого наблюдения. Не представляет исключения в этом отношении и Дагестан, где, как, например, в каякентско-хорочоевских памятниках, находки металлического оружия чрезвычайно редки. Они представлены здесь несколькими разновидностями довольно архаичных листовидных плоскочерешковых клинков. Два из них, обнаруженные в Таркинском могильнике, отличаются подтреугольными очертаниями лезвия (рис. 2, 6)¹⁴⁷. У клинка из Кафыр-Кумуха лезвие плавно закруглено снизу (рис. 2, 7), что придает ему некоторое сходство с майкопскими кинжалами¹⁴⁸. Еще один, впоследствии утерянный, клинок происходит из Берикейского могильника (погребение № 3). Судя по описанию, он имел плоский широкий черенок с отверстием и короткие шипы в основании лезвия. А. П. Круглов не нашел ему аналогий среди известных в ту пору материалов и отметил его «отдаленное сходство» с наконечниками стрел из сравнительно поздних (рубежа II—I тысячелетий до н. э.) памятников Азербайджана (рис. 2, 9)¹⁴⁹. Основываясь на имеющихся данных о его размерах и величине и привлекая известные сейчас в Дагестане образцы древних бронзовых плоскочерешковых наконечников копий и стрел (рис. 2, 5, 19), допустимо предположить, что берикейский наконечник имел форму, близкую изображенной на рис. 2, 8. Все эти разновидности плоскочерешковых клинков представлены и в дагестанских памятниках эпохи средней бронзы (рис. 2, 4, 5)¹⁵⁰, памятниках северокавказской культуры¹⁵¹, одновременных и более ранних по времени памятниках Закавказья¹⁵² и более южных областей (рис. 2, 1—3)¹⁵³.

¹⁴⁶ Иессен А. А. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе.— ИГАИМК, 1935, вып. 120, с. 95.

¹⁴⁷ Смирнов К. Ф. Археологические исследования..., с. 254, рис. 14, 4; другой — утерянный — клинок в некоторых работах ошибочно назван «втульчатым наконечником копья» (см.: Крупнов Е. И. Новый памятник древних культур Дагестана..., с. 222), но, по утверждению обнаружившего его в 1941 г. М. И. Исакова, это был «медный копьевидный нож с черенком», аналогичный таркинскому, манасским, карабу-дахтентским плоскочерешковым клинкам (см. его: Талгинский могильник, с. 131).

¹⁴⁸ Мунчаев Р. М. Кавказ на заре бронзового века. М., 1975, рис. 56.

¹⁴⁹ Круглов А. П. Северо-Восточный Кавказ..., с. 73, 144.

¹⁵⁰ См., напр.: Мунчаев Р. М., Смирнов К. Ф. Памятники эпохи бронзы..., с. 199; Канивец В. И., Березанская С. С. Курганы бронзового века..., с. 64, 81; Котович В. М. Верхнегунибское поселение..., с. 135, 137; История Дагестана, т. I, с. 63.

¹⁵¹ См., напр.: Деген Б. Е. Курганы в Кабардинском парке..., табл. XIV, 7, табл. XV, 6; Мизиев И. М., Бетров Р. Ж., Нагоев А. Х. Археологические раскопки..., рис. 18, 1—10.

¹⁵² См., напр.: Кушнарева К. Х., Чубинишвили Т. Н. Древние культуры..., рис. 42, 12—17.

¹⁵³ Wolley C. L. Op. cit., p. 303—305, pl. 227, 228.

В дагестанских памятниках более позднего времени эти архаичные типы оружия почти полностью исчезают. В Талгинском могильнике, например, представлены кинжальные клинки довольно развитого облика (рис. 2, 10, 11) ¹⁵⁴. А в памятниках зандакско-мугерганского типа встречены не только кинжальные клинки разных типов (рис. 2, 12—15) ¹⁵⁵, но и биметаллические кинжалы (рис. 2, 16) ¹⁵⁶, а также наконечники стрел-площики (рис. 2, 17—19) ¹⁵⁷ и втульчатые наконечники копий (рис. 2, 20, 21) ¹⁵⁸, два последних типа оружия изготовлялись как из бронзы, так и из железа.

Интересную группу металлических изделий — принадлежностей одежды или доспехов, а позднее и конской упряжки составляют бронзовые бляхи. Один образец небольшой бляхи с двумя отверстиями для крепления происходит из Таркинского могильника (рис. 2, 22) ¹⁵⁹. Аналогичная бляха, но более крупного размера найдена в окрестностях сел. Тарки (рис. 2, 23) ¹⁶⁰. Наряду с этими неорнаментированными образцами в Дагестане обнаружены подобные же бляхи, украшенные сложным геометрическим узором (рис. 2, 24) ¹⁶¹. Такие же бляхи известны по находкам в среднебронзовых памятниках Северного Кавказа ¹⁶² и Закавказья ¹⁶³. В Дагестане встречаются они и позднее. Однако уже на талгинском этапе наряду с архаичными (рис. 2, 26) ¹⁶⁴, представлены и более развитые виды литых луговиц и блях с внутренней петлей

¹⁵⁴ Исаков М. И. Талгинский могильник, с. 126, 129, рис. 53, 1, Марковин В. И. Дагестан и горная Чечня..., рис. 26, 6, 8.

¹⁵⁵ См., напр.: Пикуль М. И. Эпоха раннего железа..., рис. 2, 7, 8; Марковин В. И. Новые материалы..., рис. 24, 4; Марковин В. И., Мунчаев Р. М. Археология Чечено-Ингушетии..., рис. 18, 6.

¹⁵⁶ Пикуль М. И. Эпоха раннего железа..., рис. 5, 20; Давудов О. М. Культуры Дагестана..., табл. XVIII, 19.

¹⁵⁷ Пикуль М. И. Эпоха раннего железа..., рис. 3, 2; Марковин В. И. Новые материалы..., рис. 24, 17; Давудов О. М. К вопросу о материальной культуре..., рис. 2, 8, 9, рис. 3, 7—11.

¹⁵⁸ Пикуль М. И. Мугерганский могильник, рис. 5, 10; Марковин В. И. Новые материалы..., рис. 24, 1; Давудов О. М. К вопросу о материальной культуре..., рис. 2, 5, рис. 3, 6.

¹⁵⁹ Смирнов К. Ф. Археологические исследования..., рис. 12, 4.

¹⁶⁰ Марковин В. И. Дагестан и горная Чечня..., рис. 30, 2.

¹⁶¹ Там же, рис. 30, 4.

¹⁶² См., напр.: Марковин В. И. Культура племен..., с. 96—97, рис. 46, 65.

¹⁶³ Куфтин Б. А. Археологические раскопки..., с. 94—101, рис. 106, табл. CXV; Джапаридзе О. М. Археологические раскопки..., с. 116, рис. 12, 2.

¹⁶⁴ Исаков М. И. Талгинский могильник..., с. 129; Марковин В. И. Дагестан и горная Чечня..., рис. 30, 3.

(рис. 2, 25, 27) ¹⁶⁵. Такие же и еще более усложненные их разновидности бытуют и в памятниках зандакско-мугерганского этапа (рис. 2, 28—33) ¹⁶⁶.

В заключение нашего обзора остановимся вкратце на изображении колесницы на стенке каменного ящика № 2 Берикейского могильника. У нее — пятиугольный кузов с прямым дышлом и ярмом и два колеса с четырьмя спицами, изображенные как бы в плане (рис. 4, 1) ¹⁶⁷.

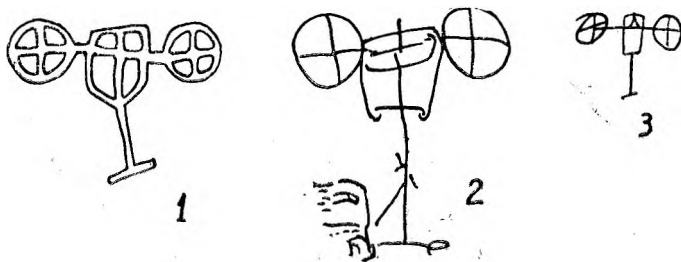

Рис. 4. Изображения древних колесниц:

1 — Берикей, Дагестан (по А. П. Круглову), 2 — Саратовское Заволжье (по Л. Л. Галкину), 3 — в этрусской надписи (по П. М. Кожину).

В послевоенные годы стало известно довольно много изображений подобного рода колесниц, иногда с запряженными в них лошадьми, выполненных в таком же стиле (рис. 4, 2, 3) ¹⁶⁸. Разрабатывается и их типология, в соответствии с которой колесницы с колесами, имевшими по четыре спицы считаются древнейшими, бытовавшими не позднее второй половины II тысячелетия до н. э. ¹⁶⁹ В свете этих данных берикейское изображение колесницы следует признать одним из древнейших на Кавказе, свидетельствующим о довольно раннем использовании каякентско-хорочевскими племенами легких, вероятно, боевых колесниц с конской запряжкой.

¹⁶⁵ Пикунь М. И. Работы на Сулаке..., с. 161; Котович В. М. Мискинбулакский могильник, рис. 3, 19, 30, 39, 50, рис. 6, 2.

¹⁶⁶ Пикунь М. И. Эпоха раннего железа..., рис. 3, 18, рис. 4, 12; Марковин В. И. Новые материалы..., рис. 24, 12, рис. 25, 7; Давудов О. М. К вопросу о материальной культуре..., рис. 2, 10, рис. 3, 14.

¹⁶⁷ Круглов А. П. Северо-Восточный Кавказ..., с. 84, 142, рис. 69.

¹⁶⁸ См., напр.: Кожин П. М. Кносские колесницы.— В сб.: Археология Старого и Нового Света. М., 1966, с. 76—81; его же. Гобийская квадрига.— СА. 1968, № 3, с. 35—42; Галкин Л. Л. Сосуд срубной культуры с сюжетным рисунком из Саратовского Заволжья.— СА. 1977, № 3, 193—197, рис. 1 (с. 129).

¹⁶⁹ Пиотровский Б. Б. Ванское царство. М., 1959, с. 121; Кожин П. М. Гобийская квадрига, с. 36; Отрошенко В. В. Элементы изобразительности в искусстве племен срубной культуры.— СА, 1974, № 4, с. 75.

Таковы основные, руководящие признаки каякентско-хорочоевской культуры, опираясь на которые попытаемся теперь более четко определить ее характер и историческое место. Строго говоря, она не может быть безоговорочно признана археологической культурой по крайней мере по двум обстоятельствам. Во-первых, из-за недостаточности археологической базы, ограниченной, как уже отмечалось, преимущественно могильниками, тогда как современное понятие археологической культуры опирается на совокупности однотипных археологических комплексов памятников (поселений и могильников) ¹⁷⁰. Помимо того, очерчиваемый ныне ее ареал ¹⁷¹ охватывает территорию расселения целого этнического массива — прадагестано-нахского или прадагестанского, — состоявшего, в свою очередь, из многочисленных племен и этнических групп. Однако, выявленные в археологических материалах признаки характеризуют особенности культуры всего этнического массива, а не отдельных племенных групп или тем более племен, — носителей конкретных археологических культур и их вариантов. Поэтому, совокупность отмеченных нами в процессе рассмотрения археологических материалов, специфических черт, по нашему мнению, правильнее считать отличительными признаками не какой-то одной археологической культуры, а целого этапа в культурно-историческом развитии прадагестано-нахского или прадагестанского этнического массива. Но, поскольку мы не располагаем в настоящее время необходимыми данными для выделения в рамках данного этапа конкретных археологических культур ¹⁷², представляется возможным равнозначно пользоваться пока термином «каякентско-хорочоевская культура» в его расширенном понимании, т. е. применительно к целому этапу культурно-исторического развития всего этнического массива.

С учетом рассмотренных материалов ее характерными признаками следует считать одиночные или парные захоронения в каменных ящиках в сидячем или скорченном положении в сопровождении достаточно определенного набора погребального инвентаря, включающего обмозанную керамику с валиковым орнаментом (три типа горшков) ¹⁷³, металллические украшения (пластинчатые и прутковые височные подвески, накосные украшения, браслеты, преимущественно круглого сечения,

¹⁷⁰ Захарук Ю. Н. Проблемы археологічної культури., с. 18—22; Каменецкий И. С. Археологическая культура., с. 28—30.

¹⁷¹ Марковин В. И. Дагестан и горная Чечня., с. 77—88, рис. 36.

¹⁷² Можно с достаточным основанием предполагать, что в таковые могут быть со временем выделены группы памятников, тяготеющие по культуре к Каякентскому и Хорочоевскому могильникам, а также других локальных групп, выделенных В. И. Марковиным (см. его: Дагестан и горная Чечня, с. 85—86).

¹⁷³ Этот признак, как отмечалось, не распространяется на керамику каякентской группы памятников, — гладкостенную с резным орнаментом.

булавки, разнообразные сурьмяные привески, нашивные бляхи), а также редкие находки плоскочерешковых листовидных клинков¹⁷⁴. Из всех этих признаков в роли отличительных, «этнодифференцирующих» черт, присущих каякентско-хорчоевским памятникам могут, по-нашему мнению, выступать только сурьмяные привески, и, с некоторыми оговорками, пластинчатые височные подвески, бронзовые колпачки, а также горшки всех трех рассмотренных выше типов. Оговорки в отношении указанных категорий материальной культуры вызваны тем обстоятельством, что все они, хотя и в значительно меньшем количестве, представлены в памятниках предшествующего этапа, а керамика (особенно горшки третьего типа) — еще и последующих.

Вместе с тем, отмеченные обстоятельства, свидетельствуя о преемственной связи в развитии местной культуры на разных этапах, представляют исключительно важное значение для определения исторического места каякентско-хорчоевской культуры. Всеми своими ведущими компонентами (все три типа сосудов, пластинчатые и прутковые височные подвески, колпачки от наконечников украшений, каплевидные подвески, булавки, браслеты, плоскочерешковые клинки), за исключением погребального обряда и сурьмяных привесок, она оказывается связанной с культурой предшествующего — гинчинско-гатынкалинского этапа. С памятниками же талгинского этапа ее связывают погребальный обряд и некоторые формы материальной культуры (горшки третьего типа, прутковые, височные и каплевидные подвески) при четко фиксируемом разрыве или нарушении развития других ее компонентов, в том числе «этнодифференцирующих» (горшки первого и, отчасти, второго типов, пластинчатые височные подвески, колпачки от наконечников украшений, плоскочерешковые клинки). Сказанное определяет относительное место каякентско-хорчоевского этапа между гинчинско-гатынкалинским и талгинским этапами. Поскольку каякентско-хорчоевская культура почти всеми своими ведущими признаками оказывается неразрывно, органически связанной с культурой гинчинско-гатынкалинского этапа, представляется возможным также отнести ее к эпохе средней бронзы. Как уже отмечалось, они различаются между собой главным образом по особенностям погребального обряда.

Остановимся вкратце и на более поздних этапах. Из них талгинский соответствует, по-нашему мнению, эпохе поздней бронзы, а зандакско-мугерганский — начальному этапу эпохи раннего железа или предскифскому периоду. Подробное рассмотрение особенностей культуры каждого из этих этапов не входит в задачи данной статьи. Отметим лишь,

¹⁷⁴ В это же время, вероятно, употреблялись и другие виды оружия: бронзовые секиры, мечи-рапиры, втульчатые наконечники копий с четко моделированным пером, пока известные по единичным внекомплексным находкам.

что, будучи несомненно связанными происхождением с каякентско-хорочоевской культурой, они утратили многие из присущих ей специфических черт и обогатились новыми, придавшими им качественно иной характер. Поэтому и талгинский и зандакско-мугерганский этапы следует считать отдельными, самостоятельными (со «своими» археологическими культурами) этапами культурно-исторического развития местного этнического массива, подобно тому, как, например, отдельные этапы развития культуры сарматской этнической общности считаются самостоятельными археологическими культурами¹⁷⁵.

Как известно, время бытования памятников гинчинско-гатынкалинского этапа ограничивается сейчас первой половиной II тысячелетия до н. э.¹⁷⁶, талгинского — последней четвертью II тысячелетия до н. э.¹⁷⁷ Следовательно, в рамках существующей ныне хронологии каякентско-хорочоевский этап может быть датирован третьей четвертью II тысячелетия до н. э., то есть признан одновременным III этапу бытования северокавказской культуры¹⁷⁸. При этом необходимо подчеркнуть, что, если определенное таким образом историческое место каякентско-хорочоевского этапа между гинчинско-гатынкалинским и талгинским можно считать достаточно обоснованным всеми имеющимися материалами, то его абсолютная хронология представляется в достаточной мере условной, отражающей лишь нынешнее состояние периодизации местных культур Северо-Восточного Кавказа. Думается, что со временем могут быть удревнены как его нижняя (на что указывают находка арханчой булавки в Маджалеском могильнике и довольно ранняя — 1740 ± 60 гг. до н. э. — радиокарбонная дата — анализ ЛЕ № 1059 — Кафыркумукской гробницы, где найден архаичный клинок майконского облика), так и верхняя (в связи с возможностью удревнения абсолютной хронологии позднебронзовых и раннежелезных — раннекобанских культур Северного Кавказа) даты.

Нетрудно заметить, что при определении исторического места и хронологии каякентско-хорочоевской культуры нами почти совершенно не учитывались те закавказские аналогии, которым еще сравнительно

¹⁷⁵ Смирнов К. Ф. Вопросы изучения сарматских племен и их культуры в советской археологии. В сб.: Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954, с. 199, 201; его же. Сарматы Нижнего Поволжья и междуречья Дона и Волги в IV в. до н. э. — II в. н. э. — СА, 1971, № 3, с. 36, 39; Мошкова М. Г. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М., 1971, с. 5.

¹⁷⁶ Гаджиев М. Г. Дагестан и юго-восточная Чечня., с. 28.

¹⁷⁷ Мунчаев Р. М. Эпоха меди и бронзы., с. 13; Исakov М. П. Талгинский могильник, с. 132; Каливец В. И. Мнати — новый памятник., с. 50.

¹⁷⁸ Напомним, что к материалам именно этого этапа ведут многие аналогии металлургическому инвентарю каякентско-хорочоевских памятников; большинство этих аналогий было отмечено еще А. П. Кругловым (см. его: Северо-Восточный Кавказ., с. 88—90).

недавно придавалось решающее значение¹⁷⁹. И это действительно так, ибо представляется единственно верным при решении подобных вопросов ставить во главу угла внутренние закономерности развития местных культур, а не внешние аналогии. Между тем, сходство отдельных элементов культуры каякентско-хорочоевских и несколько более поздних по времени памятников Закавказья действительно имело место, что подтверждается и новыми фактами¹⁸⁰. Возможной причиной этого могло явиться, по нашему мнению, переселение далеко на юг какой-то части каякентско-хорочоевских племен, увлеченных туда миграционной волной древнеиранского населения, проходившей, как это признается сейчас рядом исследователей, по Прикаспийскому пути¹⁸¹. В подтверждение сказанного сошлемся на тот факт, что найденные в Закавказье предметы по своим особенностям (керамика с резным елочным узором, курильницы на раздельных ножках, сурьмяные подвески ромбической формы и др.) обнаруживают наибольшее сходство с материалами каякентской группы могильников, расположенной как на приморской равнине Дагестана, так и в ближайших предгорьях, т. е. в тех местах, через которые непосредственно проходили пути этих миграций. Оказавшись в иноэтнической среде, переселенцы из Дагестана могли какое-то время сохранять многие черты своей традиционной культуры.

Этим самым снимается последний аргумент в пользу синхронизации каякентско-хорочоевской культуры с ходжалы-кедабекской и кобанской. Отметим попутно, что существовавшее до сих пор представление об одновременности названных культур возникло в условиях крайне слабой археологической изученности Северо-Восточного Кавказа, вследствие чего решающую роль в этом сыграли не столько археологические материалы, сколько «факт территориального несовпадения кобанских могильников и могильников каякентско-хорочоевского типа»¹⁸². Но, как отмечал А. А. Иессен, «смыкание неполных рядов фактов в отношении хронологии неизбежно должно привести к искусственно укороченным хронологическим схемам, к известной боязни ранних датировок»¹⁸³.

¹⁷⁹ Крупнов Е. И. Каякентский могильник., с. 11—16; Круглов А. П. Северо-Восточный Кавказ., с. 90—92.

¹⁸⁰ См., напр.: Мартиросян А. А. Армения в эпоху бронзы., с. 171—175.

¹⁸¹ Грантовский Э. А. Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 1970, с. 14—16, 23—24, 352; Кузьмина Е. Е. Навстречу со всадниками из Дагестана.— СА, 1973, № 2, с. 181 сл.; Погребова М. П. К вопросу о миграции ираноязычных племен в Восточное Закавказье в доскифскую эпоху.— СА, 1977, № 2, с. 65—67.

¹⁸² Круглов А. П. Предскифские памятники., с. 127—128; его же. Северо-Восточный Кавказ., с. 88.

¹⁸³ Иессен А. А. К хронологии «больших кубанских курганов». — СА, 1950, XII, с. 194.

Такие искусственно укороченные хронологические схемы таят в себе, по его мнению, «опасность серьезных ошибок при их использовании в историческом построении, так как при сопоставлении с хронологическими данными по лучше изученным территориям могут привести к искаженному представлению о культурной отсталости той территории, для которой пользуются укороченной, сжатой хронологией»¹⁸⁴. Как известно, именно такая — укороченная — хронология была разработана в предвоенные годы для эпохи бронзы Северо-Восточного Кавказа¹⁸⁵. За прошедшее с тех пор время были уточнены и пересмотрены многие ее звенья. Лишь хронология каякентско-хорочоевской культуры до сих пор оставалась, пожалуй, единственным почти нетронутым ее звеном.

Определение нового исторического места каякентско-хорочоевской культуры и в иных хронологических рамках, нежели у культуры кобанской, позволяет полностью отвергнуть тезис об отставании историко-культурного развития Дагестана по сравнению с сопредельными областями Северного Кавказа. Думается, что это, в свою очередь, может иметь немаловажное значение для правильного понимания общего процесса культурно-исторического развития населения северокавказского региона в эпоху средней бронзы, а также для освещения взаимоотношений с племенами степных культур, особенно культур «многоваликовой» керамики и срубной.

¹⁸⁴ Иессен А. А. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века.— МИА, 1951, № 23, с. 119.

¹⁸⁵ Круглов А. П. Северо-Восточный Кавказ., (тезисы канд. дис.), с. 131—132.

В. М. КОТОВИЧ

МИСКИНБУЛАКСКИЙ МОГИЛЬНИК

Начальный или докобанский период эпохи поздней бронзы — один из наименее изученных в древней истории ряда областей Северного Кавказа¹. Не составляет исключения в этом отношении и Дагестан, где после определения исторического места каякентско-хорочоевской культуры в рамках заключительного этапа эпохи средней бронзы², наши представления о характере местных культур эпохи поздней бронзы основываются на материалах всего двух памятников — Талгинского и Кабартыкутанского могильников³. Поэтому введение в научный оборот новых памятников этого времени становится одной из первоочередных задач дагестанской археологии. Ее решению должна способствовать в какой-то мере и предлагаемая статья, в которой рассматриваются материалы Мискинбулакского могильника, — единственного пока в Дагестане полностью раскопанного памятника данной эпохи⁴.

Могильник назван по имени урочища Мискин-булак, что в 11 км к СВ от сел. Параул Карабудахкентского района. Он не имел никаких внешних признаков и был случайно обнаружен местным жителем М. Аб-

¹ Крупнов Е. И. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода.—МИА, 1951, № 23, с. 60—70; Иессен А. А. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века.—Там же, с. 119, 124.

² Котович В. Г. К определению исторического места каякентско-хорочоевской культуры (см. с. 46—76 настоящего сборника).

³ Исаков М. И. Талгинский могильник.—КСИИМК, 1957, № 67, с. 126—132; Пикуль М. И. Раскопки на Сулаке в 1955 г.—МАД, 1959, т. I, с. 157—164. В последние годы погребения позднебронзовой эпохи выявлены и на Мугерганском могильнике в Южном Дагестане. См. о них: Давудов О. М. К периодизации погребальных комплексов Мугерганского могильника.—В кн.: Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований в Дагестане в 1973—1975 гг. (тезисы докл.). Махачкала, 1976, с. 4—5.

⁴ Раскопки второго отряда ДАЭ в 1966 г.

дуллаевым, «раскопавшим» здесь вместе с своими односельчанами несколько древних гробниц. Найденные при этом сосуды были выброшены, металлические предметы (по словам очевидцев, «медные браслеты, кольца и цепи») разошлись по рукам, а каменные плиты использованы на сооружение арочного перекрытия над источником Мискин-булак.

Могильник расположен в глубине предгорий на высоком холме, протянувшемся в направлении СЗ—ЮВ; его длина 130 м, ширина 30 м. Уплощенная вершина холма разделена посередине широким (до 4 м) выходом скальной породы, по обе стороны которого было разбито два раскопа. Раскоп № 1 площадью 96 м² охватил юго-восточную часть вершины холма, раскоп № 2 площадью 176 м² — северо-западную. Будучи ориентированы по длине холма, они практически охватили всю его вершину, служившую территорией древнего могильника (рис. 1).

Помимо раскопок могильника велись поиски одновременного ему поселения. С этой целью в удобных для этого местах вблизи могильника

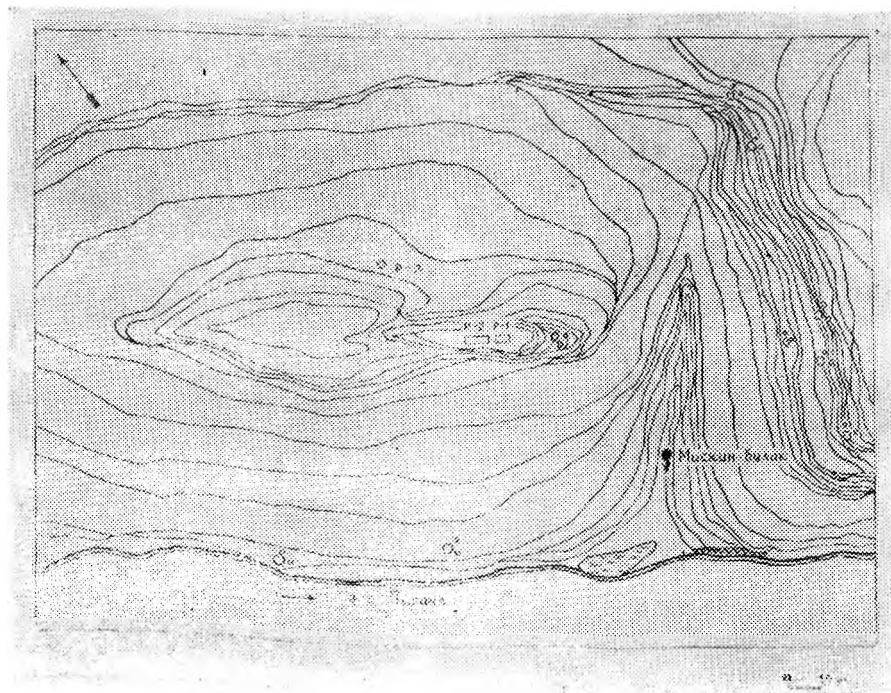
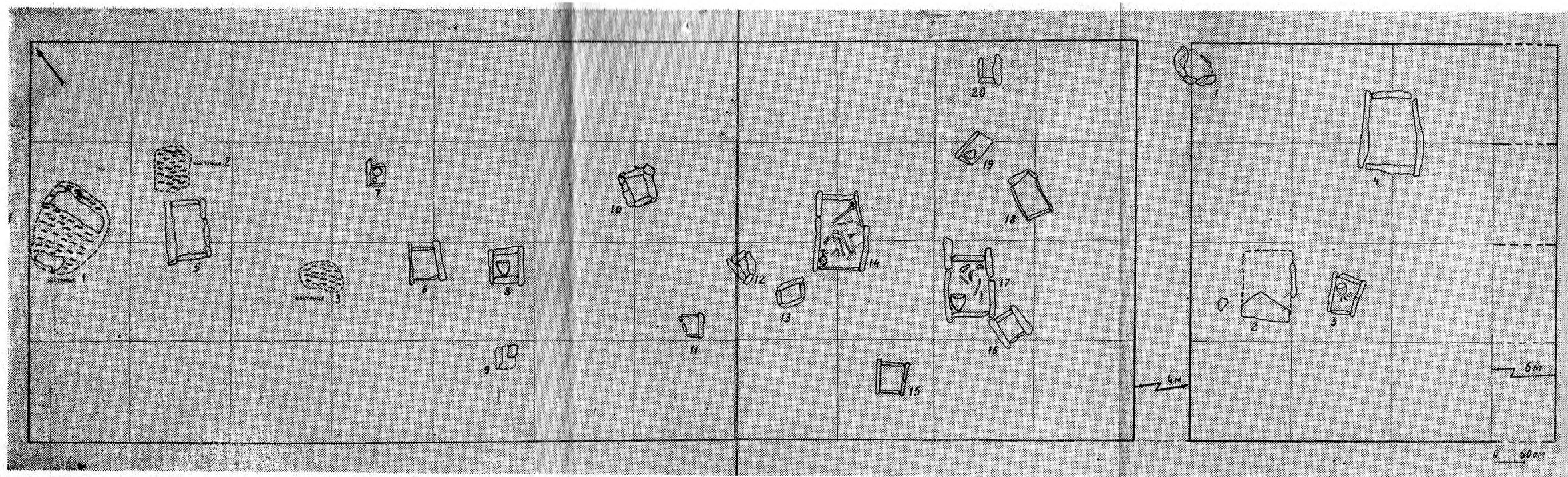

Рис. 1. Расположение древних памятников в урочище Мискин-булак.

Р и с. 2. План раскопов на Мискинбулакском могильнике.

было заложено несколько разведочных шурфов, но только в одном из них, развернутом затем в раскоп № 3, были обнаружены остатки культового места.

Дальнейшее изложение посвящено результатам раскопок и анализу материалов могильника и культового места.

1. МОГИЛЬНИК

Раскопки на могильнике свелись к снятию гумусного слоя (толщ. 0,1—0,15 м), благодаря чему довольно четко обозначилось взаиморасположение погребальных сооружений и кострищ в пределах всего могильного поля (раскопы № 1 и № 2), и последующему изучению каждого из этих объектов в отдельности. Различавшиеся по размерам погребальные сооружения однотипны по своему устройству. При их сооружении в материковой скале, сложенной из чрезвычайно мягких четвертичных песчаников, вырезалась прямоугольная яма нужных размеров, стенки которой обкладывались затем крупными известняковыми плитами, вероятно привозившимися откуда-то со стороны. Обычно по каждой стороне вертикально устанавливалась одна такая плита. При этом нередко короткие, служившие торцами плиты слегка «утапливались» за выступавшие края более длинных плит. Их внутренние поверхности тщательно выравнивались, наружные, обращенные к краям ямы, почти не обрабатывались; пространство между ними заполнялось обломками камней вперемешку с землей. Дном погребальных камер служила выровненная материковая скала, иногда покрытая тонким слоем утрамбованного суглинка. Они перекрывались одной или несколькими известняковыми плитами.

Устроенные таким образом погребальные сооружения Мискинбулакского могильника относятся к довольно распространенному в памятниках бронзового века Дагестана типу каменных ящиков. Их ориентация довольно устойчива: большинство (№№ 3—9, 11, 14, 15, 17, 20) ориентировано по сторонам света своими углами, а некоторые (№№ 10, 12, 13, 16, 18, 19) — своими сторонами. Взаиморасположение каменных ящиков и выявленных раскопками остатков кострищ показано на плане (рис. 2). Ниже дается их краткое описание.

Каменный ящик № 1 — полностью разрушен и ограблен в древности; его место отмечено небольшим ($0,6 \times 0,4 \times 0,18$ м) углублением с беспорядочным скоплением плит (размерами — $0,7 \times 0,3 \times 0,09$ м и $0,5 \times 0,2 \times 0,1$ м) и камней. Находки отсутствовали.

Каменный ящик № 2 ограблен и почти полностью разрушен в древности. Его место отмечено большим ($1,1 \times 0,98 \times 0,53$ м) углубле-

нием, на юго-восточной стенке которого сохранилась вертикально поставленная плита ($0,8 \times 0,62 \times 0,1$ м). В заполнении ящика встречена еще одна известняковая плита ($0,97 \times 0,7 \times 0,14$ м) и мелкие камни, а также прослойки золы и древесные угольки. Другие находки отсутствовали.

Каменный ящик № 3 — сохранился полностью; его юго-восточная стенка образована двумя плитами, остальные — одной (размеры плит: юго-восточная — $0,4 \times 0,35 \times 0,1$ м и $0,38 \times 0,33 \times 0,1$ м, северо-западная — $0,8 \times 0,35 \times 0,08$ м, северо-восточная — $0,5 \times 0,32 \times 0,09$ м, юго-западная — $0,45 \times 0,3 \times 0,08$ м; размеры камеры — $0,6 \times 0,4 \times 0,35$ м); перекрыт двумя плитами (размер: $1,32 \times 0,6 \times 0,1$ м и $0,76 \times 0,26 \times 0,09$ м). В заполнявшем его плотном комковатом суглинке, насыщенном мелкими угольками, обнаружены разрозненные кости человеческого скелета (немолодой мужчина? ⁵): 22 зуба, обломки ребер и черепа. Здесь же найдены фрагменты крупного, чрезвычайно слабо обожженного глиняного горшка, частично распавшиеся при расчистке (рис. 4, 1). На дне горшка в слое золы и мелких угольков (2 см) находилась бронзовая височная подвеска в полтора оборота (рис. 3, 38), обломок такой же подвески и бронзовый браслет с незамкнутыми концами (рис. 3, 54).

Каменный ящик № 4 — сложен из четырех плит (размеры: северо-западная — $1,54 \times 0,48 \times 0,14$ м, северо-восточная — $0,86 \times 0,45 \times 0,16$ м, юго-восточная — $1,58 \times 0,46 \times 0,15$ м, юго-западная — $0,96 \times 0,49 \times 0,18$ м; размеры камеры — $1,34 \times 0,86 - 0,96 \times 0,49$ м), перекрытие не сохранилось. К моменту раскопок он был совершенно пустым, но М. Абдуллаев передал нам несколько бронзовых изделий, которые, по его уверению, были найдены именно в этом ящике, где он якобы обнаружил также скелет «сидящего мужчины, державшего в сложенных на коленях руках горшок с углем». Переданные изделия включали: два массивных браслета (рис. 3, 53, 56), умбонovidную бляху, украшенную по краю полоской из прорезных треугольников (рис. 3, 50), несколько височных колец, изготовленных из прута с одним приостренным, а другим раскопанным концом (рис. 3, 42, 44, 45), 22 бусины бочонкообразной формы (рис. 3, 9, 18), все они изготовлены из бронзы, а также обломок кремневой пластины с ретушированными краями (рис. 3, 57). Однако трудно утверждать, что перечисленные предметы действительно составляли единый комплекс погребального инвентаря каменного ящика № 4, ибо местными жителями раскопано несколько ящиков и найденные в них предметы вероятнее всего были перепутаны.

Каменный ящик № 5 — длинные стенки образованы несколькими плитами, короткие — одной (размеры плит: северо-западная —

⁵ Здесь и далее антропологические определения произведены докт. ист. наук, ст. научн. сотр. А. Г. Гаджиевым, которому приношу свою благодарность.

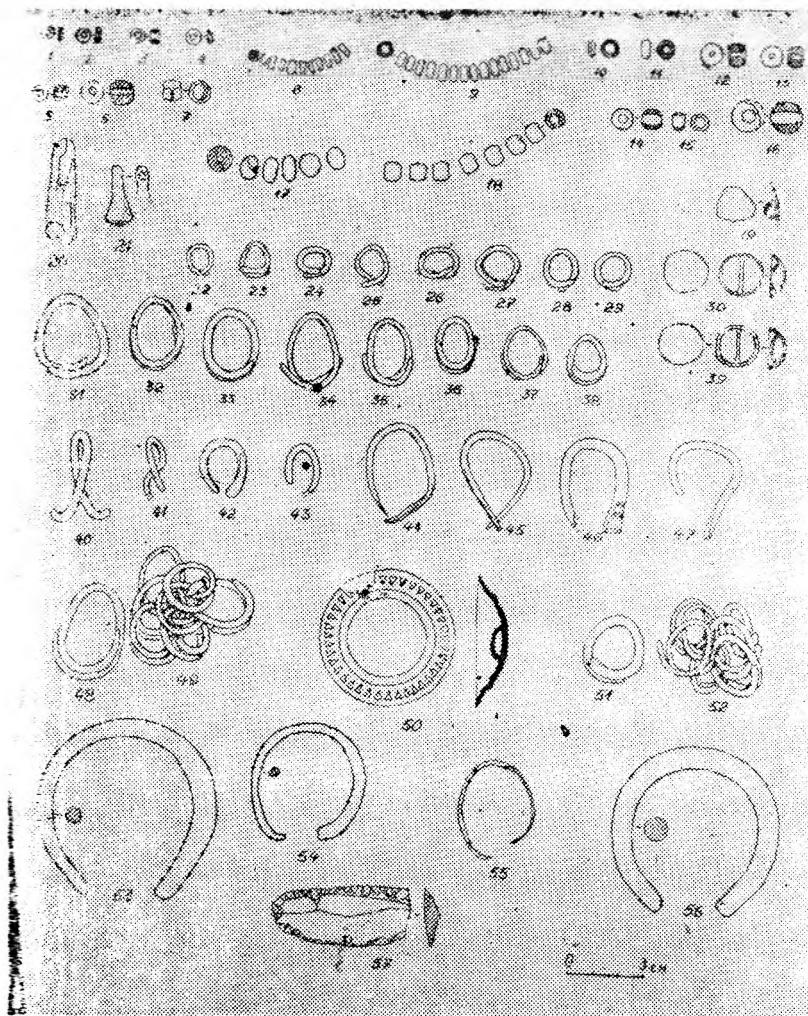

Рис. 3. Погребальный инвентарь Мискинбулакского могильника:

1—18—бусы (1, 2, 14, 15—к. я. № 12, 3—к. я. № 6, 4, 6, 16—к. я. № 11, 5, 12, 13—к. я. № 7, 7—к. я. № 20, 8—к. я. № 13, 9, 18—к. я. № 4, 10—к. я. № 18, 11—к. я. № 20), 19, 30, 39—полусферические пуговицы (19—к. я. № 7, 30—к. я. № 14, 39—к. я. № 16), 20—пластинчатая трубочка (к. я. № 10), 21—капельвидная подвеска (к. я. № 11), 22—29, 31—38, 40—49, 51, 52—височные кольца и подвески (22, 35—к. я. № 7, 23, 25—к. я. № 12, 24, 47—к. я. № 20, 26, 27, 36, 37, 43—к. я. № 6, 28, 29—к. я. № 11, 31, 32, 48, 49, 51, 52—к. я. № 41, 33—к. я. № 13, 34—к. я. № 10, 38—к. я. № 3, 41—к. я. № 18, 42, 44, 45—к. я. № 4, 46—к. я. № 16), 50—бляха (к. я. № 4), 53—56—браслеты (53, 56—к. я. № 4, 54—к. я. № 3, 55—к. я. № 10), 57—ножевидная пластина (к. я. № 4); (1, 2—сердолик, 3, 5—7, 9—11, 14—16, 18—56—бронза, 4—гагат, 8, 12, 13—халцедон, 17—паста, 57—кремнь).

0,92×0,6×0,17 м и 0,37×0,57×0,13 м, юго-восточная—0,37×0,6×0,16 м, 0,53×0,59×0,09 м и 0,17×0,21×0,07 м, северо-восточная — 0,65×0,58×0,15 м, юго-западная — 0,6×0,55×0,12 м; размеры камеры — 0,48×0,53×0,6 м), перекрытие не сохранилось. Этот ящик также был «раскопан» М. Абдуллаевым, нашедшим здесь только «бронзовое кольцо», впоследствии утерянное.

Каменный ящик № 6 — сложен из четырех плит (размеры: северо-западная — 0,9×0,25×0,07 м, северо-восточная — 0,5×0,26×0,06 м, юго-восточная — 0,86×0,25×0,14 м, юго-западная — 0,5×0,24×0,06 м; размер камеры — 0,65×0,48—0,5×0,26 м), перекрытие не сохранилось. В его заполнении встречались редкие угольки, на дне найдены: 4 бронзовых подвески в полтора оборота (рис. 3, 26, 27, 36, 37), обломок такой же подвески (рис. 3, 43) и литая бронзовая бусина (рис. 3, 3).

Каменный ящик № 7 — сохранилось три плиты (размеры: северо-западная — 0,58×0,27×0,01 м, северо-восточная — 0,36×0,25×0,06 м, юго-западная — 0,3×0,26×0,08 м; размер камеры — 0,32×0,28×0,26 м), перекрытие не сохранилось. Заполнявший его суглинок был обильно насыщен мелкими уголками. На дне ящика обнаружено несколько бронзовых изделий: 2 полусферические пуговицы (рис. 3, 19), 2 височных кольца (рис. 3, 22, 35), бусина (рис. 3, 5), а также 2 халцедоновые бусины (рис. 3, 12, 13) и 2 глиняных сосуда. Это — нижняя часть крупного сосуда с узким дном и широко вздутым туловом, покрытым грубой обмазкой (рис. 4, 3) — и небольшой сосуд баночной формы с широкой горловиной и четко выраженным поддоном, поверхность небрежно заглажена (рис. 4, 2).

Каменный ящик № 8 — сложен из четырех плит (размеры: северо-западная — 0,74×0,52×0,1 м, северо-восточная — 0,52×0,5×0,09 м, юго-восточная — 0,8×0,51×0,11 м, юго-западная — 0,48×0,5×0,12 м; размер камеры — 0,47×0,48—0,5×0,51 м), перекрытие не сохранилось. В заполнявшем его суглинке встречено много мелких угольков. На дне ящика находился раздавленный крупный широкогорлый горшок с узким дном и обмазанной поверхностью (рис. 4, 5). Внутри него было много обломков костей животных и в их числе несколько бараньих астрагалов⁶.

Каменный ящик № 9 — ограблен и разрушен в древности. От него осталось небольшое (0,4×0,34×0,25 м) углубление, у северо-западного края которого стояла в вертикальном положении плита (0,42×0,25×0,16 м), вероятно, часть стенки ящика. Еще одна плита (0,37×0,19×0,1 м) и несколько камней найдены в заполнявшем углубление суглинке. Других находок не было.

⁶ Здесь и далее определения остеологических материалов произведены канд. биол. наук, доцентом ДСХИ К. Н. Золотовым, которому приношу свою благодарность.

Каменный ящик № 10 — сложен из четырех плит (размеры: северо-западная — $0,68 \times 0,36 \times 0,15$ м, северо-восточная — $0,39 \times 0,35 \times 0,14$ м, юго-восточная — $0,74 \times 0,34 \times 0,15$ м, юго-западная — $0,38 \times 0,36 \times 0,14$ м; размер камеры: $0,48 \times 0,35 \times 0,36$ м), перекрытие не сохранилось. В его заполнении встречались прослойки золы и много мелких угольков. На полу, в центре, под тонкой сланцевой плиткой лежало несколько бронзовых предметов: височная подвеска (рис. 3, 34), наконечное украшение из свернутой в трубочку тонкой пластинки (рис. 3, 20) и небольшой браслет из тонкой проволоки, на концах раскованной в пластину (рис. 3, 55).

Каменный ящик № 11 — сохранилось три плиты (размеры: северо-восточная — $0,36 \times 0,31 \times 0,04$ м, юго-восточная — $0,5 \times 0,3 \times 0,1$ м, юго-западная — $0,24 \times 0,27 \times 0,04$ м; размер камеры — $0,36 \times 0,24 \times 0,31$ м), перекрытие не сохранилось. В заполнявшем его суглинке найдено много мелких угольков. На дне камеры обнаружены украшения из бронзы: 2 височные подвески (рис. 3, 28, 29), 2 литые боченовидные бусины (рис. 3, 6, 16), подвеска каплевидной формы (рис. 3, 21), остатки окислившейся и распавшейся пуговицы, а также гагатовая бусина (рис. 3, 4).

Каменный ящик № 12 — сложен из четырех плит (размеры: западная — $0,5 \times 0,25 \times 0,12$ м, северная — $0,26 \times 0,25 \times 0,14$ м, восточная — $0,49 \times 0,23 \times 0,18$ м, южная — $0,21 \times 0,22 \times 0,09$ м; размер камеры — $0,36 \times 0,1 \times 0,15 \times 0,23$ м), перекрытие не сохранилось. Под слоем суглинка, обильно насыщенного мелкими угольками, найдены: 2 височные подвески (рис. 3, 23, 25) и 2 литые бусины (рис. 3, 14, 15) из бронзы, а также 2 бусины из темнокрасного сердолика (рис. 3, 1, 2).

Каменный ящик № 13 — сложен из четырех плит (размеры: северо-западная — $0,28 \times 0,18 \times 0,08$ м, северо-восточная — $0,55 \times 0,17 \times 0,1$ м, юго-западная — $0,48 \times 0,18 \times 0,08$ м, юго-восточная — $0,32 \times 0,16 \times 0,07$ м; размер камеры — $0,43 \times 0,3 \times 0,17$ м), перекрытие не сохранилось. В заполнении камеры встречены единичные угольки, а на ее полу — бронзовая височная подвеска (рис. 3, 33) и 10 плоских халцедоновых бус с односторонним сверлением (рис. 3, 8).

Каменный ящик № 14 — длинные стенки образованы двумя плитами, короткие — одной (размеры плит: северо-западная — $1,08 \times 0,9 \times 0,1$ м, и $0,52 \times 0,83 \times 0,1$ м, северо-восточная — $0,64 \times 0,9 \times 0,1$ м, юго-восточная — $0,64 \times 0,8 \times 0,06$ м и $0,94 \times 0,83 \times 0,1$ м, юго-западная — $0,74 \times 0,85 \times 0,09$ м; размер камеры — $1,35 \times 0,64 \times 0,74 \times 0,83$ м), перекрытие не сохранилось. Ящик был частично ограблен еще в древности, что сказалось на сохранности находившихся в нем двух погребений — мужского и женского. Особенно пострадал мужской костяк, от которого остались лишь кости ног и тлен от таза, сохранявшие анатомический порядок. Судя по их положению, можно допустить, что покойный был

погребен сидя в восточном углу ящика таким образом, что его тазовые кости находились над костями обеих стоп, а сильно согнутые в коленях ноги выступали к центру погребальной камеры. Остатки женского, вероятно тоже сидячего, захоронения находились в центральной части ящика. Здесь обнаружены кости таза и сильно согнутых в коленях ног, отличавшиеся чрезвычайно плохой сохранностью, но сохранявшие анатомический порядок. В западном углу находился раздавленный череп, а вдоль северо-западной стены несколько ребер и костный тлен. Несмотря на ограбленность ящика, при женском погребении найдено несколько бронзовых украшений. По обе стороны черепа у височных костей находилось по «связке» височных колец по 7 штук в каждой (рис. 3, 49, 52), а у тазовых костей — полусферическая пуговица (рис. 3, 30) и 4 височных кольца (рис. 3, 31, 32, 48, 51), совершенно аналогичных найденным в связках у черепа. В чрезвычайно плотном заполнении этого ящика во множестве встречались мелкие угольки.

Каменный ящик № 15 — длинная юго-восточная стенка образована двумя плитами, остальные — одной (размеры плит: северо-западная — $0,75 \times 0,46 \times 0,05$ м, северо-восточная — $0,5 \times 0,43 \times 0,05$ м, юго-восточная — $0,36 \times 0,4 \times 0,06$ м и $0,4 \times 0,41 \times 0,05$ м, юго-западная — $0,44 \times 0,42 \times 0,04$ м; размер камеры — $0,58 \times 0,46 - 0,48 \times 0,46$ м), перекрытие не сохранилось. В заполнении камеры много мелких угольков. На полу вдоль северо-восточной стенки найдено несколько обломков ребер и 2 поясничных позвонка от скелета ребенка, в восточном углу прослежен тлен от его тазовых костей.

Каменный ящик № 16 — сложен из четырех плит (размеры: северная — $0,38 \times 0,31 \times 0,08$, восточная — $0,7 \times 0,3 \times 0,13$ м, южная — $0,38 \times 0,3 \times 0,05$ м, западная — $0,68 \times 0,3 \times 0,12$ м; размер камеры — $0,44 \times 0,38 \times 0,31$ м), перекрытие не сохранилось. В заполнявшем его плотном комковатом суглинке много мелких угольков. В центре на полу ящика прослежен костный тлен и в нем обломки ребер детского скелета. Здесь найдены: полусферическая пуговица (рис. 3, 39) и кольцо (рис. 3, 46) из бронзы.

Каменный ящик № 17 — длинные стенки образованы двумя плитами, короткие — одной (размеры плит: северо-западная — $1,04 \times 0,57 \times 0,12$ м, и $0,64 \times 0,55 \times 0,18$ м, северо-восточная — $0,66 \times 0,15 \times 0,14$ м, юго-восточная — $0,66 \times 0,57 \times 0,12$ м и $0,68 \times 0,58 \times 0,12$ м, юго-западная — $0,72 \times 0,57 \times 0,18$ м; размер камеры — $1,04 \times 0,68 \times 0,57$ м), перекрыт плитой (размер: $1,2 \times 0,8 \times 0,12$ м). Этот ящик был ограблен в древности, что сказалось на сохранности находившегося в нем женского костяка, от которого сохранились череп, поломанные длинные кости ног и рук, обломки ребер и тазовых костей, лежавшие вне анатомического порядка на полу в юго-западной половине камеры. Здесь же встречено несколько костей крупного рогатого скота. Среди костей

найдено 6 крупных бусин из белой пасты (рис. 3, 17) и крупный широкогорлый горшок на узком дне с обмазанным туловом, у закраины сделано 2 сквозных прокола (рис. 4, 6). На костях черепа и предплечья сохранилась характерная зеленоватая окрасенность от окислов меди, что, очевидно, отмечает места нахождения бронзовых украшений.

Каменный ящик № 18 — длинная восточная стенка образована двумя плитами, остальные — одной (размеры плит: западная — $0,69 \times 0,4 \times 0,06$ м, северная — $0,45 \times 0,38 \times 0,16$ м, восточная — $0,64 \times 0,39 \times 0,07$ м и $0,26 \times 0,35 \times 0,08$ м, южная — $0,5 \times 0,39 \times 0,06$ м; размер камеры — $0,7-0,8 \times 0,48 \times 0,39$ м), около ящика лежала плита — возможное перекрытие (размер: $0,78 \times 0,64 \times 0,06$ м). В довольно рыхлом заполнении ящика встречено несколько угольков и бронзовые бусины (рис. 3, 10) и височная подвеска (рис. 3, 41).

Каменный ящик № 19 — был ограблен и частично разрушен в древности. В первоначальном положении сохранились его северная ($0,62 \times 0,5 \times 0,12$ м) и западная ($0,3 \times 0,4 \times 0,08$ м) стенки. Его камера (размерами $0,6 \times 0,33 \times 0,5$ м) была заполнена рыхлым суглинком. В северо-западном углу, на дне обнаружена высокая глиняная миска в форме усеченного конуса с обмазанной наружной поверхностью (рис. 4, 4). Она была наполнена золой с множеством мелких угольков, среди которых находилось несколько обломков костей мелкого рогатого скота.

Каменный ящик № 20 — сохранились три плиты (размер: северо-западная — $0,42 \times 0,39 \times 0,07$ м, юго-западная — $0,32 \times 0,3 \times 0,1$ м, юго-восточная — $0,62 \times 0,39 \times 0,18$ м; размер камеры — $0,4 \times 0,2 \times 0,39$ м), перекрытие не сохранилось. После расчистки на полу камеры найдено несколько бронзовых предметов: височное кольцо (рис. 3, 24), подвеска из прута с раскованным концом (рис. 3, 47), 2 бусины (рис. 3, 7, 11), а также много мелких угольков.

Помимо каменных ящиков на северо-западном участке могильного поля были обнаружены остатки трех крупных кострищ.

Кострище № 1 было отмечено грудой камней на северо-западном крае раскопа. После ее разборки здесь обнажились костровые отложения (размером $1,7 \times 1,4$ м и толщиной $0,07-0,1$ м), огражденные с северного и южного краев каменными плитами (размером $1,25 \times 0,35 \times 0,12$ м и $0,47 \times 0,23 \times 0,17$ м). Они образовались в результате многократного разведения огня на этом месте. Это кострище по своим размерам, толщине отложений и насыщенности золой и углем заметно отличается от двух других. Можно полагать, что оно играло особую роль при совершении погребальных обрядов — в нем чаще, чем в других, разжигался ритуальный огонь.

Кострище № 2 представляло собой большое зольное пятно подквадратных очертаний (разм. $0,75 \times 0,65$, толщиной $0,05-0,07$ м).

Кострище № 3 было отмечено несколькими кучками камней, после разборки которых обнажались обожженная площадка подпрямоугольных очертаний (разм $0,8 \times 0,6$ м) с *разбросанными*

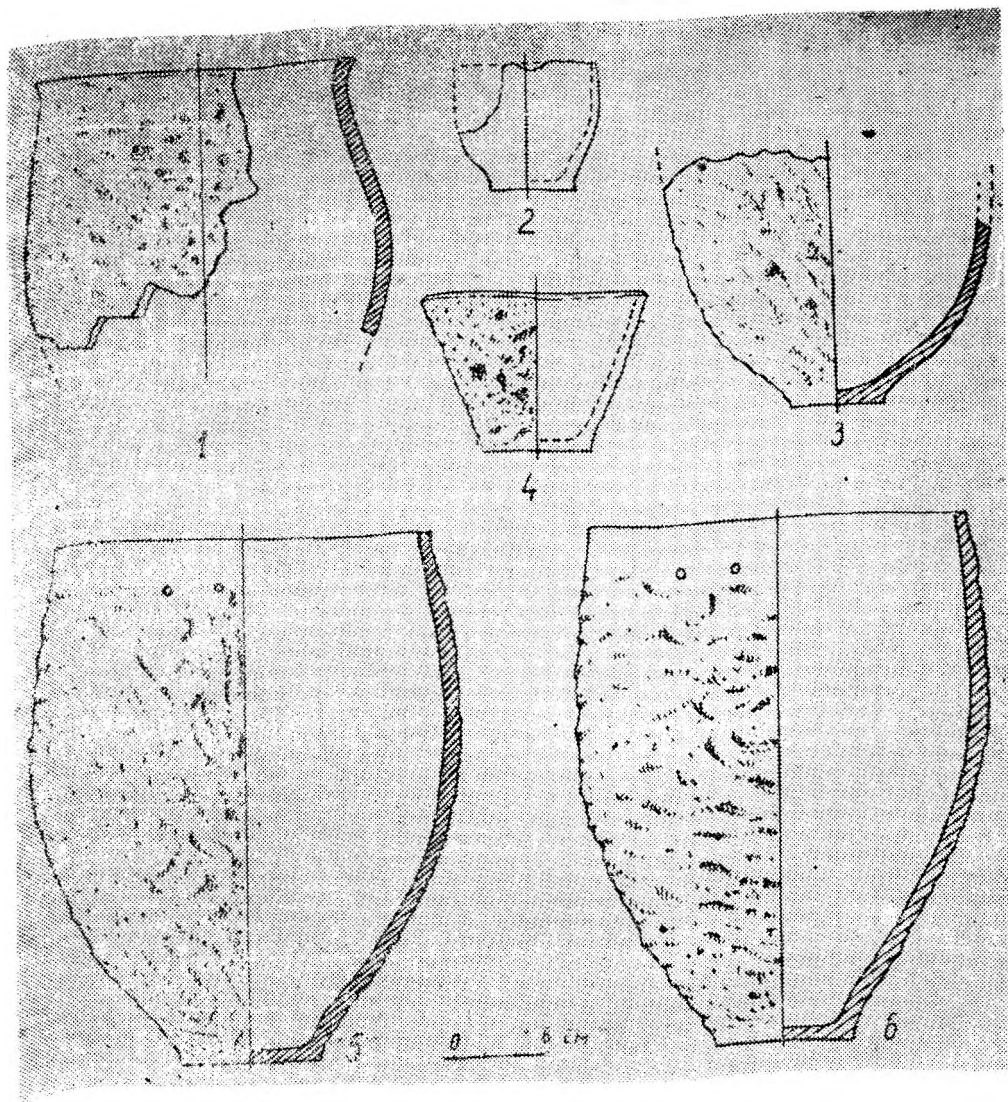

Рис. 4. Глиняные сосуды из погребений Мискибулакского могильника (1 — к. я. № 3, 2, 3 — к. я. № 7, 4 — к. я. № 19, 5 — к. я. № 8, 6 — к. я. № 17).

Кострище № 3 было отмечено несколькими кучками камней, после разборки которых обнажались обожженная площадка подпрямоугольных очертаний (разм. $0,8 \times 0,6$ м) с небольшим зольным пятном в центре.

Как видно из приведенных данных, однотипные по устройству каменные ящики Мискинбулакского могильника различались по величине и, вероятно, по назначению. По величине они подразделяются на большие и малые. Что же касается их назначения, то, помимо традиционного использования каменных ящиков как погребальных сооружений, они выступают здесь и еще в одном качестве: для отдельного (без человеческих погребений) захоронения вещей, вероятно, в культовых целях.

К числу больших отнесены прямоугольные каменные ящики, длина которых достигает 1,0—1,4 м (№№ 2, 4, 5, 14, 17). Все они ориентированы углами по сторонам света, а длинными осями по направлению СВ—ЮЗ. Судя по результатам раскопок каменного ящика № 14 и по свидетельству М. Абдуллаева о погребальном обряде в каменном ящике № 4, можно полагать, что по крайней мере какая-то часть этих больших погребальных сооружений предназначалась для парных захоронений в сидячем положении. Однако нельзя считать исключенным, что в них могли производиться и одиночные захоронения. В качестве примера отметим каменный ящик № 17, где обнаружены остатки только одного костяка. Впрочем, ящик этот был ограблен в древности и у нас не может быть абсолютной уверенности, что в нем действительно находилось только одно захоронение.

Большинство каменных ящиков Мискинбулакского могильника №№ 1, 3, 6—13, 15, 16, 18—20) отличается малыми размерами (длина их варьирует от 0,35 до 0,75 м). Многие из них (№№ 3, 6—9, 11, 15, 20) ориентированы углами по сторонам света, а длинными осями по направлению СВ—ЮЗ, у других же (№№ 10, 12, 13, 16, 18, 19) — длинные оси сорентированы по направлению С—Ю. В этой связи необходимо отметить, что различия в ориентации ящиков по-видимому не были связаны с их назначением. Погребальными сооружениями служили малые ящики, ориентированные и углами (№ 3 — со взрослым захоронением и № 15 — с захоронением ребенка) и стенками (№ 16 — с захоронением ребенка) по сторонам света. То же наблюдается и в ориентации малых ящиков с культовыми захоронениями вещей: часть их (№№ 6—8, 10, 11, 13, 18, 20) ориентированы углами, а некоторые (№№ 12—19) — стенками по сторонам света.

Подобной же неустойчивой ориентацией отличались, как установлено, и погребальные сооружения каякентско-хорочоевских могильников, где также встречались каменные ящики, ориентированные по сторонам света и углами и стенками. При этом первые были обычно ориентированы своими длинными осями по направлению СВ—ЮЗ (Хорочой,

Каякент, Мамай-кутан, Берикей, Маджалис и др.⁷⁾, то есть совершенно так же, как и на Мискинбулакском могильнике; лишь в редких случаях (например, погр. №№ 2, 16, 30, 32 Хорочоевского могильника⁸⁾) отмечена ориентация СЗ—ЮВ. В Талгинском могильнике каменные ящики были также ориентированы по двум направлениям: С—Ю и СВ—ЮЗ⁹⁾, а в Кабартыкутанском — только по одному: С—Ю¹⁰⁾.

Известно, что каменные ящики каякентско-хорочоевских могильников обычно содержали одиночные и парные захоронения в сидячем либо скорченном положении¹¹⁾. Подобная же картина характерна и для ритуала близких к ним по времени Талгинского и Кабартыкутанского могильников¹²⁾. Правда, обряд сидячих захоронений был присущ, как отметил еще А. П. Круглов, главным образом восточной группе каякентско-хорочоевских могильников¹³⁾. Зафиксирован он и на Талгинском могильнике¹⁴⁾. И по-видимому совсем не случайно практикование этого обряда на Мискинбулакском могильнике, который территориально входит в ареал названных памятников.

К сожалению, мы почти не располагаем конкретными данными о положении и ориентации погребенных на Мискинбулакском могильнике, то есть такими данными, которые совершенно необходимы для более детального анализа погребального обряда. Единственное, что может быть нами использовано для этой цели — наблюдения над положением сохранившихся в неповрежденном состоянии остатков мужского и женского костяков в каменном ящике № 14. Основываясь на них, можно предположить, что мужчина был погребен в сидячем положении спиной к восточному углу, причем его ноги были так сильно согнуты, что стопы оказались под туловищем, а колени — в центре камеры;

⁷ Круглов А. П. Северо-Восточный Кавказ во II—I тысячелетиях до н. э.—МИА, 1958, № 68, с. 100—144.

⁸ Там же, с. 100, 111, 125.

⁹ Исаков М. И. Талгинский могильник, с. 126—130.

¹⁰ Пикуль М. И. Раскопки на Сулаке..., с. 158, рис. 1.

¹¹ ОАК за 1898 г. СПб., 1901, с. 142—149; Крупнов Е. И. Каякентский могильник — памятник древней Албании.—Тр. ГИМ, 1940, вып. XI, с. 8; его же. Новый памятник древних культур Дагестана.—МИА, 1951, № 23, с. 221; Круглов А. П. Предскифские памятники Северо-Восточного Кавказа.—Уч. зап. ЛГУ, № 85, серия историч. наук, вып. 13, 1949, с. 112—113; его же. Северо-Восточный Кавказ во II—I тысячелетиях..., с. 52—53, 56; Смирнов К. Ф. Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки в 1948—1949 гг.—МИА, 1951, № 23, с. 243, 246; Котович В. Г. Новые археологические памятники Южного Дагестана. МАД, 1959, т. I, с. 136; Марковин В. И. Дагестан и горная Чечня в древности. М., 1969, с. 30—33.

¹² Исаков М. И. Талгинский могильник, с. 130; Пикуль М. И. Раскопки на Сулаке, с. 160—161.

¹³ Круглов А. П. Северо-Восточный Кавказ..., с. 56—57.

¹⁴ Исаков М. И. Талгинский могильник, с. 126 и сл.

женский же труп был помещен в центре камеры в аналогичной позе, коленями к ЮЗ, спиной к мужчине. Такое положение погребенных, в свою очередь, можно было бы сопоставить с обрядом некоторых захоронений Каякентского могильника, исследованных В. И. Долбежеевым¹⁵.

Важную роль в погребальном обряде Мискинбулакского могильника играл огонь. Почти во всех исследованных здесь каменных ящиках в обилии встречены древесные угольки нередко с золой. До сих пор обычай посыпки погребенных в каменных ящиках древесными угольками и золой был отмечен в Мамайкутанском¹⁶, Таркинском¹⁷ и некоторых других могильниках¹⁸ восточного ареала каякентско-хорочоевской культуры, а также в Кабартыкутанском могильнике¹⁹. Попутно хотелось бы отметить, что многократно засвидетельствованное на Мискинбулакском могильнике нахождение древесных угольков и золы не только на дне каменных ящиков, но и в заполнявшем их грунте, служит еще одним подтверждением правоты А. П. Круглова, полагавшего, в отличие от В. И. Долбежева, что эти погребальные сооружения преднамеренно засыпались землей²⁰.

Что же касается обнаруженных на Мискинбулакском могильнике кострищ, то единственной пока аналогией им являются две очажные ямы и кострище, выявленные на Хорочоевском могильнике. Однако в их костровых отложениях встречены обожженные кости животных и фрагменты керамики, справедливо истолкованные А. П. Кругловым как остатки тризны²¹. В кострищах же Мискинбулакского могильника подобные находки совершенно отсутствуют, и это, может быть, свидетельствует о несколько иной — только очистительной роли здесь ритуального огня.

Но как бы то ни было, все приведенные факты демонстрируют тяготение всех указанных черт погребального обряда нашего могильника к обряду упомянутых выше каякентско-хорочоевских и позднебронзовых могильников восточной части Дагестана.

Новой, до сих пор еще не встречавшейся чертой погребального

¹⁵ ОАК за 1898 г., с. 142—149.

¹⁶ Русов А. А. Отчет о летних и осенних работах в Южном Дагестане. Пятый археологический съезд. I. Тр. предварительных комитетов. М., 1882, с. 605—606. Котович В. Г. Новые археологические памятники..., с. 136—139.

¹⁷ Крупнов Е. И. Новый памятник..., с. 222; Смирнов К. Ф. Археологические исследования..., с. 246—257.

¹⁸ Каневец В. И. Миатли — новый памятник бронзового века в Северном Дагестане. МАД, 1959, т. I, с. 41; Марковин В. И. Дагестан и горная Чечня..., с. 39—40.

¹⁹ Пикуль М. И. Раскопки на Сулаке..., с. 163.

²⁰ Круглов А. П. Северо-Восточный Кавказ..., с. 58.

²¹ Там же, стр. 58—59.

обряда следует признать впервые зафиксированный на Мискинбулакском могильнике обычай культового захоронения вещей в специально сооруженных для этой цели каменных ящиках. Как уже отмечалось, последние (№№ 6—8, 10—13, 18—20) по устройству, размерам и ориентации ничем не отличались от малых каменных ящиков, содержащих остатки человеческих захоронений (№№ 3, 15, 16). В большинстве своем (№№ 6—8, 10—13, 18, 20) они не были ограблены, и тем не менее ни в одном из них не обнаружено ни малейших признаков нахождения человеческих костяков. Вместе с тем, в каждом из этих ящиков было найдено много древесных угольков и некоторое количество инвентаря, преимущественно металлических украшений (№№ 6, 11—13, 18, 20, в № 10 уложенные на дне камеры бронзовые украшения были специально прикрыты каменной плиткой, а в № 7 наряду с металлическими украшениями встречен и глиняный сосуд), изредка — глиняные сосуды и кости крупного и мелкого рогатого скота (№№ 8 и 19). Отсутствие аналогий данной особенности погребального обряда Мискинбулакского могильника затрудняет ее истолкование. Трудно допустить, что эти ящики служили кенотафами, поскольку количественно они составляют половину всех обнаруженных здесь погребальных сооружений. Очевидно вопрос об их назначении может решаться лишь по мере накопления новых фактических данных. Впрочем, отмеченная особенность, которую сейчас мы вправе расценить как сугубо локальную, ни в коей мере не может поколебать высказанных выше суждений о наличии довольно многочисленных черт сходства в погребальном обряде Мискинбулакского могильника и неоднократно упоминавшихся каякентско-хорочоевских и позднебронзовых могильников Дагестана.

О том же свидетельствует и имеющийся в нашем распоряжении погребальный инвентарь Мискинбулакского могильника. Он хотя и немногочислен, но достаточно выразителен, чтобы составить представление о возрасте данного памятника. Как явствует из приведенных выше описаний, он включает керамику и украшения.

Все найденные на Мискинбулакском могильнике сосуды изготовлены вручную из грубой глины, содержащей примеси в виде мелкотолченой дресвы, кварца и соломы. Обжиг слабый, черепок слоистый, темносерый и черный. В большинстве своем (рис. 4, 1, 3, 5, 6) это крупные широкоустные горшки баночной формы с широко вздутым туловом и непропорционально узким дном. Их наружные поверхности сплошь покрыты грубой обмазкой из жидкой глины за исключением узкой полосы под краем. Цвет наружных поверхностей светлосерый с желтоватыми и розоватыми разводами, внутренних — темносерый, почти черный. Два крупных горшка из каменных ящиков № 8 и № 17 (рис. 4, 5, 6) по особенностям оформления прямой закраины близки к подобным же сосудам (тип В по К. Ф. Смирнову, 6-й тип по В. И. Марковину)

из каякентско-хорочоевских погребений Таркинского могильника²². Баночные сосуды этого же типа известны также на Хорочоевском²³ и Талгинском²⁴ могильниках, а также на более поздних памятниках²⁵. Под закраиной обоих мискинбулакских горшков имеется по два сверленных круглых отверстия, вероятно предназначенных для закрепления веревочной ручки. Типологически близкий к ним горшочек из каменного ящика № 7 (рис. 4, 2) отличается не только своими небольшими размерами, но и отделкой наружной поверхности, которая не имеет грубой обмазки, а небрежно заглажена; цвет ее розовато-серый. Аналогичные горшочки обнаружены на Таркинском и Кабартыкутанском могильнике²⁶. По мнению некоторых исследователей, они появились в Дагестане в результате контактов со срубными племенами²⁷.

В отличие от баночных горшков, сосуд из каменного ящика № 3 имеет слегка отогнутый наружу венчик (рис. 4, 1), что сближает его с сосудами другого типа (тип Б по К. Ф. Смирнову, 3-й тип по В. И. Марковину), также распространенного в каякентско-хорочоевских и позднебронзовых могильниках Дагестана²⁸.

Совершенно необычной для данного круга памятников представляется находка глиняной миски из каменного ящика № 19 (рис. 4, 4) в форме усеченного и перевернутого конуса. Ее наружная поверхность обмазана жидкой глиной. Подобные миски получили довольно широкое распространение в дагестанских памятниках раннего этапа эпохи средней бронзы²⁹, однако ни в каякентско-хорочоевских, ни, тем более, в позднебронзовых могильниках они до сих пор не встречались. И мискинбулакская миска является, по-видимому, еще одной чертой локального своеобразия культуры данного памятника, указывающей на чрезвычайно длительное переживание здесь весьма древних традиций керамического производства.

²² Смирнов К. Ф. Археологические исследования..., с. 248, рис. 12, 8, 9.

²³ Круглов А. П. Северо-Восточный Кавказ., с. 62, рис. 32, 4.

²⁴ Исаков М. И. Талгинский могильник, с. 126—127, 131.

²⁵ Пиккуль М. И. Эпоха раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1967. с. 28, рис. 5, 23—26.

²⁶ Смирнов К. Ф. Археологические исследования..., рис. 12, 10; Пиккуль М. И. Раскопки на Сулаке..., с. 161, рис. 3, 1—3, 5.

²⁷ Котович В. Г. К определению исторического места..., с. 60.

²⁸ Смирнов К. Ф. Археологические исследования..., с. 248, рис. 10, 2, 6, рис. 12, 7; Круглов А. П. Северо-Восточный Кавказ., рис. 15, 7, рис. 32, 2, рис. 33, 1; Исаков М. И. Талгинский могильник, с. 131, рис. 54, 1; Марковин В. И. Дагестан и горная Чечня..., с. 54—55, рис. 23, 3—10.

²⁹ Котович В. Г. Археологические работы в горном Дагестане.—МАД, 1961, т. II, с. 36, рис. 21, 2; Котович В. М. Верхнегунибское поселение—памятник эпохи бронзы горного Дагестана. Махачкала, 1965. с. 173, рис. 59, 2; Гаджиев М. Г. Из истории культуры Дагестана в эпоху бронзы. Махачкала, 1969, с. 121—122, рис. 6, 9—10, рис. 8, 12, рис. 12, 19, рис. 15, 13, рис. 19, 14, рис. 21, 1, рис. 23, 13, рис. 33, 5, 7, 8.

Отмеченные особенности позволяют охарактеризовать керамический комплекс Мискинбулакского могильника как сугубо местный, несущий в себе все характерные технико-технологические признаки, присущие керамическим изделиям Северо-Восточного Кавказа на протяжении всего II тысячелетия до н. э. Вместе с тем, преобладание в нем баночных горшков при почти полном отсутствии других форм глиняных сосудов, распространенных в каякентско-хорочоевских могильниках, является такой особенностью, которая находит себе параллели только в керамических комплексах эпохи поздней бронзы (Талгинский и Кавбартыкутанский могильники)³⁰, что, в свою очередь, дает основание отнести и наш памятник к этой же эпохе.

Это заключение может быть подтверждено и наблюдениями над различными видами украшений, происходящих из Мискинбулакского могильника. Наиболее многочисленны среди них височные подвески, изготовленные из бронзового прута, изогнутого в полтора оборота. Некоторые из них, отличающиеся меньшими размерами, имеют как бы округлую форму (рис. 3, 22—29, 51), другие, более крупные — овальную (рис. 3, 31—38, 40, 48). Оба вида этих украшений довольно часто встречаются в дагестанских памятниках на протяжении II тысячелетия до н. э.³¹ Впервые засвидетельствовано на Мискинбулакском могильнике употребление подобных украшений целыми «связками» по 7 штук в каждой (рис. 3, 49, 52). Встречаются они и позднее, о чем свидетельствуют находки таких же «связок» височных подвесок на Мугерганском могильнике³².

Помимо этих, хорошо известных видов височных подвесок на Мискинбулакском могильнике обнаружен еще один, до сих пор не встречавшийся в Дагестане, тип височных украшений в виде округлого или подковообразного кольца с незамкнутыми концами, один из которых обычно слегка раскован (рис. 3, 41—47). Подобные украшения недавно встречены в несколько более позднее по времени могильнике у сел. Ахкинчу-Барзой в соседней Чечено-Ингушетии³³.

Довольно многочисленную категорию бронзовых украшений образуют бусы, как литые боченковидные (рис. 3, 5, 6, 9, 11, 14—16, 18),

³⁰ Котович В. Г. К определению исторического места..., с. 59—60.

³¹ Круглов А. П. Северо-Восточный Кавказ..., с. 68, рис. 25, 3, 4; Каневец В. И., Березанская С. С. Курганы бронзового века на Сулаке.—МАН, 1959, т. I, табл. I, 16, табл. IV, 3, 4; Каневец В. И. Миатли—новый памятник..., с. 44; Котович В. Г. Археологические работы..., рис. 18, 19—21; Котович В. М. Верхнегунисское поселение..., рис. 51, 5; Гаджиев М. Г. Из истории культуры..., с. 143—144, рис. 14, 20—24 и др.; Исаков М. И. Талгинский могильник, рис. 53, 4; Пикуль М. И. Раскопки на Сулаке..., рис. 2, 2.

³² Пикуль М. И. Мугерганский могильник.—МАН, 1973, т. III, рис. 4, 8.

³³ Дударев С. А. Раскопки могильника у сел. Ахкинчу-Барзой.—СА, 1976, № 1, с. 258, рис. 2, 8.

так и из свернутых металлических пластиночек (рис. 3, 7, 10). Такие украшения впервые появляются в кавказских памятниках еще в эпоху средней бронзы³⁴ и довольно широко бытуют вплоть до эпохи раннего железа³⁵, поэтому их трудно использовать для хронологических определений. Сказанное целиком относится и к найденным в Мискинбулакском могильнике бусам из камня (сердолик, халцедон, гагат) и пасты (рис. 3, 1, 2, 4, 8, 12, 13, 17) — довольно однообразным и маловыразительным.

Почти столь же мало дают для уточнения хронологии Мискинбулакского могильника найденные здесь бронзовая трубочка-накосник (рис. 3, 20) и каплевидная подвеска (рис. 3, 21). Как известно, пластинчатые наконечники цилиндрической и конической формы встречаются во II тысячелетии до н. э. в значительном ареале³⁶. Каплевидные подвески также встречаются в Дагестане и других областях Кавказа в памятниках эпохи средней³⁷ и поздней³⁸ бронзы.

Среди мискинбулакских браслетов наряду с традиционными (круглого сечения и пластинчатыми) древними типами (рис. 3, 54, 55) представлено также два особенно массивных экземпляра, изготовленных из толстого, круглого в сечении стержня с несколько суживающимися, как бы обрубленными концами (рис. 3, 53, 56). Как установлено, широкое распространение массивных браслетов, а также ножных колец и шейных гривен, началось на Кавказе в эпоху поздней бронзы. При этом многие исследователи склонны полагать, что подобные изделия поначалу имели более или менее определенный вес и обусловленную

³⁴ Деген Б. Е. Курганы в Кабардинском парке. — МИА, 1941, № 3, рис. 35, 9, рис. 36, 15, 18, рис. 39, 3, 4; Мунчаев Р. М., Смирнов К. Ф. Памятники эпохи бронзы в Дагестане. — СА, 1956, XXVI, с. 201, рис. 3а, 4, рис. 5, 4, 7, 17, 19; Техов Б. В. Центральный Кавказ в XVI—X вв. до н. э. М., 1977, с. 62.

³⁵ Исаков М. И. Талгинский могильник, 126, 130, 132, рис. 53, 7; Пиккуль М. И. Раскопки на Сулаке., с. 161, рис. 2, 5; Котович В. Г. Новые археологические памятники., с. 132, табл. VII, 1.

³⁶ Круглов А. П., Пиотровский Б. Б., Подгаецкий Г. В. Могильник в г. Нальчике. — МИА, 1941, № 3, табл. IV, 2; Круглов А. П. Северо-Восточный Кавказ., с. 66—68, рис. 25, 1, 5, рис. 28, 1, рис. 62, 1, 2; Асланов Г. М., Вандов Р. М., Ионе Г. И. Древний Мингечаур. Баку, 1959, табл. XVII, 22—24; Крупнов Е. И. Археологические работы в Кабарде и Грозненской области. — КСИИМК, 1950, XXXII, рис. 23, 7.

³⁷ Деген Б. Е. Курганы в Кабардинском парке, табл. XIV, 12; Смирнов К. Ф. Археологические исследования., рис. 12, 6; Техов Б. В. Поздне-бронзовая культура Лиахвского бассейна. Сталинир, 1957, с. 111; Марковин В. И. Курганы Константиновского плато у г. Пятигорска. — КСИА АН СССР, 1971, № 127, с. 39, рис. 13, 15, 23; Мизиев И. М., Бетров Р. Ж., Нагоев А. Х. Археологические раскопки 1972 г. в Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1973, рис. 19, 19.

³⁸ Исаков М. И. Талгинский могильник, с. 126, рис. 53, 5.

им определенную же меновую стоимость³⁹. В Дагестане массивные браслеты округлого или подтреугольного сечения были найдены в Талгинском⁴⁰, Кабартыкутанском⁴¹ и Манасском (погр. № 1, в кургане № 1)⁴² могильниках; внекомплексные находки еще двух подобных же браслетов были сделаны в дореволюционное время в окрестностях сел. Кафыр-Кумух⁴³.

Другим датирующим признаком следует, по нашему мнению, считать наличие в инвентаре Мискинбулакского могильника бронзовых блях различной величины с внутренней петлей для крепления. Одна из них, обнаруженная М. Абдуллаевым в каменном ящике № 4, отличается сравнительно крупной величиной (рис. 3, 50). Это крупный полусферический диск, украшенный по краю ажурным узором, образованным симметрично расположенными прорезями в виде вытянутых треугольников, обращенных вершинами к центру. Как известно, литые бронзовые изделия с ажурным орнаментом в виде разнообразных сочетаний треугольных прорезей широко распространились на Кавказе именно в эпоху поздней бронзы⁴⁴. На нашем памятнике обнаружен обломок еще одной крупной бляхи (рис. 3, 19) и множество мелких, как бы их уменьшенных копий, но с гладкими неорнаментированными поверхностями (рис. 3, 30, 39). Последние нередко называются также пуговицами. Установлено, что и крупные и мелкие литые бляшки с ушками на тыльной стороне получают широкое распространение на Кавказе с эпохи поздней бронзы. И это по-видимому не случайно, если принять во внимание, что они использовались в качестве принадлежностей одежды⁴⁵ и воинских доспехов⁴⁶, а также для украшения конской узда⁴⁷. В Да-

³⁹ Иессен А. А. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. — ИГАИМК, 1935, вып. 120, с. 157—159, 184.

⁴⁰ Исаков М. И. Талгинский могильник, рис. 53, 2.

⁴¹ Пикуль М. И. Раскопки на Сулаке., рис. 2, 1.

⁴² Марковин В. И. Дагестан и горная Чечня., рис. 28, 4.

⁴³ Там же, рис. 28, 2, 3.

⁴⁴ Пиотровский Б. Б. Археология Закавказья. Л., 1949, с. 84; Мартиросян А. А. Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1964, с. 84, 86; Асланов Г. М., Ваидов Р. М., Ионе Г. И. Древний Мингечаур, с. 78; Пиххелаури К. Н. Локализация археологических культур на территории Восточной Грузии. — Тр. КАЗ, 1, Тбилиси, 1969, с. 192.

⁴⁵ Асланов Г. М., Ваидов Р. М., Ионе Г. И. Древний Мингечаур, с. 152, рис. 109; Техов Б. В. Центральный Кавказ., с. 177.

⁴⁶ Мнацаканян А. О. О раскопках могильников у села Головинно. КС ИИМК, 1952, XLVI, с. 68—69, рис. 17, 18; Есаян С. А. Оружие и военное дело древней Армении. Ереван, 1966, с. 100; Черненко Е. В. Скифский доспех. Киев, 1968, с. 124—126.

⁴⁷ Асланов Г. М., Ваидов Р. М., Ионе Г. И. Древний Мингечаур, с. 97; Тереножкин А. И. Киммерийцы. Киев, 1976, с. 157—159.

гестане находки подобных блях также впервые зафиксированы в памятниках эпохи поздней бронзы ⁴⁸.

Подводя итоги нашему анализу, можно заключить, что по особенностям погребального обряда Мискинбулакского могильника и найденной в нем керамики и металлического инвентаря, в котором совершенно отсутствуют какие бы то ни были признаки железа, этот памятник может быть отнесен к эпохе бронзы. Что же касается его более узкой датировки, то при ее определении решающая роль должна быть отведена, по нашему мнению, отмеченным выше особенностям керамического комплекса (преобладание баночных сосудов), а также наличию среди металлического инвентаря таких сравнительно поздних изделий, как массивные браслеты и литые бляхи с внутренней петлей. Именно эти особенности, находящие себе множество параллелей среди поздне-бронзовых памятников Кавказа, в том числе Талгинского и Кабартыкутанского могильников в Дагестане, позволяют поставить Мискинбулакский могильник в один ряд с ними и датировать, в рамках существующей ныне хронологии, последней четвертью II тысячелетия до н. э.

В заключение хотелось бы остановиться еще на одной чрезвычайно интересной детали. Благодаря тому, что раскопками была охвачена вся территория Мискинбулакского могильника, удалось установить точное количество располагавшихся на могильном поле погребальных сооружений, как относительно сохранных, так и разрушенных. Столь же достоверно и другое — из 20 находившихся здесь каменных ящиков не более половины использовалось для человеческих захоронений. Следовательно, даже учитывая возможность парных захоронений во всех пяти больших каменных ящиках, можно уверенно полагать, что на Мискинбулакском могильнике было погребено не более 15 человек взрослых и детей. Очевидно, этот памятник принадлежал какой-то малой социальной ячейке, скорее всего — членам одной большой патриархальной семьи. Подобного рода факт фиксируется в Дагестане впервые. Исследованные здесь ранее древние могильники обычно содержали значительно большее количество погребальных сооружений и, соответственно, — самих погребенных, общая численность которых вероятно определялась числом членов, входивших в состав семейно-родовых общин. В свою очередь, такие общины состояли из нескольких больших патриархальных семей, каждая из которых имела на общинном могильнике либо «свою» коллективную усыпальницу (склеп) ⁴⁹, либо — позднее — «свой» участок его территории, где группировались захоронения ее чле-

⁴⁸ Пиккуль М. И. Раскопки на Сулаке..., с. 161.

⁴⁹ Гаджиев М. Г. О погребальном обряде племен Горного Дагестана в бронзовом веке. — Уч. зап. ИИАЛ, т. XIII, серия историч., 1964, с. 251—253; его же. Из истории культуры..., с. 164—167.

нов⁵⁰. Появление нового вида могильников, оставленных уже не всей общиной, а только одной большой патриархальной семьей, по-видимому сигнализирует о каких-то дальнейших изменениях в социальном устройстве местного общества.

2. КУЛЬТОВОЕ МЕСТО

Как отмечалось в начале статьи, раскопки Мискинбулакского могильника сопровождались поисками одновременного ему поселения, к сожалению, не давшими результатов. Но в одном случае разведочный шурф прорезал костровые отложения. Развернутым здесь затем раскопом № 3 была вскрыта небольшая площадка с костровыми напластованиями, которую можно рассматривать как остатки древнего культового места. Оно располагалось примерно в 150 м к С от могильника на краю отдельно стоящей возвышенности, которая как бы господствует над ближайшей округой (рис. 1).

Для устройства площадки (разм. 3,1—2,7 м) был выбран участок скального обнажения, выложенный затем каменными плитами и засыпанный землей. Примерно посередине площадки находилось кострище неправильно овальной формы (разм. 1,5×1,0 м), ориентированное по направлению С—Ю (рис. 5, 4). Костровые отложения толщиной 2—3 см состояли из прокаленной земли, обильно насыщенной золой и углем. Вдоль западного края стояли три небольших глиняных сосуда. Это — мисочка красновато-коричневого цвета с уплощенно-округлым дном и прямым, суживающимся кверху бортиком (рис. 5, 1). Обе поверхности тщательно заглажены, обжиг слабый, черепок в изломе темный, глиняная масса однородная, без заметных примесей. Другой — одноручный красноглиняный сосудик с уплощенно-шаровидным туловом, невысоким, расширяющимся наружу горлом, ручка плоская, ленточная (рис. 5, 2); поверхности его тщательно заглажены, обжиг равномерный, достаточный, черепок в изломе красный, тесто без заметных примесей. По форме близок к описанному третий сосудик, отличающийся однако миниатюрными размерами и наличием двух «псевдоручек», расположенных в верхней части тулова у горла и имеющих вид небольших налепов со сквозными вертикальными проколами (рис. 5, 3), поверхности красноватые, тщательно заглаженные, черепок плотный, в изломе серый, тесто однородное без заметных примесей.

При сравнении трех описанных сосудиков с керамикой могильника не может остаться незамеченным полное отсутствие какого бы то ни

⁵⁰ Круглов А. П. Северо-Восточный Кавказ..., с. 85.

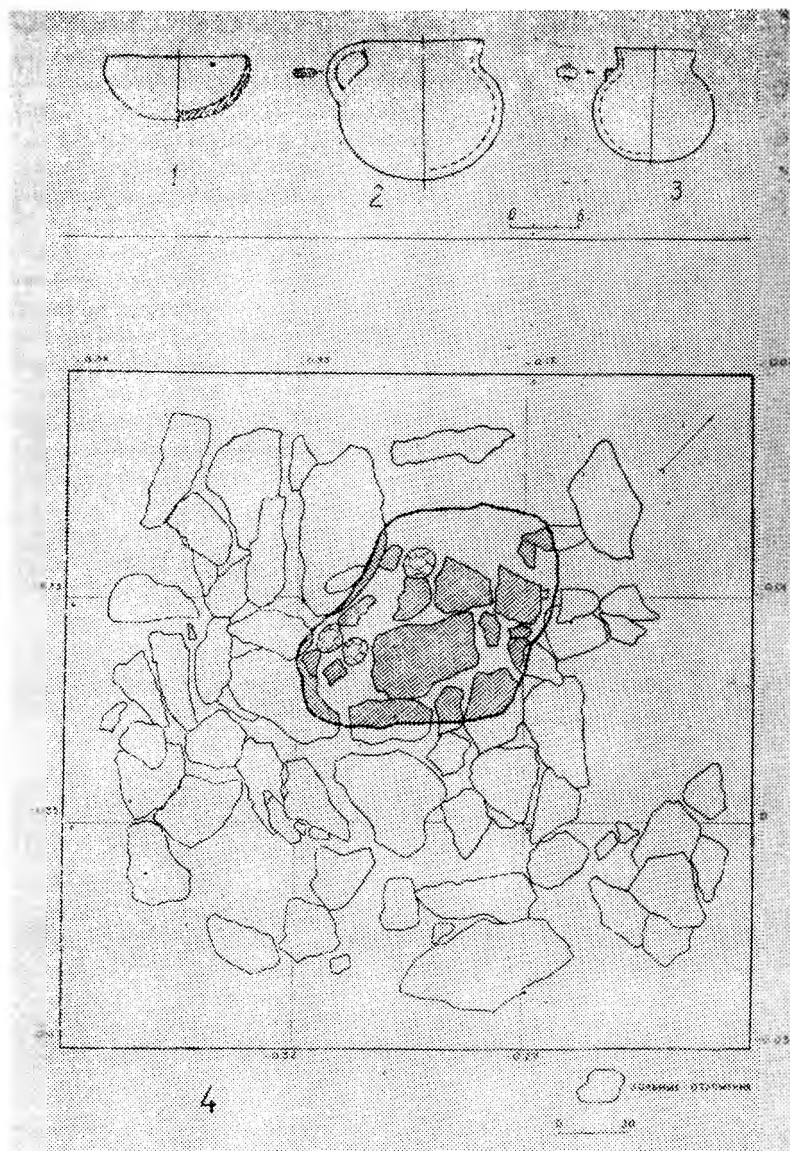

Рис. 5. Материалы раскопок культового места:
1—3 — керамика, 4 — план раскопа культового места.

было сходства между ними. Резкие различия проявляются во всем: в составе глины, качестве обжига, в цвете и обработке поверхностей, наконец, в самой форме. Данное обстоятельство, очевидно, свидетельствует о одновременности могильника и культового места. Последнее, судя по находкам круглодонной керамики, нам представляется более древним. Как известно, круглодонная керамика получила распространение в Дагестане и на Северном Кавказе в эпоху ранней и средней бронзы. Правда, черно- и сероошпленные, богато орнаментированные круглодонные чашечки и кубки из третьего и второго слоев Верхнегуньбского поселения и Гинчинского могильника⁵¹ также невозможно сопоставить с сосудиками из урочища Мискин-булак. Более определенное, хотя тоже не абсолютное сходство они обнаруживают с некоторыми сосудами из памятников майкопской культуры Северного Кавказа⁵² и Ирганайских склепов в Дагестане⁵³. Однако всего этого явно недостаточно для более конкретных суждений о хронологии и культурной принадлежности древнего культового места в урочище Мискин-булак.

Приложение

КОМПЛЕКС НАХОДОК ИЗ СЕЛ. ИНЧЕ

В связи с подробной публикацией позднбронзовых материалов Мискинбулакского могильника представляется важным ввести в научный оборот столь же интересный и яркий комплекс одновременных находок, происходящий из окрестностей сел. Инче Казбековского района. Здесь при строительных работах было разрушено несколько каменных ящиков с древними захоронениями, а часть обнаруженных при этом материалов (бронзовые изделия и обломок сосуда) поступила в Институт ИЯЛ⁵⁴.

Среди бронзовых изделий 2 литые бусины (рис. 6, 1), небольшая полусферическая бляшка (рис. 6, 2), обломок крупной каплевидной под-

⁵¹ Котович В. М. Верхнегуньбское поселение, с. 149, 171; Гаджиев М. Г. Из истории культуры..., с. 126.

⁵² Мунчаев Р. М. Кавказ на заре бронзового века. М., 1975, рис. 39, 1—8, рис. 40, 1—7; рис. 44, 1—6; рис. 45, 1—3, 7—9, рис. 46, 1—7, рис. 58, 2, 3.

⁵³ Погребова М. Н. Ирганайский склеп эпохи бронзы. — МАД, 1961, г. II, с. III—III, рис. 6, 1, 2.

⁵⁴ Пользуюсь случаем выразить свою признательность научным сотрудникам ИЯЛ Д. М. Магомедову и М. Г. Гаджиеву, сообщившим мне приведенные здесь сведения об условиях находки данного комплекса и давших любезное согласие на его публикацию.

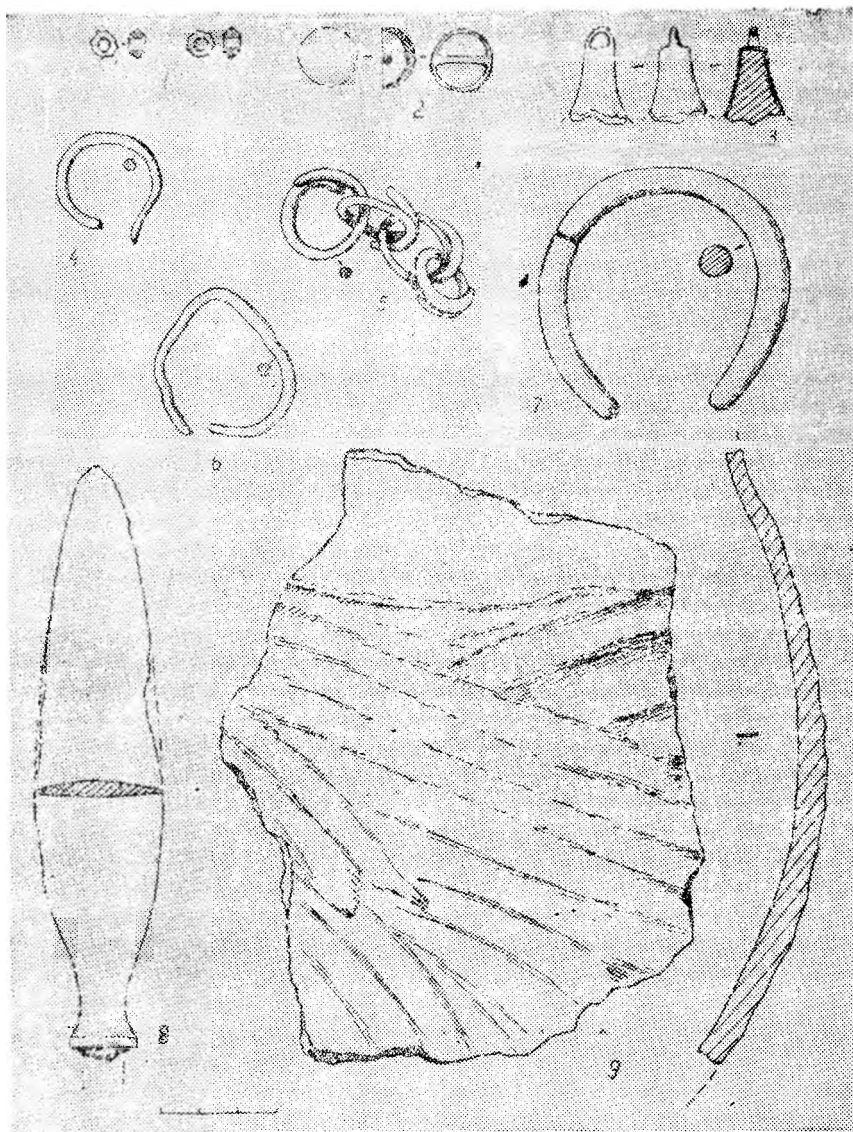

Рис. 6. Комплекс находок из сел. Иличье
 1 — бусы, 2 — полусферическая пуговица, 3 — каплевидная подвеска, 4—6 — височные подвески и кольца, 7 — браслет, 8 — наконечник копья, 9 — фрагмент сосуда (1—8 — бронза, 9 — глина).

вески (рис. 6, 3), кольцо с несомкнутыми концами, один из которых раскован (рис. 6, 4), височные подвески в полтора оборота — целая (рис. 6, 6), 2 — в обломках и «связка» из 4 таких колец (рис. 6, 5), массивный браслет из толстого стержня круглого сечения (рис. 6, 7). Все они совершенно аналогичны соответствующим украшениям Мискинбулакского могильника. То же самое следует отметить и в отношении обломка глиняного сосуда (рис. 6, 9), который по приемам изготовления и размерам весьма близок крупным горшкам из Мискинбулакского могильника.

Особняком стоит среди этих находок обломок черешкового наконечника копья «месопотамского» типа с остатками четырехгранного насада (рис. 6, 8). Как известно, подобные наконечники бытовали на Кавказе и в Дагестане не позднее III тысячелетия до н. э.⁵⁵ Очевидно не мог быть исключением и экземпляр, найденный в Инчхе. Поэтому представляется одинаково вероятным либо видеть в нем пример вторичного использования древнейшего оружия в эпоху поздней бронзы, либо считать, что он действительно происходит из располагавшегося здесь же какого-то комплекса раннебронзовой эпохи, также разрушенного строительными работами.

Но как бы то ни было эта находка не может повлиять на датировку всех других найденных здесь и рассмотренных выше предметов мискинбулакского облика эпохой поздней бронзы. Находка целого комплекса таких предметов в предгорьях Казбековского района существенно расширяет ареал подобных памятников позднебронзовой культуры в Дагестане и дает основания предполагать, что такого рода памятники со временем могут быть выявлены и в соседних районах Чечено-Ингушетии.

⁵⁵ Кушнарeva К. Х., Чубинишвили Т. Н. Древние культуры Южного Кавказа. Л., 1970, с. 124—125; рис. 42, 1—7; История Дагестана. Т. I, М., 1967, с. 64.

В. И. КОЗЕНКОВА

ВОСТОЧНЫЙ ВАРИАНТ КОБАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В СВЕТЕ ПОСЛЕДНИХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ¹

Первые находки предметов раннего железного века на Северо-Восточном Кавказе в конце XIX века не пережили атмосферы сенсации, как это случилось с поразительными кобанскими бронзами Центрального Кавказа. Тем не менее, вскоре после их выявления некоторые исследователи отметили определенное сходство этих оригинальных поделок с типичными изделиями древних мастеров Северной Осетии. Именно с предметами из аулов Кобан, Камунта, Галиат сравнивал В. Ф. Миллер материалы из ичкеринских «дольменов» (как тогда называли каменные гробницы в Чечне), раскопанных Н. Семеновым в 1887 году близ аулов Курен-беной, Хатуни, Гордали, Аллерой в междуречье Аксая и Хулхулау², а также находки из Аргунского ущелья (Шарой, Воздвиженская). Родственность погребальных комплексов, выявленных по реке Шарой в верховьях Аргуна и близ аула Пседахе, с кобанскими отмечал В. И. Долбежев³. Эти первые попытки интерпретации известных в ту пору материалов можно считать началом формирования представлений о памятниках восточной окраины кобанской культуры.

Долгие годы малочисленность подобных находок не позволяла исследователям расширить и углубить знания о характере проникновения кобанских элементов на восток, выявить возможные причины такой их удаленности от первоначального очага.

¹ Переработанный текст доклада, прочитанного в марте 1975 г. на V Крупновских чтениях. См.: Козенкова В. И. Проблема восточного варианта кобанской культуры в свете последних археологических изысканий. — В кн.: Пятые крупновские чтения по археологии Кавказа. Махачкала, 1975, с. 37—38.

² Миллер В. Ф. Терская область. Археологические экскурсии. МАК, 1888, т. I, с. 101.

³ ОАК за 1898 г. СПб., 1901, с. 157—162; ИРАО, 1884, т. X, с. 475.

Первые стационарные раскопки на территории Северо-Восточного Кавказа, проведенные в конце 30-х гг. А. П. Кругловым, М. И. Артамоновым, Е. И. Крупновым в Ассинском ущелье (Алхасте, Нестеровская)⁴, близ Гудермеса (Исти-Су)⁵ и в ущелье реки Хулхулау (Харачой)⁶, выявили такое множество оттенков своеобразия в древней местной материальной культуре, что на первых порах они вызвали в среде исследователей значительные разногласия в определении характера новых объектов. А. П. Круглов, внимание которого было приковано к только что открытой им каякентско-хорчоевской культуре, отнес памятники типа Исти-Су к позднему этапу этой культуры. По его мнению, ареал собственно кобанской культуры простирался на восток лишь до границы Северной Осетии и Кабарды с Ингушетией, т. е. примерно до бассейна реки Ассы⁷. Справедливости ради отметим, что А. П. Круглову были видны уязвимые стороны его построений. Недостаток исходных данных, а также отсутствие достаточно ясно выраженной генетической связи между ранней и поздней, в его понимании, группами каякентско-хорчоевской культуры, заставляло его быть крайне осторожным в формулировках. Осторожность эта оказалась не напрасной. Проведенный О. А. Артамоновой-Полтавцевой детальный анализ материалов из комплексов Исти-Су, Урус-Мартана, Воздвиженской показал, что культура этих памятников — явление сложное и не может быть определена однозначно, только привлечением материалов каякентско-хорчоевской культуры. В отличие от А. П. Круглова, О. А. Артамонова-Полтавцева видела необходимость рассмотрения всех этих материалов с привлечением и центрально-кавказских докобанских памятников типа Заглибарзонд⁸. По ее мнению, эти материалы, наряду с материалами каякентско-хорчоевской культуры, в равной, если не в большей степени могут служить источником, освещающим происхождение особой, совершенно самостоятельной культуры северо-восточных предгорий Кавказа в скифское время⁹. Нам представляется, что этот вывод отразился и на взглядах А. А. Иессена, высказавшего предположение о наличии в предгорьях Северо-Восточного Кавказа особой культурной группы и в предскифское время¹⁰. Предположение это, однако, не получило в дальней-

⁴ Крупнов Е. И. Археологические памятники Ассинского ущелья. — Тр. ГИМ, 1941, вып. XII, с. 157.

⁵ Артамонова-Полтавцева О. А. Культура Северо-Восточного Кавказа в скифский период. — СА, 1958, XIV.

⁶ Круглов А. П. Северо-Восточный Кавказ во II—I тысячелетиях до н. э. — МИА, 1958, № 68, с. 100—139.

⁷ Там же, с. 94.

⁸ Артамонова-Полтавцева О. А. Ук. соч., с. 64—66.

⁹ Там же, с. 100.

¹⁰ Иессен А. А. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века. — МИА, 1951, № 23, с. 124.

шем детальной разработки. Как ни парадоксально, но наиболее ценная часть концепции О. А. Артамоновой-Полтавцевой обернулась ее слабой стороной. Выдвинутая на передний план мысль о подчеркнуто особом характере памятников типа Исти-Су смазала, затушевала, отодвинула назад позитивный итог предшествующих более чем 50-летних исследований,— первоначальное представление о них как о памятниках кобанского облика.

Наиболее полный и всесторонний анализ материалов из памятников Терско-Сунженского бассейна нашел отражение в трудах Е. И. Крупнова, посвятившего археологическому изучению Северо-Восточного Кавказа более трех десятилетий¹¹. Ему по праву принадлежит приоритет во всесторонней разработке проблемы восточного варианта кобанской культуры, как научной концепции, в развитии которой можно, как нам представляется, различать два этапа.

Первый этап — работы 30—40-х гг., когда еще отсутствует само название «восточный вариант», но характер данного явления, судя по опубликованным высказываниям, для него все более прояснялся:

«В восточном направлении от Осетии,— отмечал Е. И. Крупнов,—... элементы кобанской культуры обнаружены в могильных комплексах даже в предгорных районах восточной половины Северного Кавказа... На всей, столь широко очерченной территории мы встречаемся и с некоторыми особенностями..., отличающими комплексы одного района от комплексов другого, но они могут быть объяснены и как хронологические различия, и как местные локальные особенности одного круга памятников»¹².

Второй этап — исследования 50—60 гг., когда окончательно сложилась концепция Е. П. Крупнова о восточном варианте кобанской культуры¹³.

Предельно ясно она изложена в одной из его последних работ. Отметив, что еще с довоенных раскопок А. П. Круглова на Хорочевском могильнике... «укрепилось мнение о бытовании в это время на территории Чечено-Ингушетии только каякентско-хорочевской культуры», Е. И. Крупнов особо подчеркнул, что «преимущественно в западных районах республики (в Ингушетии) еще раньше нами были открыты и исследованы могильники и поселения кобанской культуры, но позд-

¹¹ Чернецов А. В. Список печатных работ Е. И. Крупнова.—В сб.: Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973, с. 8—18.

¹² Крупнов Е. И. К вопросу о хронологии кобанской культуры.—Уч. зап. КНИИ, 1946, т. I, с. 144—145.

¹³ Крупнов Е. И. Первые итоги археологического изучения Восточного Предкавказья. — СА, 1957, № 2, с. 161—162; его же. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, с. 78—79, 150—165; 240—249; его же. Об уточненной датировке и периодизации кобанской культуры. — СА, 1969, № 1, с. 15 сл.

него этапа ее развития. Раскопками двух Сержень-Юртовских поселений, а позднее и Бамутского поселения со всей очевидностью доказано существование в равнинной и предгорной Чечне раннего этапа этой прославленной культуры... Они впервые позволили отказаться от «осетинской черты оседлости кобанцев» и выделить здесь особый восточный или вайнахский локальный вариант кобанской культуры. Этим сказано новое слово в изучении кобанских древностей»¹⁴.

Было бы неправильным думать, что подобная определенность и завершенность взглядов Е. И. Крупнова на восточную группу памятников кобанской культуры может вступить в противоречие с новыми фактами. Характер этих новых источников таков, что при всех особенностях они находят свое место в рамках его концепции и не дают повода менять точку зрения на существо вопроса. Нам кажется, поэтому, что нет серьезных причин для корректирования общепринятых взглядов, разделяемых многими исследователями, которые параллельно или под непосредственным руководством Е. И. Крупнова изучали эту же проблему. Одни направляли свои усилия на уточнение и детализацию особенностей восточного варианта. Таковы исследования материалов скифского периода, проведенные Р. М. Мунчаевым, впервые выделившим ряд специфически восточнокобанских предметов на территории Чечено-Ингушетии¹⁵. С 1963 г. совместно с Е. И. Крупновым мною выяснялись характерные признаки восточного варианта раннего доскифского периода. По мере раскопок Сержень-Юртовского поселения, а с 1965 г. и могильника уточнялась хронология ранних памятников восточной группы. Эта работа была в основном завершена к началу 1969 г.¹⁶

Другие исследователи обратились к наименее разработанным Е. И. Крупновым аспектам проблемы — к вопросам происхождения и ареала восточного варианта кобанской культуры. Именно этот усиленный интерес к локализации и генезису вышеозначенной культурной группы определил новые направления в исследовании эпохи раннего железа на Северо-Восточном Кавказе за последнее пятилетие.

В настоящее время высказывается несколько разных точек зрения по всем этим вопросам. Одни близки между собой, другие — отличаются

¹⁴ Крупнов Е. И. Десять лет деятельности Северо-Кавказской археологической экспедиции в Чечено-Ингушской АССР. — АЭС, Грозный, 1969, т. III, с. 13.

¹⁵ Мунчаев Р. М. Археологические раскопки в Ассинском ущелье в 1956 г. — ИЧИКМ, Грозный, 1961, вып. 10, с. 80—91.

¹⁶ Козенкова В. И., Крупнов Е. И. Исследование Сержень-Юртовского поселения в 1962—КСИА АН СССР, 1964, № 98, с. 79—80; их же. Исследование Сержень-Юртовского поселения (по раскопкам 1964 г.) — КСИА АН СССР, 1966, № 106, с. 81—87; Козенкова В. И. Антропоморфные статуэтки из Сержень-Юрта. — КСИА АН СССР, 1966, № 108, с. 74; Козенкова В. И. Кобанская культура на территории Чечено-Ингушетии. Автореф. канд. дис. М., 1969.

оригинальностью. Так уже в 1965—1966 гг. В. И. Марковин начал очерчивать западные границы каякентско-хорочоевской культуры¹⁷, что в свою очередь определило его позицию по вопросу о восточной и южной границах кобанской культуры. Позднее он дал более развернутую аргументацию этих положений¹⁸.

В 1973 г. М. П. Абрамова на основе изучения новых памятников раннескифского времени Центрального Предкавказья высказывалась за пересмотр границы между восточным и центральным вариантами кобанской культуры. В отличие от Е. И. Крупнова, она включает группу памятников в районе Моздока в центральный вариант¹⁹.

Можно отметить также положительный вклад в решение вопроса о границах и локальном членении кобанской культуры, внесенный работами И. М. Чеченова, А. Р. Магомедова, В. М. Батчаева. Особенно обстоятельно он освещен И. М. Чеченовым. На созданной им карте локальных вариантов кобанской культуры²⁰, восточная группа памятников занимает более обширную территорию, чем у Е. И. Крупнова. Но и отдельные положения И. М. Чеченова, касающиеся восточного варианта, уязвимы для критики (об отсутствии памятников кобанского типа в высокогорных районах; беглость характеристики памятников смешанной зоны на ее восточной окраине, отсутствие детальной сравнительной характеристики вещевого материала, неоправданно большое внимание формам погребальных сооружений). Отмеченные им фактические несоответствия в карте Е. И. Крупнова, объясняемые малым количеством источников, которыми располагал последний, справедливы и их необходимо учитывать в новых построениях.

Таким образом, авторы всех вышеприведенных точек зрения, хотя и вносили определенные коррективы в карту локальных вариантов Е. И. Крупнова, но не высказывались за ее замену по существу, признавая, что в целом «каждая локальная группа памятников выделена в принципе правильно»²¹ (разрядка наша — В. К.).

Параллельно с ними в кавказоведческой литературе появились и иные точки зрения, обнаруживающие более глубокие и существенные несовпадения с традиционной концепцией. К ним следует отнести, на наш взгляд, научные построения и карту локальных вариантов кобан-

¹⁷ Марковин В. И. Материалы по археологии горной части восточной Чечни. — АЭС. Грозный, 1966, т. 1, с. 123—124.

¹⁸ Марковин В. И. Дагестан и горная Чечня в древности. М., 1969, с. 77—88.

¹⁹ Абрамова М. П. Погребения скифского времени Центрального Предкавказья. — СА, 1974, № 2, с. 211.

²⁰ Чеченов И. М. К вопросу о локальных вариантах кобанской культуры. — АЭС, Нальчик, 1974, вып. 1, с. 14—51.

²¹ Там же, с. 15.

ской культуры, предложенные В. Б. Виноградовым²². Что касается восточного варианта, то, по существу, в том виде, как представлял его Е. И. Крупнов, он вообще не имеет места у В. Б. Виноградова. Намеченный Е. И. Крупновым ареал разделен В. Б. Виноградовым не только между разными вариантами кобанской культуры (горным и плоскостным — восточная группа), но и между двумя совершенно разными культурами: кобанской и каякентско-хорочоевской (ичкеринский вариант) позднего этапа их развития.

Еще дальше идет О. М. Давудов, включающий большинство памятников междуречья Аксая-Хулхулау в ареал особой, самостоятельной зандакской культуры, существовавшей здесь с рубежа II—I тысячелетий до н. э. и до конца скифского периода²³.

Но наиболее расходится с концепцией Е. И. Крупнова точка зрения Б. В. Техова, по мнению которого территория Чечено-Ингушетии, куда проникали отдельные элементы из Кобанского и других ущелий, не была охвачена кобанской культурой²⁴.

Возникает естественный вопрос: в чем же причина такой множественности точек зрения, где истоки разногласий в оценке одних и тех же материалов Северо-Восточного Кавказа первой половины I тысячелетия до н. э.? Думается, что нынешнюю ситуацию недостаточно объяснить только сложным характером самих памятников, усугубляемым территориальными и хронологическими пробелами в наших знаниях об этой эпохе. Очевидно, следует учитывать также неоднозначное толкование этих материалов разными исследователями. Думается, что именно в разной степени глубины анализа материалов следует искать истоки расхождений во взглядах исследователей по поводу ареала и характерных специфических особенностей восточного варианта кобанской культуры.

Действительно, если мы обратимся к схематической таблице восточного материала восточного варианта кобанской культуры, то в части, характеризующей ранний период конца II—начала I тысячелетий до н. э. (рис. 1, I А-Г), обнаружим, что там ясно представлены компоненты не только двух культур — классической горнокобанской Центрального Кавказа (рис. 1, II А и I Б) и каякентско-хорочоевской Дагестана (рис. 1, III А и IV А), — на стыке которых шло формирование восточного варианта, но и компоненты самых разных культур: закавказской —

²² Подробный разбор концепции В. Б. Виноградова см. нашу рецензию на книгу «Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время», — СА, 1974, № 2, с. 280—290.

²³ Давудов О. М. Культуры Дагестана эпохи раннего железа. Махачкала, 1974, с. 135.

²⁴ Техов Б. В. Центральный Кавказ в XVI—X вв. до н. э. Автореф. докт. дис. Тбилиси, 1974, с. 49.

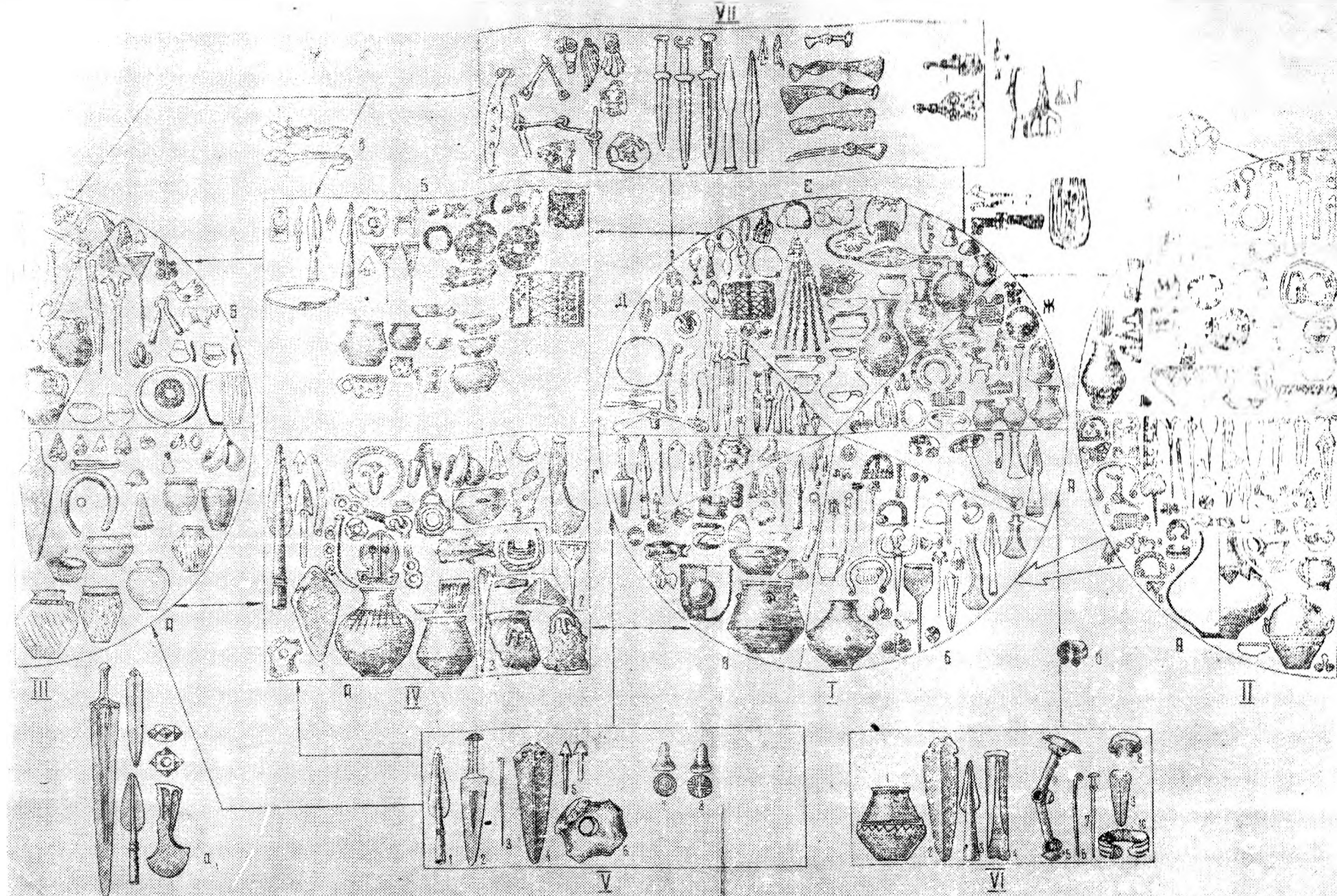

Рис. 1. Схема соотношения вещевого комплекса в культурах Центрального и Северо-Восточного Кавказа (конец II тыс. — IV в. до н. э.).

I — восточный вариант кобанской культуры (А — Г — материалы конца II — нач. I тыс. до н. э.; Д — Ж — материалы VII — IV вв. до н. э.; Б, Ж — центрально-кобанские элементы; В, Е — специфически восточно-кобанские элементы; Г — элементы закавказских культур; А — элементы карпато-дунайских культур; Д — скифо-сарматские элементы); II — центральный вариант кобанской культуры (А — материалы конца II — начала I тыс. до н. э.; Б — материалы VII — IV вв. до н. э.); III — Культуры Дагестана эпохи бронзы — раннего железного века (А — материалы каякентско-хорочоевской культуры конца II — начала I тыс. до н. э.; Б — материалы культуры VII — IV вв. до н. э.); IV — Смешанная зона междуречья Аксая-Хулхулау на Северо-Востоном Кавказе (А — материалы конца II — начала I тыс. до н. э.; Б — материалы VII — IV вв. до н. э.); V — материалы сивкавказских культур второй половины II тыс. — рубежа II — I тыс. до н. э.; VI — материалы Средней Европы и Карпато-Дунайского бассейна второй половины II тыс. — рубежа II — I тыс. до н. э.; VII — элементы культуры скифо-сарматского круга.

восточно-грузинской (сравнить рис. 1, I Г и V), степной-срубной и даже далеких культур Карпато-Дунайского бассейна (сравнить рис. 1, I А и VI). Многие из этих компонентов в изучаемой группе памятников начала I тысячелетия до н. э. выглядят уже как реликты (пластинчатые ребристые браслеты, кинжалы, наконечники копий, роговые навершия булав, пинтадеры, булавки с закрученными в трубочку навершиями и т. д.), поскольку форма их близка подобным образцам конца II тысячелетия до н. э., известным в культурах предполагаемой метрополии на Кавказе и в Западной Европе. Они—как бы слепки овеществленного времени, показывающие, с каким именно хронологическим отрезком можно связать их появление на Кавказе. Мы не можем полностью раскрыть механизм феномена локальной консервации типов материальной культуры, но он на Северном Кавказе зафиксирован многими исследователями²⁵.

Сходные явления наблюдаются и в скифский период. Только преобладание получают скифо-сарматские элементы (рис. 1, I Д и VII).

Эти разновременные компоненты, в свою очередь, уживаются с элементами более ранней подосновы, восходящей к эпохе бронзы, сосуществуя с ними в органическом единстве (элементы типа Гинчи, Гатын-кале, Первомайского). Если же вспомнить и специфику каждого отдельного памятника изучаемого региона, особенности которых накладываясь друг на друга, создают целостную картину понятия «вариант», то станет ясно, что разночтения в оценке характера источников неизбежны.

Пути преодоления разногласий лежат в детальном и глубоком анализе каждого комплекса и отдельного памятника, в более строгом подходе к оценке возможностей каждого отдельного источника. Поэтому не все удовлетворяет в некоторых из вышеприведенных точек зрения относительно восточного варианта, хотя рациональная сторона присутствует почти в каждой. Положительным представляется стремление исследователей критически подойти к устоявшимся взглядам на те или иные стороны проблемы, но подобный пересмотр предполагает глубокий анализ всех имеющихся данных без выпячивания какого-либо одного признака. Например, в общих чертах мне представляется правильной обрисованная В. И. Марковиным граница между каякентско-хорочоевской и кобанской культурами²⁶. Справедливо и его утверждение о существовании пограничной зоны смешанных памятников в междуречье Аксая-Хулхулау (рис. 1, IV). Однако, едва ли можно согласиться с отнесением им к каякентско-хорочоевской культуре памят-

²⁵ Батчаев В. М. К вопросу о генезисе зооморфных узоров в карачаево-балкарском орнаменте. — АЭС, Нальчик, 1974, вып. 1, с. 52—66.

²⁶ Марковин В. И. Дагестан и горная Чечня., с. 77.

ников этой зоны, включая поселение (зольник) у сел. Курчалой и Зандакский могильник²⁷, культура которых вряд ли может быть определена однозначно.

Представляется более правильным, не вдаваясь в детальные оценки культуры смешанной зоны, попытаться сосредоточить внимание на исчерпывающем анализе каждого памятника из этого района в отдельности. По имеющимся комплексам уже сейчас достаточно ясно вырисовывается количественное соотношение элементов, позволяющих связывать памятники и отдельные комплексы этой зоны либо с кобанской, либо с каякентско-хорочоевской культурой, а памятники с элементами обеих культур — Курчалоевское поселение (с зольником) и Зандакский могильник наиболее выразительно отражают динамику событий в этом районе и, как нам представляется, документируют проникновение в восточные земли.

Так, например, в Курчалоевском зольнике в почти равном соотношении представлена керамика с обмазкой и гладкостенная. Еще более показательны материалы Зандакского могильника: в 22 погребениях преобладают кобанские черты в инвентаре. При этом в некоторых каменных ящиках разрушенные первичные захоронения оказались перекрыты более поздними захоронениями с новыми элементами в погребальном ритуале и новым вещевым комплексом. Особенно наглядны в этом отношении парные захоронения №№ 38, 51 и др., где мужчина-воин погребен по обычаю и в костюме, до мелочей совпадающем с обрядом Серженьюртовского могильника (восточный вариант кобанской культуры), а в костюме сопровождающих их женских захоронений сочетаются восточно-кобанские и хорочоевские элементы.

Керамика этих погребений также распадается на две группы: гладкостенные сосуды с геометрическим орнаментом (рис. 1, IV А), чрезвычайно близкие сосудам из Бамутского (рис. 1, I Б) и Змейского (рис. 1, II А) поселений и Каменноостского могильника (кобанская культура), сосуды с грубой обмазкой (хорочоевская традиция). В этом отношении показательны данные по керамике всего Зандакского могильника в целом: сосуды обнаружены в 44 погребениях из 62, из них керамика с обмазкой присутствует в 22 погребениях, а в остальных — сосуды только гладкостенные, чернолощенные с геометрическим нарезным орнаментом. При этом в 5 погребениях из 22 встречается только посуда с обмазкой, а в остальных 17 комплексах она сочеталась с гладкостенной керамикой.

В связи с вышесказанным, нас не может удовлетворять концепция О. М. Давудова относительно существования зандакской культуры²⁸.

²⁷ Там же, с. 79.

²⁸ Давудов О. М. Культуры Дагестана., с. 32—40.

Выделение в пограничной зоне и далее на восток такой культуры, по нашему мнению, выглядит искусственно без привлечения более западных памятников, которые, однако, принадлежат восточному варианту кобанской культуры. Живое, многократно повторяющееся сходство в чертах погребального обряда, в формах керамики и металла (не только орудий труда, оружия, но и украшений) предполагает здесь весьма сложное историческое явление.

Связь памятников в смешанной зоне междуречья Аксая-Хулхулау достаточно ощутима и позднее (ср. рис. 1, IV Б—I Е Ж—II Б—III Б), а потому определенное мнение В. Б. Виноградова о существовании здесь в середине и второй половине I тысячелетия до н. э. ичкеринского варианта каякентско-хорочоевской культуры²⁹ представляется аргументированным далеко не безупречно. Так, из приведенных исследователем девяти признаков погребального обряда (тип могилы, надгробные сооружения, планировка могил, ориентация и поза погребенных, количество захоронений в одной могиле, заупокойная пища и очистительный ритуал)³⁰, в действительности лишь четыре (массивные каменные ящики-гробницы, надгробные каменные стелы, южная ориентировка и обычай захоронения в позе сидя) можно отнести к погребальным традициям только каякентско-хорочоевской культуры. При этом не следует забывать, что по крайней мере 1/3 погребений в этом районе была совершена в нехарактерных для нее грунтовых могилах. Остальные признаки: расположение могил рядами, поза погребенных на боку (женщин на левом, а мужчин на правом), коллективные захоронения, кромлехи, находки угольков и костей животных в могилах,— известны и в погребальном обряде кобанской культуры, а потому не могут быть связаны только с каякентско-хорочоевской культурой.

Еще более показателен погребальный инвентарь памятников смешанной зоны. В могилах преобладают гладкостенные лощенные сосуды, характерные для кобанской культуры; лишь традиционные сосуды с обмазкой могут быть сопоставлены с хорочоевскими. Не могут считаться только хорочоевскими и такие особенности последних как баночная форма сосудов и налепной щипковый орнамент на них. В настоящее время достаточно материалов, свидетельствующих о распространении баночной формы посуды по всему Северному Кавказу. Правда, в смешанной зоне баночная форма более распространена по сравнению с другими формами керамики. Здесь же наблюдаются и некоторые особенности в декоре: поверхности горшков, найденных у с. Ножай-Юрт, украшались налепами в виде выпуклых комочков глины. Но не исклю-

²⁹ Виноградов В. Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный, 1972, с. 283.

³⁰ Там же, с. 266—271.

чено, что это такой же узко локальный признак, как и двувальные бляхи из бронзы в памятниках Ассинского ущелья.

Среди типов бронзовых украшений лишь ограниченное число может считаться хороочевскими (овальные височные кольца, узкие и круглые в сечении браслеты). Подавляющее же большинство их обладает выразительными кобанскими чертами³¹ (очковидные подвески, птицеобразные бляхи, ажурные умбоновидные пряжки и бляхи, фибулы, серьги с очковидными привесками, булавки с треугольными навершиями, гривны, бронзовые крестовидные пуговицы и т. д.).

Таким образом, даже краткий обзор материалов, интерпретируемых как поздние каякентско-хорочевские, в действительности показывает присущий этой группе симбиоз разнородных элементов, включающих и кобанские. Поэтому вряд ли будет правильной их однозначная интерпретация.

Широкий диапазон мнений о сущности и характере восточного варианта, от частичной ревизии некоторых взглядов Е. И. Крупнова до негативного отношения к введенному им в научный оборот понятию «восточный вариант», не может, тем не менее, служить препятствием для дальнейшей разработки этой проблемы в традиционном русле старой концепции, поскольку это русло, по глубокому моему убеждению, еще не исчерпало себя до конца. Одним из таких путей является сопоставление групп материалов по гидрогеографическому признаку.

Основанием для него может служить общая для раннего и позднего периодов особенность культуры восточного варианта, заключающаяся в том, что каждый отдельно взятый памятник отличается некоторыми специфическими локальными чертами, конкретно проявляющимися в своеобразии украшений, типов орудий труда (пряслиц, пинтадер и оружия), а также форм сосудов и элементов декора на них. Сравнение вещевого комплекса из памятников изучаемой группы показало, что самую большую близость, особенно в керамике, зачастую обнаруживают памятники не одной географической зоны (гор, предгорий или равнины), а памятники, находящиеся в бассейне одной реки или в междуречье двух рек. Таковы группы памятников Ассинского ущелья, где левобережные тяготеют к центральнокобанским, а правобережные — к памятникам бассейна Аргуна. При этом памятники междуречья Ассы и Аргуны (Бамутское поселение X—VIII вв. до н. э. и погребения VI—V вв. на Урусмартанском могильнике у сел. Алхазурово, Старые Атаги, Лермонтов-Юрт и т. д.) близки по деталям культуры Луговому и Нестеровскому могильникам с одной стороны, а с другой сопоставимы с находками из Шароя и Воздвиженской.

Памятники бассейна реки Хулхулау (у сел. Шали, Ца-ведено, Ве-

³¹ Там же, с. 271—280.

лено, Хорочай) имеют некоторые черты сходства в инвентаре с памятниками Аргунского ущелья, а с другой — тяготеют к памятникам бассейна Аксая. Например, Серженьюртовский могильник содержит ряд палеоэтнографических данных, находящихся аналогии в Зандакском могильнике.

Чрезвычайно близки локальные украшения из памятников в междуречье Хулхулау-Акса, близ селений Куренбеной, Цонторой, Аллерой, Майр-туп, Курчалой, Бачи-Юрт, Ахкинчу-борзой. Керамический комплекс из могильника у сел. Исти-су находит ближайшие параллели и среди посуды Серженьюртовского поселения и в керамике Аллероевского могильника.

Таким образом, в свете имеющихся данных, система «горы-плоскость» предстает в этнокультурном отношении как постоянно и единовременно функционирующий и взаимодействующий организм, где памятники горной и предгорной зоны теснейшим образом связаны друг с другом. Понимание этого отчетливо прозвучало еще на заре изучения восточного варианта кобанской культуры, в характеристике, данной Е. И. Крупновым, Ассинскому ущелью.

«Ассинское ущелье,— писал он,— является древнейшим путем общения и связи населения горных областей и равнины. Самый вход в ущелье представляет пункт, имеющий определенное стратегическое значение. Кто владел входом в ущелье, тот был хозяином района»³² — (разрядка наша — В. К.).

Мы рассмотрели лишь наиболее дискуссионные стороны проблемы восточного варианта кобанской культуры на нынешнем этапе его изучения. Они могут быть разрешены только дальнейшим уточнением и картографированием различных признаков культуры. Источниковедческая база для этого достаточна. Пожеланием скорейшего развертывания таких исследований мы и закончим эту статью.

³² Крупнов Е. И. Археологические памятники Ассинского ущелья, с. 159.

В. Г. КОТОВИЧ

О ПРОИСХОЖДЕНИИ «КАБАРДИНО-ПЯТИГОРСКИХ» ИЛИ «КИММЕРИЙСКИХ» БИМЕТАЛЛИЧЕСКИХ КИНЖАЛОВ И МЕЧЕЙ¹

Происхождение биметаллических кинжалов и мечей, получивших широкое распространение в предскифском периоде на Северном Кавказе, в степях Северного Причерноморья, на Средней Волге и в Центральной Европе, вот уже более 25 лет привлекает внимание специалистов. Не останавливаясь на историографии этого вопроса, напомним лишь, что к настоящему времени наметилось два разных подхода к его решению.

Немногочисленные поначалу находки подобного оружия из Центрального Предкавказья были еще в 1950 г. выделены Е. И. Крупновым в «сугубо местный» тип, названный «кабардино-пятигорским»². Позднее ареал находок биметаллических кинжалов на Северном Кавказе заметно расширился, что позволило Н. В. Анфимову внести коррективы в первоначальные оценки и считать этот вид предскифского оружия северокавказским³. Мнение о северокавказском происхождении биметаллических кинжалов высказывали также А. А. Иессен⁴, П. Л. Члс-

¹ Переработанный текст доклада, прочитанного 26 марта 1976 г. на VI Крупновских чтениях. См.: Котович В. Г. О кавказском происхождении биметаллических кинжалов и мечей. — В кн. Археология Северного Кавказа. VI Крупновские чтения в Краснодаре (тезисы докладов). М., 1976. с. 27—28.

² Крупнов Е. И. Археологические исследования в Кабардинской АССР в 1948 г. — Уч. зап. КНИИ, т. V. Нальчик, 1950, с. 263.

³ Анфимов Н. В. Кинжалы кабардино-пятигорского типа из Прикубанья. — В сб.: Новое в советской археологии. М., 1965, с. 196—198.

⁴ Иессен А. А. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР. — СА, 1953, XVIII, с. 75.

ва⁵, В. Подборский⁶. В последнее время над доказательством кавказского происхождения подобного оружия плодотворно работает В. И. Козенкова⁷.

С иных позиций подходит к решению данного вопроса А. И. Тереножкин, настаивающий на том, что биметаллические кинжалы и мечи первоначально возникли в степях Северного Причерноморья, в киммерийской среде, и широко распространились затем оттуда в другие области Европы и на Северный Кавказ⁸. К этому мнению в основном присоединился и В. Б. Виноградов, правда, оговоривший возможность местного изготовления такого оружия на Кавказе по степным образцам, а также существование некоторых сугубо местных (кобанских) разновидностей биметаллических кинжалов⁹.

В последние годы обсуждение этого вопроса заметно оживилось, особенно после того, как А. И. Тереножкин положил тезис о киммерийском происхождении подобного оружия в основу концепции о якобы имевшем место отставании Северного Кавказа от степных соседей в освоении черной металлургии и кузнечного ремесла, распространение которых он ставит в связь с влиянием киммерийцев¹⁰. Данное обстоятельство ярко рисует ту роль, которую неожиданно приобрел этот вопрос для освещения одного из важнейших аспектов исторического

⁵ Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967, с. 20; ее же. О связях Северо-Западного Причерноморья и Нижнего Дуная с востоком в киммерийскую эпоху. — В сб.: Фрако-скифские культурные связи. София, 1975, с. 80.

⁶ Podborský V. Stramberská dyka s krizovým jílcom a otázka rozšírení. — AR, XIX—1967, Praha, S. 219—220.

⁷ Козенкова В. И. К вопросу о ранней дате некоторых кинжалов так называемого кабардино-пятигорского типа. — В сб.: Фрако-скифские культурные связи. София, 1975, с. 91—101; ее же. Связи Северного Кавказа с Карпато-Дунайским миром. — В сб.: Скифский мир. Киев, 1975, с. 65—67; ее же. Вопросы хронологии восточного варианта кобанской культуры в свете новых раскопок в Чечено-Ингушетии. — В сб.: Древние памятники Северо-Восточного Кавказа. Махачкала, 1977, с. 81—82.

⁸ Тереножкин А. И. Культура предскифского времени в Среднем Поднепровье. — ВССА., М., 1954, с. 104—105; его же. Предскифский период на Днепровском правобережье. Киев, 1961, с. 201; его же. Киммерийские мечи и кинжалы. — В сб.: Скифский мир. Киев, 1975, с. 19—20.

⁹ Виноградов В. Б. Кинжалы с «крестовидной рукоятью» на Северном Кавказе. — В кн.: Тезисы докладов и сообщений III Крупновских чтений. Грозный, 1973, с. 10—11.

¹⁰ Тереножкин А. И. Киммерийцы и Кавказ. — В кн.: Всесоюзная научная сессия, посвященная итогам полевых — археологических и этнографических исследований в 1970 г. Тезисы докл. Тбилиси, 1971, с. 38; его же. К истории изучения предскифского периода. — В сб.: Скифские древности. Киев, 1973, с. 18; его же. Киммерийские мечи., с. 23, 31.

развития населения обширных регионов юга нашей страны, и обуславливает необходимость его всестороннего освещения. Начнем с рассмотрения аргументов киммерийского происхождения биметаллических кинжалов и мечей.

А. И. Тереножкиным недавно опубликована схема их эволюции, в которой выделены 4 последовательные фазы. На первой представлены только образцы карасукского оружия, найденные недавно в южнорусских степях и явившиеся, по его мнению, прототипами для всех биметаллических кинжалов и мечей. По трем остальным фазам распределены все известные образцы подобного оружия из Юго-Восточной Европы и Кавказа¹¹. Но это сделано без четкой характеристики тех типологических и хронологических признаков, которые положены в основу рассматриваемой классификации, вследствие чего она в целом требует, по нашему мнению, дополнительной аргументации.

Но наибольшие возражения вызывает стремление А. И. Тереножкина вывести биметаллические кинжалы и мечи от карасукских прототипов¹². Несостоятельность такого подхода уже давно была показана Н. Л. Членовой, отметившей принципиальную разницу между биметаллическими, т. е. двухэлементными образцами подобного оружия, у которых рукояти и клинки изготавливались отдельно из разных или одинаковых материалов, а затем соединялись воедино, и цельнолитыми одноэлементными кинжалами и мечами карасукского типа¹³. В этой связи нельзя не вспомнить, что в самой Южной Сибири данный тип оружия так и не смог развиваться в биметаллическое¹⁴. Более того, как это убедительно показано Н. Л. Членовой, и карасукские и сменявшие их тагарские кинжалы подражали западным образцам. Но древние южносибирские оружейники не повторяли в своих изделиях приемы изготовления заимствованных типов оружия, а воспроизводили их в своей традиционной технике — в литье, вследствие чего двухэлементное по исходным формам оружие становилось одноэлементным. Как известно, цельнолитые, т. е. одноэлементные мечи и кинжалы предскиф-

¹¹ Тереножкин А. И. Киммерийские мечи..., с. 3—26, рис. 18.

¹² Этот взгляд был впервые сформулирован еще в 1961 г. см.: Тереножкин А. И. Предскифский период..., с. 201, затем развит в других работах: его же. Бронзовые кинжалы предскифского времени. — В сб.: Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973, с. 123—125; его же. Киммерийские мечи..., с. 6—8, 19—20.

¹³ Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история..., с. 18—20.

¹⁴ Не могут повлиять на подобную оценку немногочисленные внекомплексные находки биметаллических и железных кинжалов в Южной Сибири, к тому же относящиеся к более позднему времени — к концу тагарской эпохи. См.: Членова Н. Л. Ук. соч., с. 21—22.

ских, а затем скифских типов были распространены в Южной Сибири почти на всем протяжении I тысячелетия до н. э.¹⁵

Помимо того Н. Л. Членовой удалось проследить развитие северокавказских биметаллических кинжалов от ближневосточных образцов составного двухэлементного оружия и в общих чертах обрисовать картину его распространения с Северного Кавказа в Восточную Европу. Это ярко отражено в разработанной ею схеме развития подобного оружия, в целом весьма верной и плодотворной¹⁶. Убедительно показано в ней, что развитие одноэлементных карасукских кинжалов являлось боковой, тупиковой ветвью эволюции двухэлементного оружия. Уязвимым звеном данной схемы, по нашему мнению, является то обстоятельство, что в ней почти совершенно не учтены закавказские материалы. Между тем они свидетельствуют о первом появлении здесь составных двухэлементных кинжалов еще в III тысячелетии до н. э.¹⁷ и о широком бытовании подобных кинжалов и мечей со второй половины II тысячелетия до н. э. Как показывает химический анализ, рукояти и клинки подобного оружия нередко изготавливались из различных сплавов бронзы¹⁸, затем они соединялись воедино посредством термических и механических приемов. Примечательно и то, что эфесы закавказских кинжалов и мечей нередко имели трубчатые рукояти, прямое перекрестие, правда, без выступающих концов, и полусферическое или — что то же — грибовидное навершие, обычно украшенное прорезным ажурным орнаментом¹⁹.

И по-видимому не случайно, именно в Закавказье, точнее — в Восточной Грузии, были сделаны первые опыты по замене бронзового лезвия у такого оружия железным. Ярким примером этого может служить датированная концом XIV—XIII вв. до н. э. находка обломка кинжала с бронзовой рукоятью из Бешташенского могильника, которую

¹⁵ Членова Н. Л. Ук. соч., с. 14—25; ее же. Тагарские кинжалы. М., 1976. с. 7. 10 сл.

¹⁶ Членова Н. Л. О связях Северо-Западного Причерноморья..., с. 80—81, рис. IV.

¹⁷ Джапаридзе О. М. К истории грузинских племен на ранней стадии медно-бронзовой культуры. Тбилиси, 1961, рис. 32, 1, 2.

¹⁸ Кашкай М. А., Селимханов И. Р. Из истории древней металлургии Кавказа. Баку, 1973, табл. 22, 17—18, 33—36, 77—78, 82—85, 99—111, 115—116, 119—120, 128—132, табл. 23, 16—17, 46—47, табл. 25, 19—20, табл. 26, 9—10, табл. 27, 15—21, 33—34.

¹⁹ См., напр.: Пиотровский Б. Б. Археология Закавказья. Л., 1949, табл. 7; Аслапов Г. М., Вандов Р. М., Ионе Г. И. Древний Мингечаур. Баку, 1959, табл. XIII, 6; Хачатрян Т. С. Древняя культура Ширика. Ереван, 1975, рис. 86; Ломтатидзе Г. А. Бронзовые кинжалы и мечи из древнейших погребений Самтаврского могильника. Тбилиси, 1974, табл. X, 2, табл. XI, 2, 3, табл. XIII, 2, табл. XIV, 2, 3.

следует считать одним из древнейших образцов не только стального²⁰, но и биметаллического оружия. Несколько позднее, с рубежа II—I тысячелетий до н. э. биметаллические кинжалы разных типов довольно широко распространяются в Закавказье²¹. По-видимому отсюда они впервые проникают и на Северный Кавказ, где уже в VIII в. до н. э. биметаллическое оружие представлено по крайней мере 11 разновидностями, почти каждая из которых имеет на Кавказе (иногда — Северном) свои бронзовые двухэлементные прототипы. Это также не было учтено Н. Л. Членовой, которая в своей схеме сводит все многообразие разновидностей биметаллических кинжалов к одному прототипу²².

Отмеченные обстоятельства учтены в предлагаемой нами схеме, где рассматриваются только образцы биметаллического оружия, обычно привлекаемые при рассмотрении вопроса о происхождении «киммерийских» кинжалов и мечей. В ее основу положены принципы их классификации, разработанные В. Подборским, Н. Л. Членовой, В. И. Козенковой и лишь несколько дополненные и измененные с учетом закавказских данных.

По морфологическим особенностям рукоятей рассматриваемые кинжалы и мечи подразделены на 5 типов. К первым четырем соответственно отнесены кинжалы с гладкими, рамочными, рифлеными и кольчато-орнаментированными рукоятями с грибовидными навершиями. Несколько обособленно от них стоит пятый тип, характеризующийся круглыми, иногда рифлеными рукоятями, брусковидным навершием и подтреугольным или бабочковидным перекрестием.

Особое внимание привлекает развитие кинжалов первого типа — гладкорукотных с прямым перекрестием, являвшихся, по мнению А. И. Тереножкина, главным предкифским оружием, киммерийским по происхождению²³. Н. Л. Членова, напротив, выводит их от кавказских

²⁰ Абрамишвили Р. М. К вопросу об освоении железа на территории Восточной Грузии. — ВГМГ, 1961, XXII—В, табл. I, 1.

²¹ См., напр.: Куфтин Б. А. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941, с. 58, 64, рис. 54, 55, 59, 60; Абрамишвили Р. М. Ук. соч., табл. VII, 2, табл. IX, 1, табл. XI, 2, табл. XII, 2, 1—3, табл. XIII, 23, табл. XIV, 1—4; Мартиросян А. А. Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1964, с. 214—215, 225, рис. 80, 83, 86; Даниелян О. А. Железные мечи с бронзовыми рукоятями из грунтовых погребений Мингечаура. — В сб.: Археологические исследования в Азербайджане. Баку, 1965, с. 99—113; Погребова М. Н. Восточнокавказские кинжалы эпохи поздней бронзы. — АС Тр. ГИМ, 1966, вып. 40, с. 56; Пицхелаури К. Н. Локализация археологических культур на территории Восточной Грузии. — Тр. КАЭ, I, Тбилиси, 1969, с. 192—195; Техов Б. В. Тлийский могильник и проблема хронологии культуры поздней бронзы—раннего железа Центрального Кавказа. — СА, 1972, № 3, рис. 2, 185, 225, 232; Кашкай М. А., Селимханов И. Р. Ук. соч., рис. 15, 30, 147, рис. 16, 10.

²² Членова Н. Л. О связях Северо-Западного Причерноморья., рис. IV, 3.

²³ Тереножкин А. И. К истории изучения., с. 18.

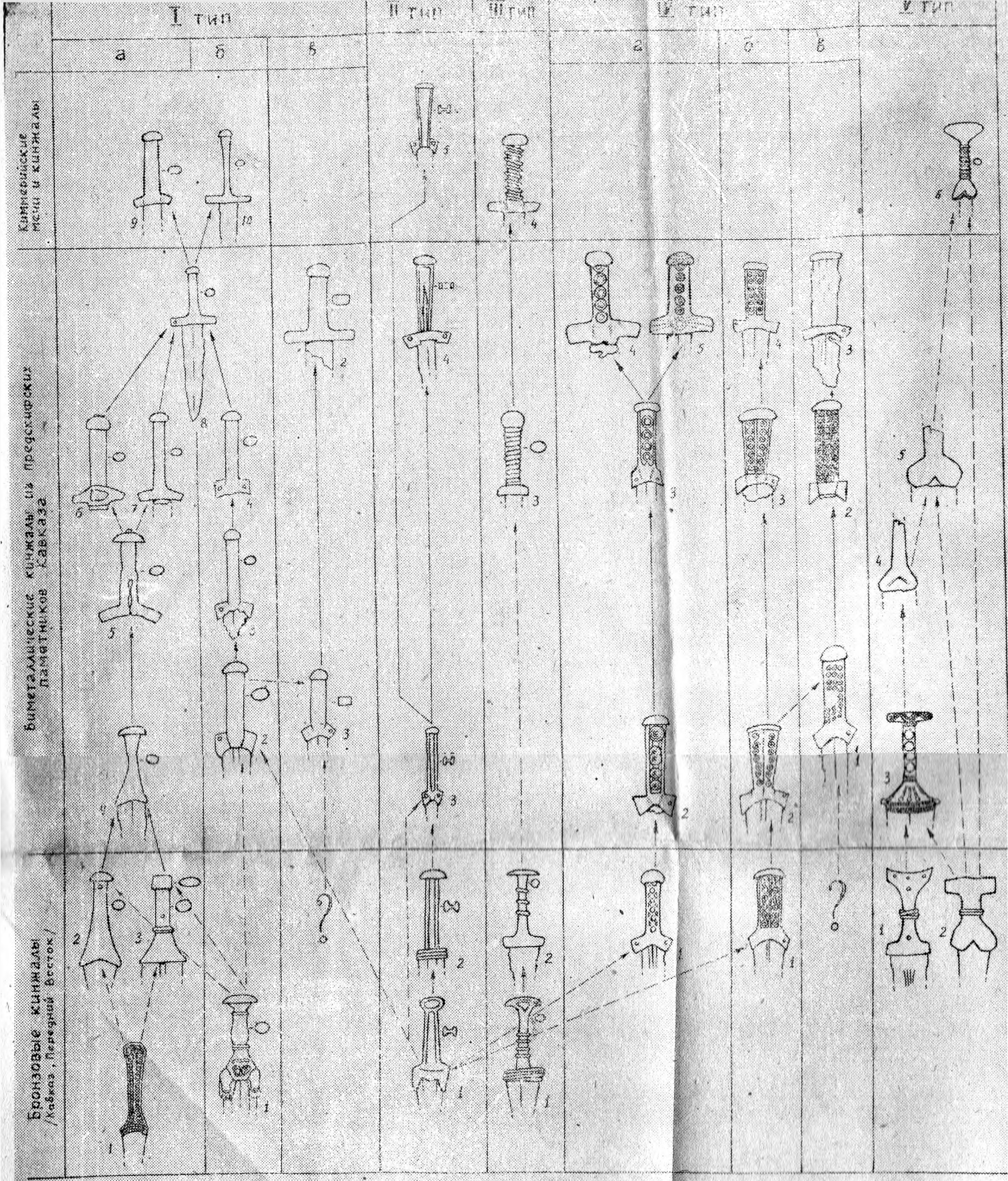

Рис. 1. Схема развития кавказских и киммерийских биметаллических кинжалов и мечей (по изменениям рукоятей).

Тип. Ia — 1—Царцис—Гора, 2—Кобань, 3—Тли, 4—Самтавро, 5—Мугерган, 6—Николаевская, 7—Бакал, 8—Серженъюрт, 9—Киевский исторический музей, 10—Головятино (1—по О. М. Джанашидзе, 2—по П. С. Уваровой, 3—по Б. В. Техову, 4—по Р. М. Абрамшвили, 5—по М. И. Пикуну, 6—по Н. В. Афанасову, 7—8—по В. И. Козенковой, 9, 10—по А. И. Тереножкину). Тип. Ib—1—Лурдистан, 2—Кисловодск, мебельная фабрика, 3—Кескен, 4—Каменноостокское (1—по К. Шефферу, 2—по В. Б. Виноградову, 3—по Е. И. Крупнову, 4—по В. И. Козенковой). Тип. Ic—1—Каменноостокское, 2—Кисловодск, мебельная фабрика (1—по А. А. Иессену, 2—по В. Б. Виноградову). Тип. II—1—Хиверн, Талыш, 2—Камо, 3—Кисловодск, мебельная фабрика, 4—Кисловодск, Березовка, 5—Высокая Могила (1—по Ж. де Моргану, 2—по С. А. Есаяну, 3, 4—по Е. И. Крупнову, 5—по А. И. Тереножкину). Тип. III—1—Хиверн, Талыш, 2—Книшкелере, 3—Эчкиваши, 4—Субботово (1—по К. Шефферу, 2—по М. А. Кашаю и И. Р. Селимханову, 3—по В. Б. Виноградову, 4—по А. И. Тереножкину). Тип. IVa—1—Серженъюрт, 2—Змейская, 3—5—Кисловодск, мебельная фабрика, 4—Кисловодск, Кольцо—гора (1—3—по В. И. Козенковой, 4—по Е. И. Крупнову, 5—по В. Б. Виноградову). Тип. IVb—1—Кисловодск, мебельная фабрика, 2—Абдзехская, 3—Благодарное, 4—Серженъюрт (1—по В. Б. Виноградову, 2, 3—по Н. В. Афанасову, 4—по В. И. Козенковой). Тип. IVv—1—Кисловодск, Березовка, 2—Кубанский, 3—Каменноостокское (1—по В. И. Козенковой, 2—по Н. В. Афанасову, 3—по А. А. Иессену). Тип. V—1—Тли, 2—Кобань, 3—Куг, 4, 5—Фаскау, 6—Софиевка (1—по Б. В. Техову, 2—по П. С. Уваровой, 3—по О. М. Давудову, 4, 5—по Е. И. Крупнову, 6—по А. И. Тереножкину).

прототипов, подобных известному бронзовому кинжалу из Кобани (рис. 1, 1а, 2)²⁴, с чем нельзя не согласиться, правда, оговорив возможность расширения круга исходных форм за счет типологически близких образцов, таких, например, как бронзовый кинжал из погр. № 16 (XI в. до н. э.) в Тлийском могильнике (рис. 1, 1а, 3)²⁵.

Но эти кинжалы показаны в схеме Н. Л. Членовой лишь в качестве боковой ветви, не получившей своего дальнейшего развития в биметаллическом оружии Кавказа, которое в ней непосредственно выводится от микенского кинжала²⁶. Между тем, последний и хронологически и территориально выпадает из материалов, использованных при составлении рассматриваемой схемы, и это побуждает нас отказаться от того, чтобы видеть в нем исходный образец для развития кавказских и степных биметаллических кинжалов, и искать таковой главным образом среди местных кавказских форм.

С учетом сказанного линия развития гладкорукоятных кинжалов типа 1а может быть намечена следующим образом: после бронзового кинжала из Кобани следует поставить, по нашему мнению, хронологически и территориально близкий ему биметаллический кинжал из погребения № 327 (рубеж II—I тысячелетий до н. э.) в Самтавро. Его рукоять с уплощенно-грибовидным навершием и слабо выраженными «шипами» по краям плавно оконтуренного рикассо весьма близка по форме рукояти кинжала из Кобани, однако лезвие его изготовлено уже из железа или стали (рис. 1, 1а, 4)²⁷.

О следующем этапе развития кинжалов этого типа можно судить по бронзовой рукояти из Мугерганского могильника, найденной в погр. № 1 (IX—VIII вв. до н. э.) раскопа 1961 г. (рис. 1, 1а, 5)²⁸. У нее округлый в сечении полый ствол, четко моделированные «шипы» со слегка опущенными концами, вследствие чего образованное ими перекрестие еще сохраняет плавно изогнутые очертания предшествующих образцов. От железного клинка сохранилась лишь верхняя часть, плотно обжатая с обеих сторон пластинами перекрестия, а также стержень, пропущенный через ствол рукояти с навершием и заклепанный сверху. Форма навершия овально-грибовидная, несколько вытянутая, со слегка приост-

²⁴ Членова Н. Л. Ук. соч., рис. IV, 2. Аналогичный кинжал, найденный вблизи г. Туапсе в комплексе с бронзовым втульчатым наконечником копья, был продемонстрирован М. Д. Тешевым на VI Крупновских чтениях в г. Краснодаре. По оценкам специалистов, эти находки могут быть датированы концом II тысячелетия до н. э.

²⁵ Техов Б. В. Очерки древней истории и археологии Юго-Осетии. Тбилиси, 1971, с. 153—154, 156, рис. 56, 1.

²⁶ Членова Н. Л. Ук. соч., рис. IV, 2, 3.

²⁷ Абрамишвили Р. М. Ук. соч., с. 378—379, табл. IX. 1.

²⁸ Пиккуль М. И. Мугерганский могильник. МАД, 1973, т. III, с. 37, 46, рис. 9.

ренными концами, что придает ему отдаленное сходство с серповидно оформленными навершиями некоторых талышских кинжалов конца II тысячелетия до н. э.²⁹

И самтаврская и мугерганская находки, характеризующие ранние этапы развития гладкорукояточных биметаллических кинжалов с перекрестием, и хронологически и территориально находятся вне сферы влияния киммерийцев, охватывавшей, по утверждению А. И. Тереножкина, «исключительно лишь племена кобанской и протомеотской культур Северного Кавказа»³⁰, а потому их следует признать местными кавказскими формами.

Заключительные этапы их развития характеризуются, по нашему мнению, небольшими изменениями в деталях эфеса: концы «шипов» приподнимаются, образуя сначала ровные вниз и слегка покаты сверху крылья перекрестия, как на экземплярах из Николаевского могильника (рис. 1, Ia, 6)³¹ и с Баксана (рис. 1, Ia, 7)³², а затем — прямое перекрестие, как у серженьюртовского кинжала (рис. 1, Ia, 8)³³.

Таковым представляется один из возможных путей развития гладкорукояточных кинжалов с прямым перекрестием. В том же направлении развивалась, по нашему мнению, другая разновидность подобных кинжалов с перекрестиями в виде приостренных книзу лопастей, которые, в свою очередь, могут быть возведены к так называемым «вильчатым» перекрестиям, широко распространенным в Передней Азии и Закавказье в конце II — начале I тысячелетий до н. э. Последние отличались тем, что их приостренные (рис. 1, II, 1)³⁴, иногда художественно выполненные (рис. 1, Ib, 1)³⁵ концы немного опускались вниз, плавно охватывая верхние края лезвий клинков и тем самым обеспечивая их надежное соединение с рукоятками.

На северокавказских биметаллических кинжалах приостренные нижние концы лопастевидных перекрестий также первоначально охватывали с обеих сторон верхние края клинков, как, например, на экземпляре с мебельной фабрики в Кисловодске (рис. 1, Ib, 2)³⁶. В дальнейшем они постепенно выступают по обе стороны лезвия, образуя сначала

²⁹ Morgan J. La Préhistoire Orientale. III, Paris, 1927, fig. 198, 2.

³⁰ Тереножкин А. И. Киммерийцы и Кавказ, с. 38.

³¹ Анфимов Н. В. Кинжалы кабардино-пятигорского типа., с. 197, рис. 1, 4.

³² Козенкова В. И. Связи Северного Кавказа., рис. 9, 3.

³³ Там же, рис. 9, 2.

³⁴ Morgan J. Op. cit., fig., 198, 1.

³⁵ Schaeffer C. Stratigraphie Comparée et Chronologie de l'Asie Occidentale. London, 1952, fig. 265, 14.

³⁶ Виноградов В. Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный, 1972, рис. 11, 2.

покатые (Кескем, **рис. 1, Ib, 3**)³⁷, а затем прямые (Каменномоостское, **рис. 1, Ib, 4**)³⁸ короткие крылья перекрестия, которые, удлинняясь, переходят в прямое перекрестие типа, представленного на рукояти сержень-юртовского кинжала (**рис. 1, Ia, 8**).

Таким образом, оба намеченных пути развития этих кинжалов с равной степенью вероятия могло привести к выработке эфесов с гладкой округлой рукоятью, грибовидным навершием и прямым перекрестием. И только именно этот — конечный — продукт развития обеих рассмотренных разновидностей биметаллического оружия попал в причерноморские степи, где он представлен экземплярами из Киевского исторического музея (**рис. 1, Ia, 9**)³⁹, Головатина (**рис. 1, Ia, 10**)⁴⁰ и др. Примечательно, что все промежуточные формы развития подобных кинжалов встречены только на Северном Кавказе, но отсутствуют в степных памятниках. Данное обстоятельство может служить, по нашему мнению, еще одним аргументом в пользу их кавказского происхождения.

К следующему подтипу — **Iв** — отнесены кинжалы с гладкой, но прямоугольной в сечении рукоятью. С одинаковой степенью вероятия можно предположить, что они либо происходят от близких по форме, но целиком бронзовых прототипов, либо являются ответвлением в развитии кинжалов подтипа **Iб**. Во всяком случае каменномоостский экземпляр подобного кинжала (**рис. 1, Ib, 1**)⁴¹ имеет лопастевидное перекрестие той же формы, что и у кинжалов подтипа **Iб**. В дальнейшем оно также развивается в прямое перекрестие, как на кинжале из могильника у мебельной фабрики в Кисловодске (**рис. 1, Ib, 2**)⁴². Примечательно, что подобная разновидность биметаллического оружия пока не представлена в степных памятниках, хотя один аналогичный экземпляр найден в Волго-Камье (Биллярск)⁴³.

Ко второму типу отнесены кинжалы с рамочными рукоятями, вероятно, восходящие к южнокавказским (типа Хивери — **рис. 1, II, 1**)⁴⁴ и закавказским (типа Камо — **рис. 1, II, 2**)⁴⁵ образцам, где они полу-

³⁷ Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, табл. XXXV, 4.

³⁸ Козенкова В. И. Ук. соч., **рис. 11, 1**.

³⁹ Тереножкин А. И. Культура предскифского времени., **рис. 11, 1**.

⁴⁰ Там же, **рис. 11, 2**.

⁴¹ Иессен А. А. Археологические памятники Кабардино-Балкарии. — МИА, 1941, № 3, **рис. 4, 1**; Крупнов Е. И. Ук. соч., с. 202.

⁴² Виноградов В. Б. Ук. соч., **рис. 10, 3**.

⁴³ Халиков А. Х. Железные кинжалы с бронзовыми рукоятями из Волго-Камья. — В сб.: Древности Восточной Европы. М., 1969. **рис. 1, 1**.

⁴⁴ Morgan J. Op. cit., fig. 198, 1.

⁴⁵ Есаян С. А. Оружие и военное дело древней Армении. Ереван, 1966, табл. XII, 5.

чили особенно широкое распространение во второй половине II—начале I тысячелетий до н. э. Одним из типологически ранних северокавказских кинжалов является, по нашему мнению, экземпляр из могильника у мебельной фабрики в Кисловодске (рис. 1, II, 3)⁴⁶, отличающийся широколопастным перекрестием с заостренными концами, плотно охватывающими верхнюю часть лезвия клинка, рамочной рукоятью как бы двухтаврового сечения с углублениями на обеих сторонах для закрепления деревянных или костяных накладок, и грибовидным навершием. Одним из крайних вариантов его развития является кинжал из Березовского могильника в Кисловодске, имеющий уже прямое перекрестие и сквозную (без перемычки) рамочную рукоять (рис. 1, II, 4)⁴⁷. Из степных находок к этому типу может быть отнесен железный кинжал из Высокой Могилы (рис. 1, II, 5)⁴⁸. А. И. Тереножкин не находит аналогий подобного рода кинжалам с «двухтавровой в сечении рукоятью» среди карауских образцов⁴⁹. Между тем, экземпляр из Высокой Могилы по очертаниям лопастевидного перекрестия и характерному оформлению («двухтавровое сечение») рамочной рукояти почти полностью повторяет морфологические особенности рукоятей кисловодских кинжалов, отличаясь от них лишь формой навершия. И это подтверждает, вопреки мнению А. И. Тереножкина⁵⁰, правоту исследователей, считающих полностью железные кинжалы из Северного Причерноморья позднейшими подражаниями кавказским биметаллическим образцам⁵¹.

К третьему типу отнесена крайне немногочисленная пока группа кинжалов с рифлеными рукоятями. Их прототипами также могли служить южнокавказские (типа Хивери — рис. 1, III, 1)⁵² и закавказские (типа Кишкедере — рис. 1, III, 2)⁵³ бронзовые кинжалы второй половины II—начала I тысячелетий до н. э., круглые ручки которых нередко украшены тремя и более рельефными валиками. На Северном Кавказе их последующее развитие представлено экземпляром из Эчкиваши (рис. 1, III, 3)⁵⁴, в степях — мечом из Субботова (рис. 1, III, 4)⁵⁵, отличающимся от эчкивашского более развитым и длинным перекрестием.

⁴⁶ Крупнов Е. И. Ук. соч., табл. VIII, 4.

⁴⁷ Там же, табл. XII, 1.

⁴⁸ Тереножкин А. И. Киммерийские мечи..., рис. 1, 11.

⁴⁹ Там же, с. 21.

⁵⁰ Там же, с. 23.

⁵¹ Виноградов В. Б. Кинжалы с «крестовидной рукоятью»..., с. 10—11; Членова Н. Л. О связях Северо-Западного Причерноморья..., с. 70.

⁵² Schaeffer C. Op. cit., fig. 236, 3.

⁵³ Кашкай М. А., Селимханов И. Р. Из истории древней металлургии..., рис. 16, 10; ср. также: Мартиросян А. А. Армения в эпоху бронзы..., рис. 86.

⁵⁴ Виноградов В. Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ..., рис. 20, 3.

⁵⁵ Тереножкин А. И. Ук. соч., рис. 8.

В четвертый тип объединены кинжалы с кольчатоорнаментированными рукоятями. Он подразделен на 3 подтипа.

К подтипу IVa отнесены кинжалы с однорядно кольчатым орнаментом, развитие которых убедительно обрисовано В. И. Козенковой. Прототипом для них она справедливо считает бронзовый кинжал из Серженьюрта (рис. 1, IVa, 1), датированный концом IX — первой половиной VIII вв. до н. э.⁵⁶ За ним следуют близкие по форме, но уже биметаллические кинжалы: со Змейского поселения (рис. 1, IVa, 2), датированный первой половиной VIII в. до н. э.⁵⁷ и из могильника у мебельной фабрики в Кисловодске (рис. 1, IVa, 3)⁵⁸. Завершают развитие этого подтипа кинжалы с прямым перекрестием, подобные найденным в Кисловодске у Кольцо-горы (рис. 1, IVa, 4)⁵⁹ и в могильнике у мебельной фабрики (рис. 1, IVa, 5)⁶⁰.

Другая разновидность подобных кинжалов, но с более широкими, двурядно орнаментированными рукоятями (подтип IVб) обычно считается производной от предыдущего подтипа. Однако после находки аналогичного, но целиком бронзового кинжала в могильнике у мебельной фабрики в Кисловодске (рис. 1, IVб, 1)⁶¹ можно полагать, что они развивались самостоятельно. Последовательные этапы их дальнейшего развития отражены в деталях оформления рукоятей биметаллических кинжалов из Абадзехской (рис. 1, IVб, 2)⁶², Благодарного (рис. 1, IVб, 3)⁶³, а затем — Серженьюрта (рис. 1, IVб, 4)⁶⁴.

К подтипу IVв отнесены кинжалы с трехрядной орнаментацией. Их принято считать боковой ветвью кинжалов предшествующей разновидности — подтипа IVб —, но не исключено, что они также имеют свои цельнобронзовые прототипы. Их последовательное развитие отражено в деталях оформления рукоятей биметаллических кинжалов из Березовского могильника в Кисловодске (рис. 1, IVв, 1)⁶⁵ и хутора Кубанского (рис. 1, IVв, 2)⁶⁶. К этому же подтипу следует, по-видимому, относить и единичные пока на Кавказе находки подобных кинжалов с неорнаментированными рукоятями, как, например, у образца из Каменноостского могильника (рис. 1, IVв, 3)⁶⁷.

⁵⁶ Козенкова В. И. К вопросу о ранней дате..., с. 98—100, рис. 3, 4.

⁵⁷ Там же, с. 92—97, рис. 1 А, 2.

⁵⁸ Там же, рис. 1 В, 1.

⁵⁹ Крупнов Е. И. Древняя история..., табл. XXXV, 5.

⁶⁰ Виноградов В. Б. Ук. соч., рис. 10, 1.

⁶¹ Там же, рис. 10, 5.

⁶² Анфимов Н. В. Кинжалы кабардино-пятигорского типа..., рис. 1, 2.

⁶³ Там же, рис. 1, 1.

⁶⁴ Козенкова В. И. Связи Северного Кавказа..., рис. 10, 9.

⁶⁵ Там же, рис. 10, 6, 10.

⁶⁶ Анфимов Н. В. Ук. соч., рис. 1, 3.

⁶⁷ Иессен А. А. Археологические памятники..., рис. 4, 2.

В целом же развитие кинжалов четвертого типа характеризуется, по нашему мнению, теми же особенностями, что и рассмотренные ранее типов Iб, Iв и II, а именно: постепенным выступанием за края лезвия и последующим выпрямлением концов лопастевидного перекрестия, в результате чего образуется прямое перекрестие. В подтипе IVб этот процесс сопровождается изменением мотива орнамента с «бегущей спирали» на циркульный или кольчатый. Приведенные наблюдения позволяют считать и этот тип биметаллических кинжалов местным, кавказским. Отсюда он широко распространился на восток и северо-запад, о чем можно судить по находкам подобных образцов оружия в Волго-Камье и Средней Европе⁶⁸.

В пятый тип выделены немногочисленные биметаллические кинжалы с подтреугольным или бабочковидным перекрестием и брусковидным навершием. Их прототипами могли служить бронзовые кинжалы, близкие по форме найденным в Кобанском⁶⁹, Кумбултинском⁷⁰, Тлийском⁷¹, Навтлугском⁷² и др. могильниках Кавказа; они обычно датируются второй половиной и концом II тысячелетия до н. э. У некоторых из них рикассо имеет подтреугольные очертания и ровное основание, как у экземпляра из Тлийского могильника (рис. 1, V, 1)⁷³. Эти морфологические особенности повторены на рукоятях биметаллических кинжалов из сел. Куг в Дагестане (рис. 1, V, 3)⁷⁴ и Галиатского могильника Фаскау в Северной Осетии (рис. 1, V, 4)⁷⁵. У других бронзовых кинжалов в основании рикассо делался вырез, придававший им характерные бабочковидные или сердцевидные очертания (рис. 1, V, 2 — Кобань)⁷⁶. Данное обстоятельство уже давно было отмечено Н. Л. Членовой⁷⁷, выведившей от таких именно прототипов как кавказские (рис. 1, V, 5 — Галиат, Фаскау)⁷⁸, так и степные (рис. 1, V, 6 — Софиевка, Черкасская обл.)⁷⁹ образцы биметаллических кинжалов с бабочковидным перекрестием, с чем нельзя не согласиться.

⁶⁸ Членова Н. Л. О связях Северо-Западного Причерноморья..., с. 77—80.

⁶⁹ Уварова П. С. Могильники Северного Кавказа.— МАК, 1900, вып. VIII, табл. X, 1, 2, табл. XIII, 1.

⁷⁰ Крупнов Е. И. Древняя история..., табл. XLVII, 1—4.

⁷¹ Техов Б. В. Очерки древней истории..., рис. 72, 5.

⁷² Пичхелаури К. Н. Локализация археологических культур..., с. 178—180, табл. V, 2.

⁷³ Техов Б. В. Ук. соч., рис. 72, 5.

⁷⁴ Давудов О. М. Культуры Дагестана эпохи раннего железа. Махачкала, 1974, с. 64, табл. XVIII, 19.

⁷⁵ Крупнов Е. И. Ук. соч., табл. XXX, 2.

⁷⁶ Уварова П. С. Ук. соч., табл. XCIII, 19.

⁷⁷ Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история..., с. 21.

⁷⁸ Крупнов Е. И. Ук. соч., табл. XXX, 3.

⁷⁹ Тереножкин А. И. Культура предскифского времени..., рис. II, 4.

Таковыми рисуются в самых общих чертах пути развития рассмотренных типов биметаллических кинжалов Северного Кавказа. Предложенная схема, и это необходимо особенно подчеркнуть, представляет собой попытку именно типологического расчленения и классификации таких кинжалов. При нынешнем состоянии изученности она не может быть достаточно подтверждена еще и хронологическими данными, поскольку преобладающее большинство имеющегося материала датируется в одних и тех же рамках VIII—первой половины VII вв. до н. э. Более детальное хронологическое подразделение биметаллических кинжалов внутри предскифского периода практически неосуществимо без анализа всего остального археологического материала, а это — задача большого специального исследования. Отметим попутно, что специалисты уже неоднократно подчеркивали необходимость такого исследования, направленного на уточнение или даже пересмотр нынешних, установленных почти 25 лет тому назад хронологических рамок предскифского периода Северного Кавказа с учетом новых археологических данных и новых хронологических схем, разработанных для сопредельных областей⁸⁰.

Цели настоящей статьи сводились к тому, чтобы обрисовать многообразие путей развития северокавказских биметаллических кинжалов, паглядно установить их типологическую, эволюционную связь с бронзовыми двухэлементными кинжалами Закавказья и Переднего Востока и, наконец, еще раз продемонстрировать несостоятельность попыток выведения их от степных «киммерийских» образцов подобного оружия и, тем более, от цельнолитых одноэлементных бронзовых кинжалов и мечей карасукского типа. Приведенные данные показывают, как на основе закавказских и передневосточных прототипов древними северокавказскими оружейниками были выработаны специфически местные типы кинжалов — сначала бронзовых, затем биметаллических со своеобразным оформлением перекрестий, развитие которых в разных частях Северного Кавказа (особенно — в Кабардино-Пятигорье) закончилось выработкой нескольких разновидностей биметаллических кинжалов с прямым перекрестием. И только этот «конечный продукт» их развития, кстати сказать, до сих пор совершенно не известный в памятниках Закавказья и Переднего Востока, проник к северным соседям. Основываясь на известных ныне материалах, можно предполагать, что северокавказские биметаллические кинжалы распространялись по крайней мере по двум направлениям: в Волго-Камье и в степи Северного Причерноморья.

⁸⁰ См. напр.: Коридзе Д. М. К истории колхидской культуры (на груз. яз. с русск. резюме). Тбилиси, 1965, с. 154; Podborskiy V. Stramberska dyka., S. 161—163.

Существование контактов между северокавказскими и анаьинскими племенами в предскифский период неоднократно отмечалось специалистами⁸¹. В рамках этих контактов, наряду с кавказскими бронзовыми топорами кобанского и колхидского типов⁸², могли проникнуть в Волго-Камье и северокавказские биметаллические кинжалы, на основе которых здесь затем было налажено местное производство подобного оружия⁸³. Промежуточные пункты распространения биметаллических кинжалов в этом направлении отмечены находками в Демкино (Саратовская обл.)⁸⁴ и Навки (Пензенская обл.)⁸⁵.

Значительно более тесными и оживленными были связи между северокавказскими, точнее — кавказскими, и киммерийскими племенами, археологически документируемые довольно многочисленными находками в степных памятниках предметов кавказского происхождения, включая и вооружение (бронзовые топоры кобанского типа, принадлежности конской узда)⁸⁶. С учетом всего изложенного выше можно полагать, что и биметаллические кинжалы должны быть отнесены к числу тех элементов материальной культуры, которые были восприняты киммерийцами с Кавказа. Но степные оружейники усовершенствовали это оружие применительно к тактике конного боя, — удливив лезвие клинка, они превратили небольшой кинжал во всаднический меч, которым можно было сражаться прямо с коня.

Как справедливо полагает В. Подборский, через посредство «предскифских южных кочевников», включая киммерийцев, а также благодаря культурным и торговым связям, биметаллические мечи и кинжалы в короткий срок распространились в обширном ареале, включая Среднюю Европу⁸⁷.

⁸¹ См., напр.: Збруева А. В. История населения Прикамья в анаьинскую эпоху. — МИА, 1952, № 30, с. 164; Крупнов Е. И. Древняя история., с. 203; Смирнов А. П. Железный век Чувашского Поволжья. М., 1961, с. 92; Халиков А. Х. Стелы с изображением оружия раннего железного века. — СА, 1963, № 3, с. 185; его же. Волго-Камье в начале раннего железного века. М., 1977, с. 257.

⁸² Халиков А. Х. Волго-Камье в начале., с. 181, рис. 69, 1—5.

⁸³ О местном производстве подобного оружия см.: Халиков А. Х. Железные кинжалы., с. 278—281.

⁸⁴ Максимов Е. К. Материалы из Хвалынского музея. — СА, 1962, № 3, с. 288, рис. 5.

⁸⁵ Тереножкин А. И. Киммерийские кинжалы., с. 10, рис. 1, 7.

⁸⁶ См., напр.: Пиотровский Б. Б. Археология Закавказья, с. 126—130, табл. XII; Иессен А. А. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР. — СА, 1953, XVIII, с. 109; Крупнов Е. И. Жемталинский клад. М., 1952, с. 29; его же. Киммерийцы на Северном Кавказе. — МИА, 1958, № 68, с. 188—195; Тереножкин А. И. Культура предскифского периода., с. 101, 108—109; его же. Киммерийцы, с. 170—171; Анфимов Н. В. Сложение меотской культуры и ее связи со степными культурами Северного Причерноморья. — В сб. Проблемы скифской археологии. М., 1971, с. 170—171, 176—177.

⁸⁷ Podborsky V I. Op. cit., S. 210—219, obr. 64 (13).

Таким образом, типологический анализ биметаллических кинжалов из разных частей Северного Кавказа еще раз подтверждает их безусловно местное происхождение. С признанием этого теряет всякую доказательность и тезис о якобы имевшем место определяющем влиянии киммерийцев на распространение железа и возникновение железоделательного производства на Северном Кавказе⁸⁸.

⁸⁸ Подробнее об этом см.: Котович В. Г. О времени и путях широкого распространения железа на Северном Кавказе — Изв. СКНЦВШ, Ростов-на-Дону, 1978, № 3, с. 17—23.

Р. Н. МИРЗОЕВ

ДРЕВНИЙ ДАГЕСТАНСКИЙ КИНЖАЛ В КОЛЛЕКЦИИ ГИМ

В фондах Государственного Исторического музея в Москве имеется прекрасно сохранившийся бронзовый кинжал с цельнолитой рукоятью (рис. 1, 1) ¹. Судя по паспорту, эта дореволюционная находка, содержащаяся в так называемом «собрании Н. Н. Муравьева-Карсского» и полученная последним в качестве дара от некоей А. Н. Соколовой, происходит из местности «Зиахур» в Дагестане. Среди опубликованных в специальной литературе дагестанских материалов, в том числе и хранящихся за пределами республики, кинжал из «Зиахура» не упоминается.

Кинжал имеет следующие параметры: общая длина — 29 см, длина лезвия — 19,5 см, наибольшая ширина в плечах — 4,6 см, толщина клинка в середине — 0,8 см².

Массивный, округло-подквадратного сечения гладкий ствол рукояти кинжала завершается на конце веерообразным в плане и овально-ромбическим с тыльной стороны расширением в виде навершия, на котором четко выделяется характерный цилиндрический выступ. В основании рукояти ствол расширяется в рикассо, охватывающее плечи столь же массивного клинка. По всей длине несколько расширяющегося к плечам обоюдоострого лезвия, края которого вследствие этого расширения приобрели в середине слегка вогнутые очертания, проходит, равномерно суживаясь к острию, широкое и плоское продольное утолщение, имеющее в сечении очертания достаточно четко выраженного прямоугольника.

Ни на территории Дагестана, ни в других сопредельных областях

¹ Инв. № 78607.

² Замеры произведены с прориси кинжала, сделанной автором в натуральную величину.

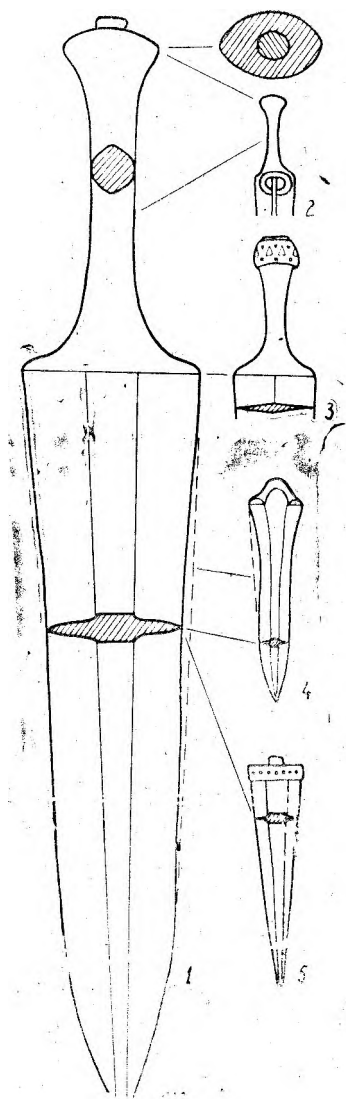

Рис. 1. Древние бронзовые кинжалы:
 1 — «Зиахур» (Дагестан), 2 — Хурвин (Иран),
 3 — Самтавро (Грузия), 4 — Тли (Юго-Осетия),
 5 — Мингечаур (Азербайджан).

аналогичные кинжалы, т. е. сочетающие в себе одновременно все отмеченные морфологические признаки, не встречены.

Наиболее выразительно индивидуальность «зиахурской» находки подчеркнута характером оформления ее рукояти, которая отличается своей декоративно-технической простотой и завершенностью. Насколько позволяет судить чисто внешнее знакомство с этим кинжалом, он является цельнолитым не только в том смысле, что у него рукоять и клинок отлиты одновременно, но, что еще больше подчеркивает его своеобразие, и в плане объемной цельности рукояти, отсутствия внутренней полости или прорезей, которые мы видим, например, на закавказских цельнолитых кинжалах с трубчатым стволom и грибовидно-куполообразным прорезным навершием (рис. 1, 3) ³.

В конструкции рукояти «зиахурского» образца трудно видится вариант кинжалов с «налитой» ручкой: последние, как отмечают специалисты, сохраняют щель кассетных кинжалов, от которых и ведут свое происхождение ⁴. Формой основания и способом соединения рукояти с клинком он очень близко сопоставляется с некоторыми из упомянутых закавказских цельнолитых кинжалов (рис. 1, 3) ⁵, а силуэтом навершия (без выступа) и сравнительно узким стволom рукояти — с кинжалом талышского типа из Хурвина — североиранского памятника конца II тысячелетия до н. э. (рис. 1, 2) ⁶.

С другой стороны, отдельные конструктивные особенности клинка дагестанского кинжала являются вполне характерными для других типов кавказских кинжалов конца II—начала I тысячелетий до н. э. В частности, широкую продольную полосу, расширяющуюся к основанию рукояти, мы видим на клинках мингечаурских кинжалов — как с составной (рис. 1, 5), так и с литой цельнометаллической рукоятью ⁷.

³ Ивановский А. А. По Закавказью. — МАК, вып. VI, 1911, с. 157—162, табл. III; Чубинишвили Т. Н. Древнейшие археологические памятники Мцхета. Тбилиси, 1957, с. 101—102, рис. 13, 14; Абрамишвили Р. М. К вопросу о датировке памятников поздней бронзы и широкого освоения железа, обнаруженных на Самтаврском могильнике. — ВГМГ, т. XIX-A и XIX-B, Тбилиси, 1957, табл. I: Ломтатидзе Г. А. Бронзовые кинжалы и мечи из древнейших погребений Самтаврского могильника. Тбилиси, 1974, с. 166, табл. XI, 2—4; XII, 2—4; XIII, 2, 3, 5, 6; XIV, 2—4; Есаян С. А. Оружие и военное дело древней Армении. Ереван, 1966, с. 62—65, табл. XI, 9, 10; рис. 1; его же. Древняя культура племен Северо-Восточной Армении. Ереван, 1976, с. 107—108, табл. 86, 1. Хачатрян Т. С. Древняя культура Ширака. Ереван, 1975, с. 176—177, рис. 86; с. 200, рис. 113.

⁴ Членова Н. Л. Карасукские кинжалы. М., 1976, с. 12—14 и сл., табл. 4, 7.

⁵ Ломтатидзе Г. А. Бронзовые кинжалы и мечи..., табл. XII, 2, 3.

⁶ Погребова М. Н. Иран и Закавказье в раннем железном веке. М., 1977, с. 47, табл. V, 1.

⁷ Асланов Г. М., Ваидов Р. М., Ионе Г. И. Древний Мингечаур. Блж, 1959, с. 78, табл. XIII, 6; XIV, 12—14.

Что же касается формы клинка, то у кинжалов из Мингечаура они имеют конфигурацию прямостороннего вытянутого треугольника, в то время как «зиахурскому» образцу характерны слегка пламевидные очертания. Этой особенностью последний заметно сближается с кинжалами, которые А. А. Иессен называл «типично кобанскими»⁸. Зауженность середины лезвия, равно как и наличие на нем широкой продольной полосы, характерные для нашего клинка, отмечены Г. А. Ломтатидзе⁹ и Т. Н. Чубинишвили¹⁰ как основные признаки указанных «кобанских» кинжалов, столь широко распространенных на Центральном Кавказе (рис. 1, 4)¹¹.

Таким образом, в строении кинжала из «Зиахура» совершенно ясно прослеживается обращение к традициям, присущим некоторым типам кавказских кинжалов завершающего этапа позднебронзовой эпохи. Вместе с тем, в своеобразии оформления его рукояти, не имеющей себе прямых параллелей, явно проявляется нечто самобытное, что позволяет говорить об этой дагестанской находке как о местном варианте развития упомянутых типов кавказских кинжалов и соответственно датировать концом II—началом I тысячелетий до н. э.

⁸ Иессен А. А. К хронологии «больших кубанских курганов». — СА, XII, 1950, с. 172, табл. V; его же. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века. — МИА, № 23, 1951; с. 82, 83, рис. 5, 1, 2, 5.

⁹ Ломтатидзе Г. А. Бронзовые кинжалы и мечи., с. 60, табл. IX, 2, 4.

¹⁰ Чубинишвили Т. Н. Древнейшие археологические памятники Мичета, с. 74—75, 111, рис. 16, табл. XVI, 5608.

¹¹ Техов Б. В. Центральный Кавказ в XVI—X вв. до н. э. М., 1977, с. 191—192, рис. 84, 1—3, 7—12.

О. М. ДАВУДОВ

БЕРИКЕЙСКИЙ МОГИЛЬНИК СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ

Летом 1974 года Южнодагестанская археологическая экспедиция Института ИЯЛ Дагфилиала АН СССР проводила раскопки могильника, расположенного на юго-восточной окраине сел. Берикей Дербентского района. Он находится в 1—1,5 км от могильника каякентско-хорочоевского времени, раскопанного Б. Е. Дегеном¹. Территория

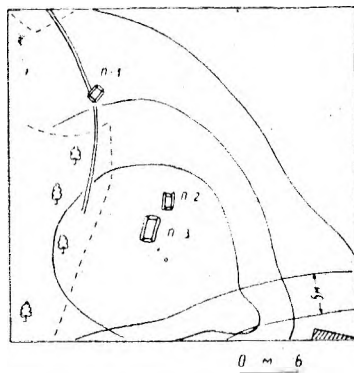

Рис. 1. План Берикейского могильника.

могильника представляет собой довольно ровную площадку, ныне занятую под жилые дома, огороды и улицы (рис. 1). Здесь прямо на улицах, в стенках водоотводных канав и на огородах можно встретить каменные плиты древних погребальных сооружений. Мы заложили раскоп в 10—15 м к юго-востоку от каменного ящика скифского времени, изученного Л. Г. Нечаевой и В. В. Кривицким². В результате нами были выявлены и изучены три каменных ящика.

Каменный ящик № 1. Его стенки были видны в обнажении водооточной канавы, перекрытие не сохранилось. В плане он имеет форму вытянутого четырехугольника, размерами—

¹ Круглов А. П. Северо-Восточный Кавказ во II—I тысячелетиях до н. э.—МИА, 1958, № 68, с. 142—144.

² Нечаева Л. Г., Кривицкий В. В. Разведки в Северной Осетии и Дагестане.—АО—1972, М., 1973, с. 142.

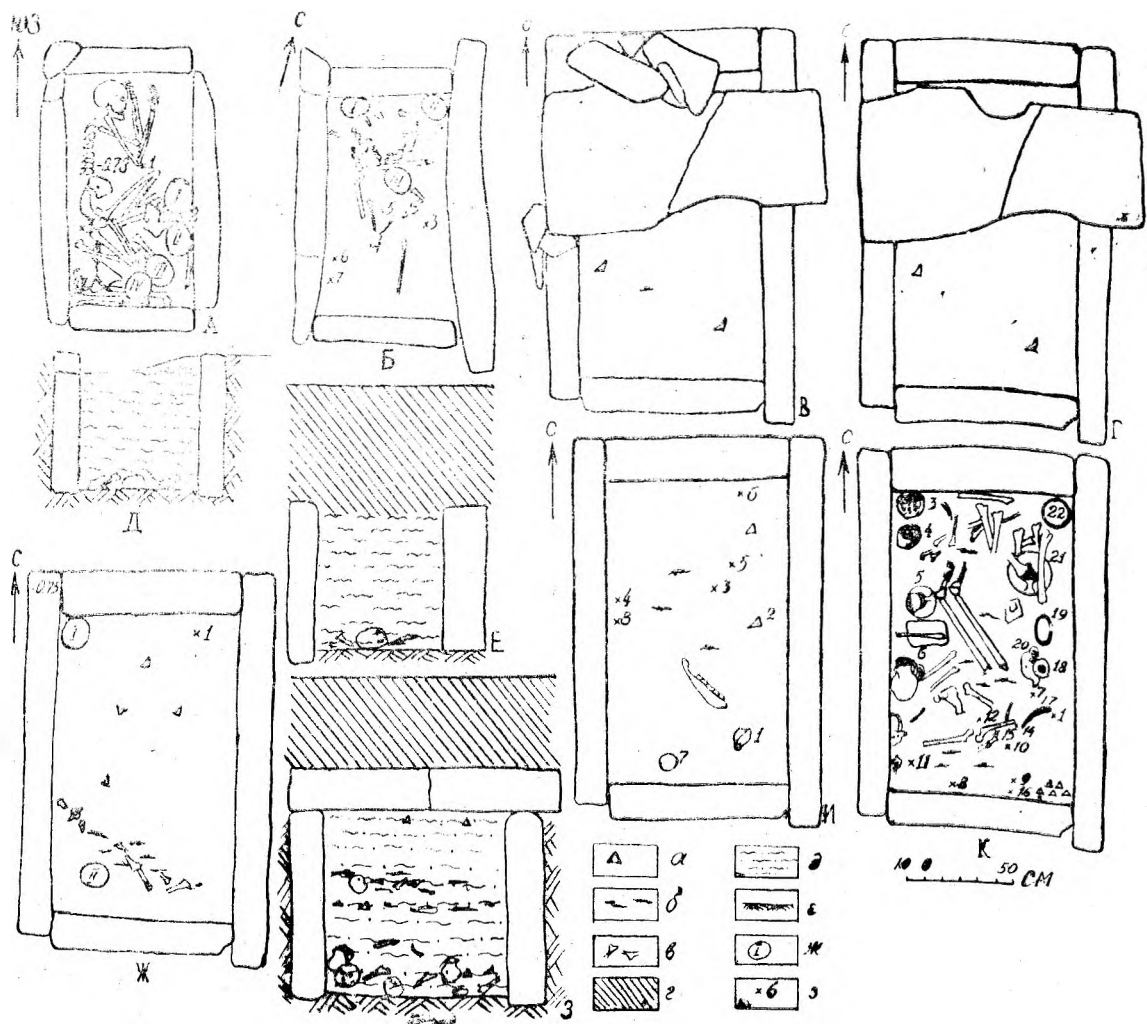

Рис. 2. Каменные ящики Беркеевского могильника:

а — керамика; б — угольки; в — кости; г — земля с песком; д — песчанистая земля; е — материк; ж — череп в погребальной камере; з — номер находки.
 А — план каменного ящика № 1: 1 — фрагмент железа; 2 — железный нож с горбатой спинкой; 3 — железный стержень; Д — разрез погребения № 1; Б — план каменного ящика № 2: 1 — железный нож; 2, 4 — сердоликовые бусы; 3 — пастовая бусина; 5 — фрагменты железа; 6 — лошадиный зуб; Е — разрез каменного ящика № 2; В, Г, Ж, И, К — планы каменного ящика № 3 по мере зачистки; Ж: 1 — бронзовая головная булава с просверленным стержнем; И: 1, 2, 7 — дно сосуда; 3 — гагатовая бусина; 4 — бронзовая заклепка; 6, 8 — сердоликовые бусы; 5 — синяя паст в бусина (бисер); К: 1 — гагатовая бусина; 2, 7, 9, 10 — пастовые бусы (15 шт.); 3 — 18, 20 — сосуды; 8 — бронзовая коническая подвеска; 11 — известняковое пряслице; 12—15 — гагатовые бусы; 16 — костяная бусина; 17 — кремневый серп; 19, 22 — формы битума, которыми были закреплены деревянные сосуды, 3 — разрез каменного ящика № 3.

1,65×0,7—0,75×0,78 м, ориентирован длинной осью по линии ЮЗ-СВ. Стенки ящика сложены из массивных плит ракушечника, по одной с каждой стороны, плиты аккуратно пригнаны друг к другу.

На глубине 0,78 м скорченно на левом боку лежал костяк погребенного, ориентированного головой на ЮЗ. Кисти рук лежали возле лба и лица. У ног погребенного, у северо-западной и северо-восточной стен погребальной камеры расчищена груда костей — остатки костяков ранее погребенных покойников, отодвинутых при очередном захоронении. Среди них встречены четыре черепа. Все кости имели красноватый цвет, видимо, от охры (рис. 2, А, Д).

Инвентарь: у локтевого сочленения непотревоженного костяка найден фрагмент железного предмета и железный стержень из овальной постепенно суживающейся к одному концу проволоки; у черепа — железный ножичек с горбатой спинкой, концы черешка и клинка обломаны (из-за длительного использования лезвие изношено); среди сдвинутых к стенке костей — боченковидная стеклянная бусина и железная полусферическая бляха (рис. 3, 1, 7, 18).

Каменный ящик № 2 находился в 12 м к западу от каменного ящика № 1. Он сложен из массивных плит ракушечника, по одной на каждой стороне, плиты аккуратно подогнаны друг к другу. Форма ящика в плане четырехугольная. Размеры — 1,25×0,7—0,8×0,83 м, ориентирован по линии С-Ю с легким отклонением в широтном направлении. Перекрытие не сохранилось.

На глубине 0,83 м по всему дну камеры встречены потревоженные кости погребенных и среди них — три черепа. В первоначальном положении сохранились лишь кости голени и стопы правой ноги, указывающие на скорченное на правом боку положение одного из погребенных, ориентированного головой на юг. Среди человеческих костей найден и зуб лошади (рис. 2, Б, Е).

Инвентарь: среди разрозненных костей найдены железный черешковый нож с выпуклым лезвием и вогнутой спинкой, костяная усеченно-коническая ворворка с геометрическим штриховым орнаментом на поверхности, «рубленные» сердоликовые бусы с кратеровидными впадинами, пастовый бисер зеленоватого цвета (12 шт.) и обломок лепного красноглиняного баночного сосуда (рис. 3, 4—6, 10, 16, 21; 4, 10).

Каменный ящик № 3 находился в 1 м к юго-западу от ящика № 2. Южная часть перекрытия и верх боковой стенки уничтожены огнем, перекрывавшего его тондыря. Ящик сложен из массивных плит ракушечника, по одной с каждой стороны. Плиты аккуратно подогнаны друг к другу. Форма ящика в плане — четырехугольная, размеры: 1,12×1,9×1,8, ориентирован длинной стороной по линии С-Ю. Северная половина ящика перекрыта поперечно уложенной массивной плитой ракушечника (1,6×0,7—0,8×0,23—0,26 м), лопнувшей позже. В центре

северного края этой плиты вырезано полукруглое отверстие (диам. 32 см), образующее вместе со стенкой ящика лаз в погребальную камеру, возможно, использовавшийся для ритуальных жертвоприношений. Сверху лаз обложен камнями. На южной половине ящика перекрытие не сохранилось (рис. 2, В, Г, Ж, И, К, Е).

Заполнение ящика песчаное, однородное. Кости и предметы материальной культуры встречены на разных глубинах. На глубине 0,4 м в северо-западном и юго-западном углах найдены обломки двух человеческих черепов. Около одного из них лежали кости животного. В этом слое по всей площади встречены обломки керамики и бронзовая головная булавка с просверленным стержнем. На глубине 0,59 м найден обломок челюсти коня, днища двух сосудов: лепного толстостенного и тонкостенного, бронзовая заклепка, бусы из сердолика, гагата и пасты. В слое на глубине 0,72—1 м найдены разрозненные человеческие кости, лежащие по всей площади камеры, преимущественно у северной стены. В первоначальном положении сохранились кости голени и стопы ног, оставшиеся от скорченного на правом боку костяка, ориентированного головой на юг. Среди них встречены: 1. сероглиняный кувшин с цилиндрическим горлом в раструб, покатыми плечиками, переходящими в грушевидное тулово, дно устойчивое, ручка круглая. Основание шейки и плечиков украшены резными горизонтальными параллельными друг другу поясками. Поверхность сосуда вылощена. Он изготовлен на круге. Тесто с примесью мелко истолченного песка. Обжиг хороший, равномерный (рис. 4, 6); 2. красновато-коричневый лепной кувшин с вытянуто-шаровидным туловом, короткой шейкой со сливным носиком и круглой ручкой. Сосуд вылеплен из теста с примесью мелко истолченного песка. Обжиг слабый (рис. 4, 4); 3. лепной кувшин с округлыми плечиками, резко переходящими в грушевидное тулово, устойчивым дном, круглой ручкой и миниатюрными дисковидными налепами по сторонам сливного носика. Обжиг неравномерный. Тесто с примесью песка (рис. 4, 5); 4. коричневый лощеный горшок с покатыми плечиками, плавно переходящими в грушевидное тулово, устойчивым, но узким дном и отогнутым венчиком. Плечики украшены пояском из двух прямых параллельных резных линий, пространство между которыми заполнено инкрустированными белой пастой косыми насечками. На этом поясе имеются семь симметрично расположенных миниатюрных дисковидных налепов, соединенных с шейкой вертикальными полосками из инкрустированных белой пастой елочных насечек. Тесто с примесью мелко истолченного песка (рис. 4, 1); 5. коричневый, лощеный, изготовленный в виде голубя сосуд. Крылья птицы оконтурены сплошной резной линией и украшены зигзагообразным узором, исполненным точечными наколами. Грудь и гузка птицы отмечены треугольниками с зигзагообразным орнаментом, исполненным в той же

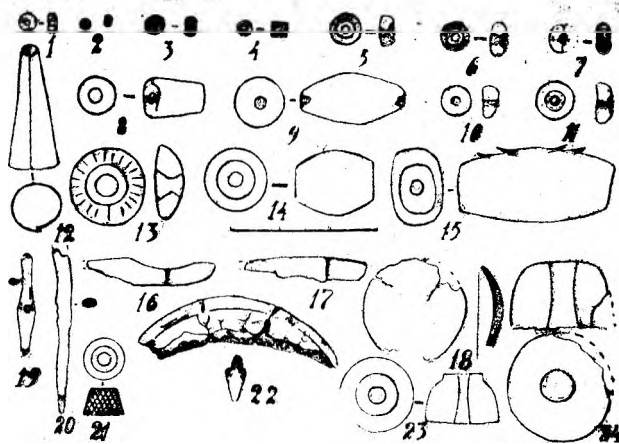

Рис. 3. Инвентарь Берикейского могильника

1, 17, 18 — из каменного ящика № 1; 4—6, 10, 16, 21 — из каменного ящика № 2; 2, 3, 7—15, 19, 22—24 — из каменного ящика № 3. 1, 7 — стекло; 2—4 — паста; 5, 6, 10, 11 — сердолик; 12, 19 — бронза; 13, 21 — кость; 9, 14, 15 — гагат, 16, 17, 18, 20 — железо; 22 — кремневые пластинки серпа, скрепленные битумом; 23 — известняк; 24 — опоковидная брекчия.

технике. Горловина сосуда оформлена на месте хвоста птицы. Основание сосуда уплощено. Тесто с примесью мелко истолченного песка. Обжиг слабый. Орнамент нанесен по сырой глине, лощение — по сухой (рис. 4, 2). 6. Миниатюрная лепная лощеная миска из глины с примесью мелко истолченного песка. Венчик загнутый, бока сосуда слегка выступающие (рис. 4, 3). Здесь же найдены еще два целых и один фрагментированный баночный сосуда красно-охристого цвета, вылепленные из глины с примесью грубо истолченного песка и шамота. Их наружные поверхности обмазаны густым раствором глины. Обжиг слабый и неравномерный (рис. 4, 7—9).

Среди других находок отметим обломок шаровидной булавы (рис. 4, 2) из опоковидной брекчи, серп с несохранившейся деревянной основой, в которой на битумной массе были прикреплены 4 двусторонние обработанных кремневых вкладыша с зазубренными краями, образующими изогнутое лезвие (рис. 3, 22), остатки битумных креплений от двух, по-видимому, деревянных сосудов круглой и овальной формы, а также полусферическое пряслице из мягкого известняка (рис. 3, 23).

Украшения представлены конической подвеской, свернутой из тонкой бронзовой пластинки (рис. 3, 12), а также многочисленными бусами.

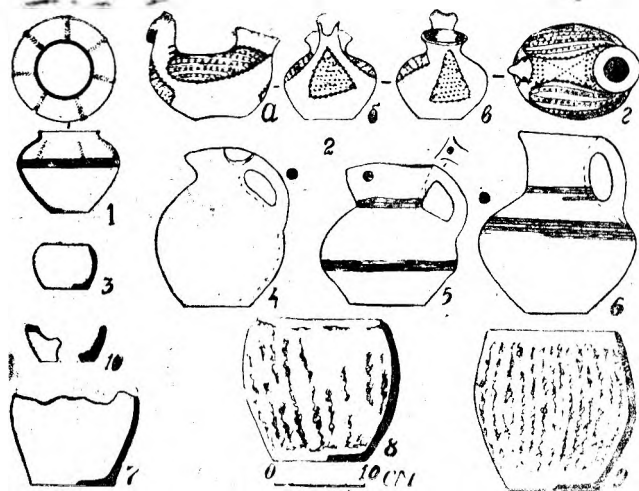

Рис. 4. Керамика Берикейского могильника.

1, 2, 3—6 — тонкостенные сосуды; 7—10 — толстостенные сосуды; 1—9 — из каменного ящика № 3, 10 — из каменного ящика № 2.

Последние изготовлены из розового и полосчатого сердолика, коротко цилиндрические «рубленные» с коническим или кратероидным отверстием — 2 шт. (рис. 3, 10, 11), бипирамидальные гагатовые — 5 шт. (рис. 3, 9, 14, 15), полусферическая костяная бусина, украшенная вертикальными и радиально расходящимися насечками (рис. 3, 13), боченковидная из золотистого стекла (рис. 3, 7), настовый бисер — 14 шт. (рис. 3, 2, 3).

Помимо описанных находок среди костей встречались также древесные угольки.

Пол погребальной камеры образован песчаниковым материком.

Таким образом, для Берикейского могильника характерны каменные ящики четырехугольной формы, перекрытые каменными плитами. Иногда в перекрытии оформлялся лаз для жертвоприношений. В одной могиле встречены до 5 и более костяков, кости ранее погребенных отодвинуты к стенке, освобождая место последующему. Костяки, сохранившиеся в первоначальном положении, лежали скорченно на левом или правом боку. Ориентированы могилы на юг или юго-запад. Инвентарь — толстостенная лепная обмазанная и лощеная тонкостенная керамика, причем последняя превалирует. Довольно много и металлического инвентаря.

Полусферической железной бляхе из каменного ящика № 1 аналогична бляха из погребального комплекса VI в. до н. э. Шахсенгерского

могильника³. Подобные бронзовые бляхи встречаются еще в памятниках каякентско-хорочоевского времени. Ножи с горбатыми спинками (подобные находке в ящике № 1) широкое распространение получают на Кавказе в скифское время⁴.

Аналогичны усеченно-конической ворворке из каменного ящика № 2 ворворки из комплекса V в. Аркаского городища и погребения I—III вв. н. э. Хабединского могильника (погр. 9, раск. 3)⁵. В целом такие ворворки характерны для памятников скифских и сарматских племен⁶.

По полусферической железной бляхе и железному ножу с горбатой спинкой скифским временем датирован мы каменный ящик № 1, а каменный ящик № 2 — по усеченно-конической ворворке скифского и сарматского времени.

Каменный ящик № 3 датируется по конической подвеске, полусферическому пряслицу, горбтому железному ножу, птицеобразному сосуду, кувшину с шейкой в раструб и т. д.

Сосуды в виде голубя встречаются на памятниках Ближнего Востока и Закавказья с начала II тысячелетия до н. э.⁷ Каждый из таких сосудов, будучи продукцией индивидуального творчества, характеризуется особыми чертами. Наша находка наиболее близка сосудам из Хурвина (Иран) и Мингечаура (Азербайджан)⁸. Правда, крылья птиц у хурвинских сосудов трактованы иначе. Иными изобразительными средствами переданы крылья и у мингечаурского сосуда. Более того, у мингечаурского сосуда устье оформлено на спине птицы. И те и другие в основании имеют по четыре конических ножки для упора. По всем другим признакам наш сосуд может быть сопоставлен с группой сосудов из Хурвинского и Мингечаурского могильников. Ин-

³ Давудов О. М. К вопросу о материальной культуре и производстве древнего Дагестана (X—IV вв. до н. э.). Махачкала, 1968, с. 16—24.

⁴ Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, с. 204, 206; Мнацаканян А. Л. О раскопках у с. Головино.— КСИИМК. М., 1952, XI—VI, с. 65, рис. 14, 1—3; Пиотровский Б. Б. Кармир-Блур. I, Ереван, 1950, с. 37, его же. История и культура Урарту. Ереван, 1944, с. 183, рис. 47; Техов Б. В. Позднебронзовая культура Лнахвского бассейна. Сталинград, 1957, с. 129, табл. IV, рис. 2, 3; Абрамишвили Р. М. К вопросу об освоении железа на территории Восточной Грузии.— ВГМГ, XXII-V, Тбилиси, 1961.

⁵ Пикуль М. И. Хабединский могильник.— МАД, 1961, т. II, с. 150, 151.

⁶ Силицын И. В. Археологические исследования в Саратовской области и Западном Казахстане.— КСИИМК, 1952, XIV.

⁷ Погребова М. Н. Иран и Закавказье в раннем железном веке. М., 1977, с. 96—99, табл. XX.

⁸ Кизиев С. М. Археологические раскопки в Мингечауре.— МКА, 1950, I, с. 20; Голубкина Т. И. О зооморфной керамике из Мингечаура.— МКА, 1951, II, с. 106, 107, рис. 3; Асланов Г. М., Вайдов Р. М., Ионе Г. И. Древний Мингечаур. Баку, 1959, табл. XXXVII, 8, II; Погребова М. Н. Иран и Закавказье., с. 96—99.

интересующие нас хурвинские сосуды М. Н. Погребова датирует VIII—VI вв. до н. э.⁹, а погребение Мингечаурского могильника с упомянутым сосудом авторы публикации датируют XI—IX вв. до н. э., А. А. Мартиросян — X в. до н. э., А. И. Тереножкин — второй половиной VII — началом VI в. до н. э., а О. А. Даниелян — IX—VII вв. до н. э.¹⁰

Миниатюрный лощеный горшок из каменного ящика № 3 имеет форму, типичную для Закавказья второй половины II тысячелетия до н. э.¹¹ и Дагестана I тысячелетия до н. э.¹² Техника нанесения резного орнамента, заполненного белой пастой, появляется в разных районах Закавказья с начала II тысячелетия до н. э. В это время появляется она и в Иране. Наибольшее распространение она получает в Восточном Закавказье в конце II — начале I тысячелетий до н. э. Эта техника орнаментации генетически связана с техникой производства керамики андроновской культуры и памятников тагискентского облика¹³. Лощеная керамика с белой инкрустацией встречается на памятниках Северного Кавказа и Украины скифского времени¹⁴.

Сероглиняный кувшин с цилиндрическим в раструб горлом из каменного ящика № 3 аналогичен кувшину из малого кургана Мильско-Карабахской степи Азербайджана второй половины VII в. до н. э.¹⁵

Гвоздевидная бронзовая булавка с просверленным стержнем, коническая подвеска из тонкой бронзовой пластинки, полусферическое пряслице, железный нож с горбатой спинкой соответствуют дате зооморфного сосуда, горшка с инкрустацией белой пастой и сероглиняного кувшина с цилиндрическим в раструб горлом. Причем последний в сочетании с железным ножом с горбатой спинкой указывают на вторую половину VII в. до н. э. как на наиболее вероятную дату каменного ящика № 3.

По характеру каменных ящиков, ориентированных на юг и юго-

⁹ Погребова М. Н. Иран и Закавказье..., с. 99.

¹⁰ Асланов Г. М., Вандов Р. М., Ионе Г. И. Древний Мингечаур, с. 104—108; Мартиросян А. А. Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1964, с. 279, 280; Тереножкин А. И. Дата мингечаурских удил.— СА, 1971, № 4, с. 79, 82; Даниелян О. А. О хронологии некоторых курганов Азербайджана.— МКА, 1973, т. VII, с. 111, 112, табл. III, 5.

¹¹ Пицхелаури К. Н. Основные проблемы истории племен Восточной Грузии (XV—VII вв. до н. э.). Автореферат докт. дис. Тбилиси, 1972, с. 50—56, 106—109, 112—114, табл. I, рис. 19, 25, 28, 37, 42, 45, 56, 67, 68, 91, 102, 129, 156—158, 162, 163, 164, 250—252, 257, 280—282.

¹² Давудов О. М. Культуры Дагестана эпохи раннего железа. Махачкала, 1974, с. 60, 61, табл. X, 15.

¹³ Погребова М. Н. Иран и Закавказье..., с. 108—113.

¹⁴ Пиотровский Б. Б., Иессен А. А. Моздокский могильник. Л., 1940, с. 31—44.

¹⁵ Иессен А. А. Из исторического прошлого Мильско-Карабахской степи.— МИА, 1965, № 125, с. 22—30, рис. 7, 1.

запад, кремневым составным серпам, а также баночным лепным толстостенным обмазанным снаружки сосудам Берикейский могильник генетически связан с памятниками Дагестана предшествующего времени, в том числе каякентско-хорочоевского¹⁶. Полусферические бляхи типа встреченного на Берикейском могильнике найдены на Каякентском и Талгинском могильниках, только в отличие от берикейского железного они сделаны из бронзы¹⁷. Однако количество погребенных в могиле (до 5 и более костяков), отодвигание костей ранее погребенных при очередном захоронении, тонкостенные лощеные сосуды — горшки, кувшины, зооморфный сосуд, железные ножи, гвоздевидные головные булавки с просверленным стержнем, конические подвески, костяные ворворки, а также пастовые и стеклянные бусы не характерны для памятников Дагестана каякентско-хорочоевского времени. Зато основные признаки Берикейского могильника присущи Шахсенгерскому и Зандакскому могильникам, хронологические рамки которых охватывают начало I тысячелетия до н. э. и скифское время, а также памятникам горной Чечни скифского времени¹⁸, т. е. тем памятникам, которых мы включили в отдельную археологическую культуру, условно названную зандакской.

В погребальных комплексах Берикейского могильника встречены кости животных и составной кремневой серп, указывающие на хозяйственные занятия населения, оставившего могильники. Среди предметов материальной культуры памятника имеются изделия, свидетельствующие о контактах древних берикейцев с населением Закавказья и Ближнего Востока (форма миниатюрного лощеного горшка, зооморфный сосуд, кувшин с цилиндрической шейкой в раструб, бронзовые булавки) и степных ираноязычных кочевников (инкрустация белой пастой резного орнамента на сосуде, ворворки и т. д.).

Берикейский могильник, характеризующий материальную культуру населения Северного Дагестана скифского времени и является важным памятником истории и культуры одной из слабоизученных эпох края. Его раскопки и последующее изучение позволит осветить многие сложные проблемы истории племен этого времени.

¹⁶ Круглов А. П. Северо-Восточный Кавказ., с. 51—92; Марковин В. И. Дагестан и горная Чечня в древности. М., 1969, с. 30—41, 54, 55, 71.

¹⁷ Марковин В. И. Ук. соч., с. 69, рис. 30, 1—3.

¹⁸ Пикуль М. И. Дагбашский могильник. — Уч. зап. ИИЯЛ, 1961, т. IX, с. 298—319; Марковин В. И. Новые материалы по археологии Северной Осетии и Чечни. — КСИА АН СССР, 1964, № 98, с. 84—87, рис. 24, 25, 1—23; Давудов О. М. К вопросу о материальной культуре., с. 16—24; Козенкова В. И. Кобанская культура. Восточный вариант. М., 1977, с. 54, № 97, табл. XII, 6, 7; XXI: Виноградов В. Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный, 1972, с. 266.

Л. Г. НЕЧАЕВА, В. В. КРИВИЦКИЙ

ПОГРЕБЕНИЕ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ У СЕЛ. БЕРИКЕЙ

Палеоэтнографический отряд Северокавказской экспедиции Института этнографии АН СССР, занимавшийся в 1972 г. изучением составных дольменов Северного Кавказа, обследовал древний могильник у сел. Берикей Дербентского района ДАССР, где еще в 1939 г. Северокавказской экспедицией ИИМК АН СССР были исследованы три каменных ящика каякентско-хорочоевской культуры¹. Один из них обладал некоторыми конструктивными чертами, наблюдаемыми у дольменов Северо-Западного Кавказа (соединение плит гробницы с помощью специально вырубленных по их краям пазов).

Могильник расположен на восточной окраине сел. Берикей. По свидетельству местных жителей, при проведении различных строительных работ здесь нередко встречались древние могилы в виде каменных ящиков. Одна из таких могил была случайно обнаружена накануне приезда отряда в сел. Берикей. С нее были сняты плиты перекрытия каменного ящика, заполнение же погребальной камеры почти не было тронуто. Это погребение было доисследовано сотрудниками отряда².

Каменный ящик длиной 1,70, шириной 1 м, глубиной 0,80 м, ориентированный длинной осью по направлению С—Ю, был сооружен из плит ракушечника, хорошо обработанных внутри. Продольные стены состояли из двух плит (рис. 1, 1), торцовые — из одной. Три стены имели одинаковую высоту, а северная — была выше других на 20 см (рис. 1, 4); в верхней части южной плиты было просверлено изнутри воронкообразное отверстие диаметром 6 см, уходившее вглубь на 10 см, где оно сходило на нет (рис. 1, 2). Ракушечник непрочный, легко крошится.

¹ Круглов А. П. Северо-Восточный Кавказ во II—I тысячелетии до н. э. — МИА, 1958, № 68, с. 142—144.

² В расчистке погребения принимали участие Л. Г. Нечаева, В. В. Кривицкий, Л. Н. Козина.

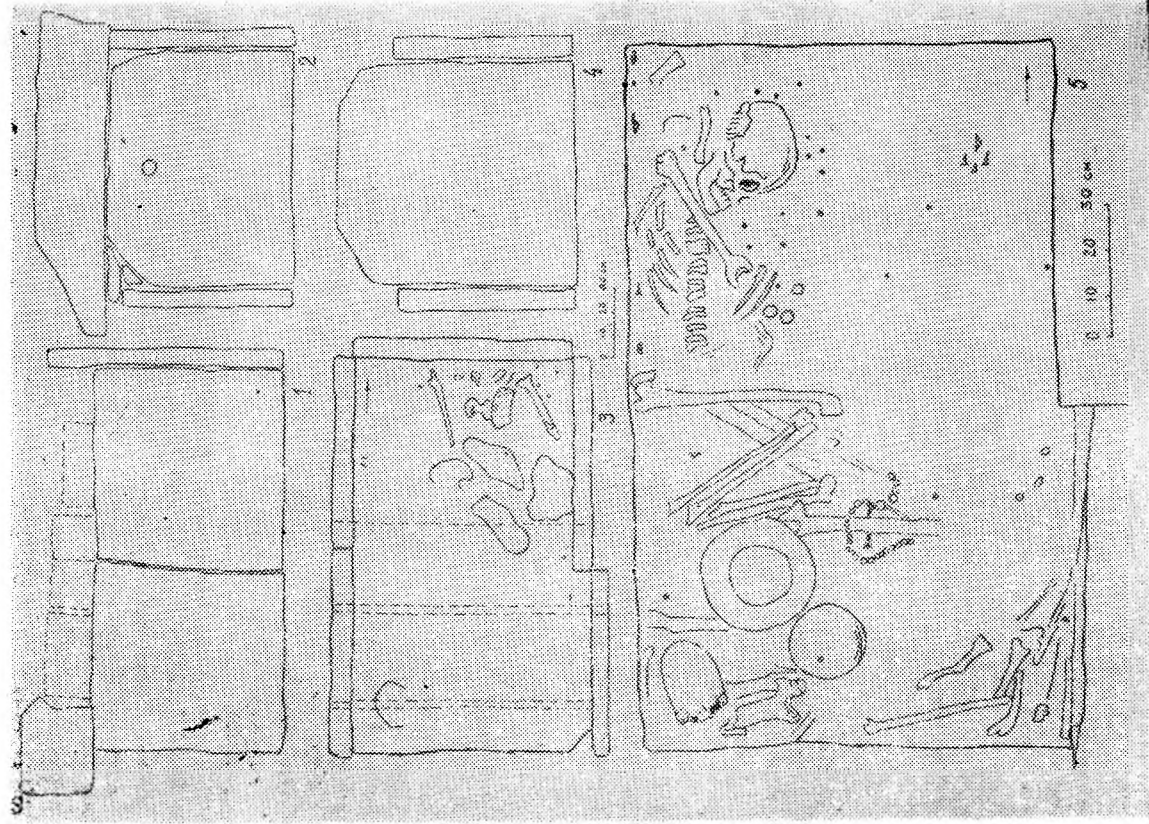

Рис. 1. Каменный ящик.

Для перекрытия использовались крупные скальные обломки и плиты более твердых пород. Перекрытие, судя по вывороченным плитам и гнездам от них в обресе канавы, состояло не менее, чем из 5 плит, из них лишь одна плита находилась *in situ* (одна из плит перекрытия не сохранилась, по уверению местных жителей, ее и не было, когда ящик был обнаружен). Как выяснилось при расчистке, дно могилы было засыпано песком, вперемешку с гальками, наиболее крупные из которых (0,4 × 0,2 м) были уложены вдоль стен каменного ящика, предохраняя их от заваливания внутрь; этот слой (толщиной 0,1—0,15 м) и являлся дном погребальной камеры.

В глинистом заполнении ящика найдены обломки не менее трех разбитых сосудов. Один из них — темносерый из плотной чистой глины горшок шаровидной формы с плоским дном и широким, отогнутым наружу венчиком. По плечикам орнаментирован двумя горизонтальными бороздками, между которыми расположено четыре прочерченных от руки волнистых бороздки. Сосуд сделан на гончарном круге (рис. 2, 2). Другой — коричневатого-серый толстостенный крупный сосуд с широким плоским дном; наружная поверхность заглажена, внутренняя — поздраватая, в выщербинках. Орнаментирован по тулову валиком с косыми насечками, над ним — неглубокие бороздки, нанесенные пальцами (рис. 2, 4). Третий — толстостенный лепной сосуд баночной формы коричневого цвета; снаружи поверхность обмазана жидкой глиной, на которой заметны косые бороздки от заглаживания пальцами, доходящие почти до борта сосуда, заканчивающего узкой — 1 см гладкой полоской у края (рис. 2, 3).

В заполнении ящика встречены также отдельные человеческие кости (большая берцовая, локтевая, тазовая) и отдельные предметы — бусинки и бисеринки, раковины-каури, костяной наконечник стрелы, железная коническая подвеска.

В ящике находилось два разновременных погребения. Первое из них оказалось сильно потревоженным более поздним захоронением, — костяк был сдвинут к южной стене (на месте сохранились лишь части ног), где в юго-западном углу они были сложены кучкой, на которую поставлен основанием полуразрушенный череп, обращенный лицом к югу (рис. 1, 3). Разница во времени между двумя погребениями была не очень большой, так как у первого погребенного еще не полностью разложились связки: несколько позвонков и крестец сохраняли естественное сочленение.

Никаких вещей среди остатков первого костяка не оказалось. Может быть его сопровождали сосуды (или часть их), обломки которых были найдены в заполнении могилы.

Второй костяк занимал большую часть могилы, размещаясь в основном в северной ее стороне вдоль западной стенки, в скорченном по-

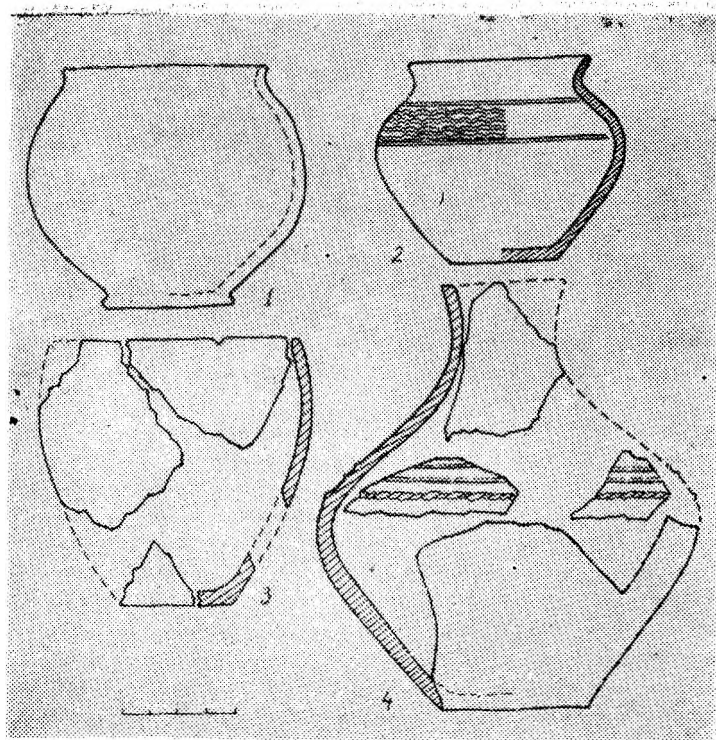

Рис. 2. Керамика из Берикейского каменного ящика

ложении, на левом боку, головой на север, лицом на юго-восток (голова скатилась к груди); кости согнутых рук находились против грудной клетки, скорченные ноги заходили коленями на кости ног первого погребенного (рис. 1, 5).

Второго погребенного сопровождало довольно значительное количество вещей — украшений и бытовых предметов. В ногах, у голени стоял большой красноглиняный лепной горшок с шаровидным туловом и плоским, несколько выступающим дном, небольшим, слегка отогнутым венчиком (рис. 2, 1). В заполнявшей его земле оказалось две бараньих бабки. Рядом с сосудом находилась деревянная миска, от которой уцелела часть обмазки из битума, покрывавшей ее борт (миска прилегалa к куче костей первого погребенного, но находилась на одинаковом уровне с костями второго погребенного человека и сопровождающими его вещами). Другие находки — это в основном железные и кос-

тяные поделки различного назначения. Среди них — железный нож с прямой спинкой и закругленным лезвием (рис. 3, 1), преднамеренно согнутый посередине (неподалеку оказался также брусковидный камень, но он не имеет четких следов сработанности и возможно был положен в могилу как заготовка для точильного бруска). За спиной погребенного лежало 6 костяных наконечников стрел пирамидальной формы, один — трехгранный, остальные — четырехгранные. Трехгранный наконечник с выступающей втулкой, грани его имеют шиповидное окончание (рис. 3, 2). Один из четырехгранных наконечников также имеет слегка выступающую над основанием втулку, грани заточены (рис. 3, 3). Все это придает ему сходство с бронзовыми трехгранными скифскими наконечниками стрел. Остальные наконечники стрел имеют в основании выемки, что превращает концы граней в шипы (рис. 3, 4). Отмеченные вариации форм берикейских наконечников невелики, все они, по-видимому, более или менее точно воспроизводят скифские бронзовые прототипы.

В ногах около колен находилась железная цепь с двумя бронзовыми ворворками — подвесками³. Ее длина (в кусках) около 40 см, расстояние между ворворками вероятно достигало 20 см. Звенья цепи длиной 2—2,5 см, сечение железного стержня — 0,5 см. Обе крупные ворворки (длина 3,5 см, диаметр внизу — 1,5 см), вероятно, соединялись с цепью кожаными ремешками (рис. 3, 5, 5а). Помимо того, здесь же обнаружены еще две ворворки — костяная и железная (рис. 3, 6, 7).

Своеобразны три небольшие костяные поделки. Две из них имеют грибообразную форму (рис. 3, 8, 9), их полусферические головки залощились от употребления, в то время как цилиндрический стержень с нарезками остался шероховатым; у третьей стержень отделен от конической головки неглубокой бороздкой (рис. 3, 10). Возможно, эти предметы использовались для крепления ремней.

Обращает внимание железная туалетная ложечка. Ее полусферический «черпак» (диаметр 2,5 см) переходит в сравнительно короткий, заостренный на конце стержень (рис. 3, 11), который возможно вставлялся в деревянную рукоятку. Ложечка находилась рядом с кистями рук или, может быть, даже была вложена в руки погребенного, словом, была положена так, чтобы она была всегда «под рукой». Вероятно, это — важная деталь туалета той эпохи.

При погребении сохранилось довольно много украшений. Это — ожерелье из 17 раковин-каури и 7 местных морских каспийских раковин (рис. 3, 12, 13), 4 сердоликовых бусин: две плоские пиленные и две — шаровидные (рис. 3, 14), 2 биконических бусин из зеленовато-

³ Цепь находилась под уцелевшей бедренной костью первого костяка.

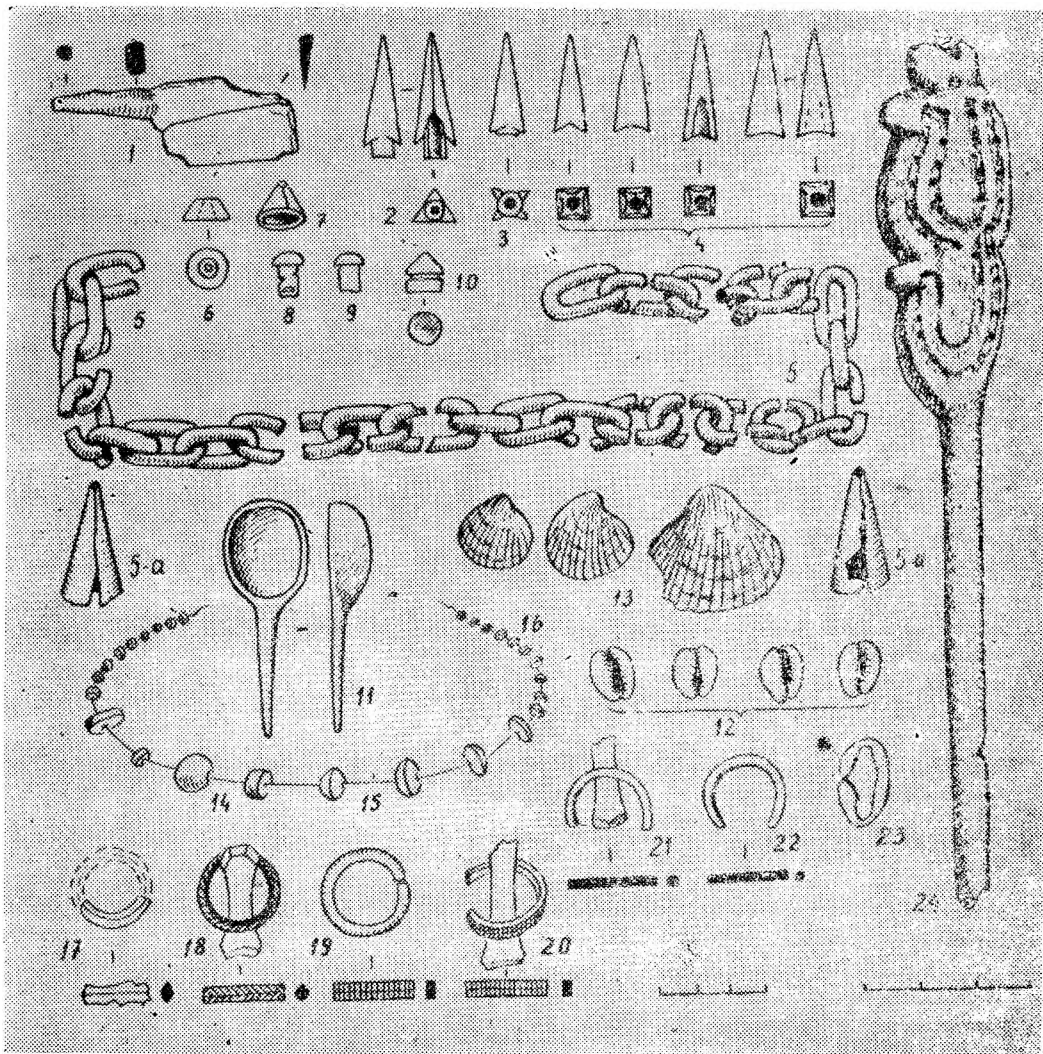

Рис. 3. Погребальный инвентарь из Берикейского каменного ящика.

1 — нож. 2—4 — наконечники стрел. 5 — цепь с ворворками. 6—7 — ворворки. 7—10 — штифты. 11 — туалетная ложечка. 12 — раковины-каури. 13 — раковины каспийские. 14—16 — бусы. 17—22 — кольца. 23 — височное кольцо. 24 — булава с зооморфным навершием (1, 5, 7, 11, 19—22 — железо, 2—4, 6, 8—10, 24 — кость, 5а, 17, 18, 23 — бронза, 14 — сердолик, 15 — стекло, 16 — паста, 17 — сплав олова и свинца?).

го стекла, 2 пастовых тоже биконических бусин, белого и зеленоватого цвета (рис. 3, 15), а также пастового бисера белого и коричнево-красноватого цвета, крайне непрочного; удалось собрать только 19 штук (рис. 3, 16).

Пальцы рук были украшены кольцами из бронзы, железа и серого сплава (олово и свинец?). От кольца из серого сплава уцелело несколько обломков, по которым можно установить, что оно сделано из подтреугольной в сечении пластинки шириной 8—9 мм, толщиной до 3 мм (рис. 3, 17).

Одно из бронзовых колец изготовлено из пластины ромбического сечения. Снаружи нанесен орнамент «в елочку», сходящуюся на ребре; дополнительные насечки в поперечном направлении местами превращают елочку в ромбическую сетку. Наружный диаметр кольца — 2,5 см; концы плотно сомкнуты (рис. 3, 18).

Второе бронзовое кольцо сделано из пластины прямоугольного сечения шириной 4—5 см, толщиной 2 мм. Внутренний диаметр 2 см, концы плотно сомкнуты, один из них несколько уже другого. Снаружи нанесен орнамент в виде продольной линии посередине и поперечных насечек, расположенных близко друг к другу (рис. 3, 19). Такой же орнамент был нанесен и на одном из найденных здесь же железных колец.

Четыре железные кольца сохранились не полностью из-за коррозии. Одно из них сделано из прямоугольной в сечении пластины шириной около 4 мм, толщиной 1,5 мм; диаметр 2 см. Орнамент в виде продольной линии и поперечных насечек менее глубок, чем на бронзовом кольце, насечки расположены чаще (рис. 3, 20). Кольцо найдено непосредственно на фаланге пальца руки. Другое железное кольцо было также надето на фалангу пальца руки. Его внутренний диаметр 1,8 см (в окислившемся виде) (рис. 3, 21). Еще одно железное колечко (внутренний диаметр 1,7 см) было изготовлено из прямоугольной в сечении пластинки шириной 4 мм, толщиной 2—2,5 мм; несомкнутые концы суживаются и более чем на 0,5 см не доходят друг до друга (рис. 3, 22).

Височное кольцо овальной формы (длиной 2,4 см, шириной 1,6 см) сделано из медной проволоки диаметром 3,5 мм. На вершинах овала проволока утончена, концы ее сомкнуты посередине продольной стороны овала (рис. 5, 23).

В художественном отношении наиболее интересным предметом берикейского погребения является костяная булавка, найденная в области плеча и затылка погребенного. Булавка имеет плоское весловидное навершие, которому придана форма фигуры лежащего животного (рис. 3, 24). Общая длина булавки свыше 11 см (кончик острия не сохранился), размеры зооморфного навершия: длина 4,5 см, ширина 2 см.

При всей условности и схематизме данного изображения нетрудно

заметить, что древний художник — косторез стремился реалистически передать некоторые характерные особенности фигуры животного из породы кошачьих: мягко изогнутой спины и подобранных под туловище пластичных лап. Это впечатление усиливается трактовкой головки: над заостренным овалом торчат нависающие вперед уши, что почти натуралистически передает черты морды кошачьего, внимание которого направлено вперед. Однако рот даже не намечен, а глаз обозначен с левой стороны в виде глубокой ямки — «точки». Поза животного выразительно подчеркнута орнаментом в виде глубоких желобков с врезанными в них ямками, окаймляющим туловище животного и его лапы.

Как известно, моделировка фигурок животных с помощью углубленных и выпуклых линий, кружков, точек и завитков, иногда повторяющих контур плоской скульптуры, а иногда выделяющих отдельные части тела и усиливающих мускулатуру, силовые и магические качества изображаемого животного, широко практиковалась в изделиях скифского звериного стиля. Классические образцы его представлены, например, костяными гребнями курганов у с. Гойты⁴ и находками предметов скифского стиля в других памятниках Северо-Восточного Кавказа⁵. Однако на берикейской булавке морда животного лишена изображения клыков или зубов — этого неперменного атрибута кошачьих в скифском искусстве, поэтому животное не производит впечатления грозного, ловкого и коварного кошачьего хищника; немоделированная морда гораздо ближе местной северокавказской металлической пластике⁶. Все это позволяет считать берикейскую булавку продуктом творчества местного мастера. Черты скифского звериного стиля, наложившиеся на местную основу — дань «скифскому» звериному стилю, получившему столь широкое распространение в Восточной Европе и Азии в скифское время. Принадлежность же погребения скифскому времени не вызывает сомнений.

Не противоречит такой датировке и остальной инвентарь из рассматриваемого погребения. В частности, костяные и железные ворворки, железная цепь с прикрепленными к ней бронзовыми ворворками-подвес-

⁴ Марковин В. И., Мунчаев Р. М. Археология Чечено-Ингушетии в свете новейших исследований, КСИА 1965, № 100, с. 45, рис. 17, 1; Виноградов В. Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный, 1972, с. 323, рис. 7, 1—3.

⁵ Виноградов В. Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963, с. 20—35, рис. 4—7; его же. Центральный и Северо-Восточный Кавказ..., рис. 2—5; рис. 7, 4—7; Пикунь М. И. Эпоха раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1967, с. 70, рис. 16, 37.

⁶ Виноградов В. Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ..., рис. 14, 18; рис. 23, 12, рис. 30, 20, 21; ср. также изображения головы волка на рис. 30, 23, рис. 62, 6.

ками, вероятно, являвшиеся принадлежностью конской сбруи, находят себе аналогии в дагестанских памятниках этого времени⁷.

Костяные наконечники стрел берикейского погребения по абрису и пропорциям близки скифским бронзовым трехгранным наконечникам. Подобные же наконечники стрел широко применялись в ту пору и в других частях Северного Кавказа. Причем и здесь многие из них чрезвычайно напоминают скифские трехгранные бронзовые наконечники стрел. Как полагают некоторые исследователи, они могут считаться местным вкладом в вооружение кобанцев и соседних им номадов Предкавказья и Поволжья⁸.

Особый интерес представляет керамика из берикейского каменного ящика. Среди найденных здесь сосудов представлен баночный горшок с обмазанной жидкой глиной наружной поверхностью (рис. 2, 3), который по своей форме и характеру отделки весьма близок подобным же сосудам, широко встречавшимся в дагестанских памятниках эпохи бронзы⁹ и скифского периода¹⁰. Остальные сосуды из данного комплекса характерны в основном для скифского периода. Это в равной мере относится и к сосуду с «веревочным» орнаментом (рис. 2, 4), находящему себе параллели в керамике Макинского могильника¹¹, и к двум тщательно выделанным горшочкам (рис. 2, 1, 2 — последний, вероятно, изготовлен с помощью гончарного круга), также имеющим аналогии в памятниках Северо-Восточного Кавказа VII—IV вв. до н. э.¹²

Все сказанное позволяет отнести Берикейский каменный ящик к скифскому времени и предварительно датировать VI—V вв. до н. э. Он несомненно является памятником исконно местного населения Дагестана, поддерживавшего оживленные контакты со степными племенами скифо-савроматского мира и с населением соседних районов Закавказья.

⁷ Пикуль М. И. Эпоха раннего железа..., с. 69—70.

⁸ Виноградов В. Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ..., с. 52, 98.

⁹ Смирнов К. Ф. Археологические исследования в районе дагестанского сел. Тарки.— МИА, 1951, № 23, с. 248; Пикуль М. И. Раскопки на Сулаке в 1955 г.— МАД, 1959, т. I, с. 163.

¹⁰ Пикуль М. И. Эпоха раннего железа..., с. 27; Давудов О. М. Культуры Дагестана эпохи раннего железа. Махачкала, 1974, с. 59.

¹¹ Котович В. Г. Новые археологические памятники Южного Дагестана.— МАД, 1959, т. I, с. 142—143, 145.

¹² Давудов О. М. К вопросу о материальной культуре и производстве древнего Дагестана. Махачкала, 1968, с. 21; его же. Культуры Дагестана..., с. 60—62; Виноградов В. Б., Маркович В. И. Могильник «Яман-Су» на границе Чечни и Дагестана.— АЭС, Грозный, 1968, т. II, с. 168.

О. М. ДАВУДОВ

К ДАТИРОВКЕ НЕКОТОРЫХ ФОЛЬКЛОРНЫХ СЮЖЕТОВ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА

Некоторые фольклорные сюжеты, отражающие следы мировоззренческих представлений наших далеких предков, могут быть лучше поняты и интерпретированы при сопоставлении с археологическими материалами. В данной статье мы пытаемся определить время возникновения некоторых дагестанских фольклорных сюжетов в сопоставлении их с сюжетами, запечатленными на хорошо датированных предметах древней металлопластики.

Сюжеты многих дагестанских сказок, таких, как, например, аварской — «Айгурил Али», лезгинской — «Семиаршинный богатырь Зулу-ма-Магома», свидетельствуют о сложных космогонических представлениях своих создателей, имеющих определенное понятие о трехчастном делении мира. Герои этих сказок совершают подвиги, перемещаясь между тремя мирами. Их помощниками, связными между этими мирами выступают животные — кони, бараны и могучая, чудесная птица «канква»¹.

Возникновение представлений о трехчастном делении мира связывается с началом процесса социального расслоения общества². Складываясь в широком ареале становления производящей экономики, представления эти, благодаря постоянным связям, отмечаемым между Ближним Востоком, Кавказом и Дагестаном с глубокой древности³, получили здесь широкое распространение в эпоху становления раннеземледельческих культур. Примерно в это же время распространяются они и у племен трипольской культуры⁴, а также в неолитических культурах Греции, Болгарии, Югославии, Венгрии, Румынии и Чехослова-

¹ Аварские сказки. М., 1965, с. 179—182; Сказки народов Дагестана. М., 1965, с. 64—67.

² Аппсимов А. Ф. Этапы развития первобытной религии. М.—Л., 1967, с. 127, 128.

³ Бадер Н. О. Варианты культуры Кавказа конца верхнего палеолита и мезолита.—СА, 1965, № 4, с. 3—16; Гаджиев М. Г. Новые данные о южных связях Дагестана в IV—III тысячелетиях до н. э.—КСИА АН СССР, 1976, № 108, с. 55—61.

⁴ Рыбаков Б. А. Космогония и мифология земледельцев энеолита.—СА, 1965, № 2, с. 19, 22.

кий⁵. На Кавказе, в том числе и в Дагестане, изображения, отражающие эти представления, появляются на керамике куро-араксинских памятников⁶. На Северном Кавказе мотивы, связанные с представлениями о подобном миропостроении, известны на предметах металлопластики архаической культуры⁷. Среди этих изделий имеются подвески с отверстием в центре⁸, которые А. А. Миллер интерпретировал как передачу идеи о свойстве неба и проходе в «мир иной». В Дагестане представления о трехчастном построении мира документированы и позже. Так на Макинском могильнике VII—IV вв. до н. э. найдена обкладка меча⁹, на которой последовательно друг за другом изображены три зоны, в первой из которых помещены оббегающие спиральки, символизирующие небо с движущимся по нему солнцем, во второй — волнистая линия — идеограмму воды, символизирующую преисподнюю и в третьей — растения с цветами, символизирующие землю. Обкладка меча с аналогичными изображениями происходит и из Скифии¹⁰.

Распространенный в дагестанском фольклоре сюжет о птице «канк-ва» находит аналоги в древнем индо-иранском мире, где подобная птица известна под названием Гаруда-Шьена («Ригведа»)¹¹ или Саена-Синмург. Встречается этот образ и в фольклоре Армении (Синама птица), курдов (Сумыр), а также народов Северного Кавказа (птица, орел, маконда и т. п.). Раскрытию образа этого существа посвятила свою статью К. В. Тревер¹².

Иранская птица в авестийской традиции наделена теми же чертами, что и Гаруда индийской мифологии: над высокими горами парит огромная «птица Саена», связанная с чудесным растением бессмертия. Она постоянно враждует со змеями. Зороастрийские тексты называют Саену птицей, но описывают ее как имеющего зубы хищника и некоторые другие черты зверя «о трех естествах»¹³. По этой традиции вырисовы-

⁵ Монгайт А. Л. Археология Западной Европы. М., 1975, с. 205—247.

⁶ Мунчаев Р. М. Кавказ на заре бронзового века. М., 1975, с. 169, 170, рис. 6.

⁷ Круглов А. П., Подгаецкий Г. В. Долинское поселение у г. Нальчика.— МИА, 1941, № 3, с. 166—169, рис. 33, 6; Деген Б. Е. Курганы в Кабардинском парке г. Нальчика.— МИА, 1941, № 3, с. 264, 265, рис. 34, 2, 3, рис. 35, 1, 2, рис. 37, рис. 39, 1; табл. XII, 5, табл. XIV, 6, 16, табл. XV, 2—4.

⁸ Круглов А. П., Подгаецкий Г. В. Долинское поселение..., рис. 33, 1; Деген Б. Е. Курганы..., рис. 35, 4—7, рис. 36, 1—4, 12, рис. 39, 10.

⁹ Котович В. Г. Новые археологические памятники Южного Дагестана.— МАД, 1959, т. I, с. 143, табл. VII, 24.

¹⁰ Древности Геродотовой Скифии. Альбом. СПб., 1872, вып. II, табл. XXIV.

¹¹ Ригведа. Избранные гимны. М., 1972, с. 143; Мифы древней Индии. М., 1975, с. 34—38, 209, 210.

¹² Тревер К. В. Собака-птица: Сэнмурв и Паскудж.— ИГАИМК, 1933, № 100, с. 293—328.

¹³ Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А. От Скифии до Индии. Загадки истории древних ариев. М., 1971, с. 42, 53, 68, 69, 93—98.

вается облик существа до деталей — аналогичного с канквой дагестанских сказок и пакондзом, орлом сказок народов Северного Кавказа. Наиболее ранние изображения подобной птицы К. В. Тревер находит на обложке ножен из скифского кургана у ст. Елизаветовской и на пластинке из IV Семибратного кургана. Эти изображения связаны с ахеменидским искусством Ирана. Позже они встречаются на предметах материальной культуры сасанидского Ирана и подвластных ему территорий, в том числе Кавказа¹⁴. Почти на всех этих предметах птица эта изображена как полуживотное-полуптица, в большинстве случаев с поверженным змеем.

На территории Чечено-Ингушетии встречены фигурные пряжки VI в. до н. э.—IX в. н. э., известные в литературе как истисуйские¹⁵. В толковании изображений этих пряжек мы полностью разделяем точку зрения О. А. Артамоновой-Полтавцевой¹⁶ и считаем, что они передают образ птицы. Пряжки состоят из трех элементов, соединенных между собой цепочками: собственно щитка пряжки, изображающего тело птицы с распростертыми крыльями, трапецевидной пластинки — хвоста птицы и круглой бляшки, символизирующей солнце. Хвосты птиц на истисуйских пряжках аналогичны хвостам симургов — Сэнмурвов ахеменидско-сасанидского круга. Выгравированная на пряжках композиция — расположение зверей по сторонам геометрической фигуры, связанная с идеей «древа жизни» — указывает на связь птицы с чудесным растением бессмертия. Эти графические изображения на пряжках, ви-

¹⁴ Тревер К. В. Собака-птица..., с. 293—328; Кузнецов В. А. Путешествие в древний Иристон. М., 1974, с. 39—44, рис. на с. 42.

¹⁵ Артамонова-Полтавцева О. А. Культура Северо-Восточного Кавказа в скифский период. — СА. 1950, т. XIV, с. 79—95; Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, табл. XXII, XXIII, 1; Мунчаев Р. М. Луговой могильник. — В сб.: Древности Чечено-Ингушетии. М., 1963, с. 181, 182, 207, рис. 24, 2, 3, рис. 26, 1; Виноградов В. Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный, 1972, с. 218, 219, 260, 261; Багаев М. Х. Раннесредневековые птицевидные бляхи из Данского могильника. — В сб.: Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973, с. 200—205; Козенкова В. И. Предметы из Ца-Ведено середины I тысячелетия до н. э. — Там же, с. 149—158; Кривицкий В. В. О бронзовых поясных фигурных бляхах «типа Исти-су» VI—V вв. до н. э. — В сб.: Археология и вопросы этнизма. Грозный, 1977, с. 18—24.

¹⁶ Артамонова-Полтавцева О. А. Культура Северо-Восточного Кавказа..., с. 79, 80; Крупнов Е. И. поддержал точку зрения О. А. Артамоновой-Полтавцевой (Крупнов Е. И. Древняя история..., с. 369). В. Б. Виноградов, разделяя взгляды исследователя на семантику изделий, выводит их от дигорских пряжек предскифского времени с головами животных (Виноградов В. Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ..., с. 218, 219). В. В. Кривицкий полагает, что пряжка представляет богиню плодородия и земледелия в образе огромной птицы, а также изображение трех миров — водного, земного и небесного (Кривицкий В. В. Указ. соч., с. 22—23).

димо, передают свойства птицы: изображения на крыльях геральдически расположенных зверей — вторую природу существа, сочетающего в себе черты зверя и птицы; солярные знаки, зигзаги, треугольники и ромбы — это три мира, связным между которыми мыслилось это существо. Подобными же приемами передана идея двухприродности изображенного существа на зооморфных пластинках, встречаемых в большом количестве в Северо-Восточной Европе, Урале и Зауралье. На этих пряжках изображены или птицы или птицеобразные существа с выгравированными на спинах лицами или полной фигурой человека¹⁷, похожие на тех, какими рисуются Симурги. Следует указать на наличие собакообразных изображений типа тех, что выгравированы на крыльях птицы — пряжек истисуйского типа и на других предметах материальной культуры Кавказа конца II — первой половины I тысячелетий до н. э.¹⁸ Причем туловища многих из них украшены солярным орнаментом — деталью, связывающей изображение этого существа с солярным культом. Если верно наше представление о связи истисуйских пряжек с образом связного между мирами — симургом-канквой, то изображение собакообразного зверя на кобанских древностях может передавать и другую природу фантастического существа.

Интересна и датировка сюжета с образом Канквы-Симурга.

По мнению Г. М. Бонгард-Левина и Э. А. Грантовского, мифы Авесты и Ригведы передают единую древнейшую традицию, восходящую к общераийскому периоду¹⁹. Народы Кавказа вступили в контакт с индоевропейцами довольно рано, но археологические материалы, связанные с образом чудесной птицы-зверя, на Кавказе появляются лишь в конце II — начале I тысячелетий до н. э. Кавказские древности, вероятно, свидетельствуют о том, что это существо тогда интерпретировалось как фантастический полужверь-полуптица. В современном же фольклоре оно выступает в образе чудесной птицы. По мнению К. В. Тревер, собачьи черты оно утратило с победой мусульманства²⁰. Дагестанское название птицы канква созвучно с арабским анква. Это указывает на контaminaцию арабской формы сказки на традиционную дагестанскую, или общекавказскую.

В фольклоре народов Дагестана конь также выступает связным между тремя мирами. Герой обычно совершает подвиги на трех конях:

¹⁷ Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А. В поисках скифского эпоса. — Курьер ЮНЕСКО, январь, 1977, с. 47.

¹⁸ Миллер А. А. Изображения собаки на древностях Кавказа. — ИГАНМК, 1922. II, с. 287—324.

¹⁹ Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А. От Скифии до Индии., с. 94.

²⁰ Тревер К. В. Собака-птица... с. 303, 322.

белом, черном и гнедом, соответствующих цвету каждого из трех миров. Отчетливо проявляется здесь идеализация коня: он — помощник и советчик человека, его заступник, летает, перескакивает через море, допрыгивает до замка, где сидит красавица-царевна²¹.

До недавнего времени фольклорные сюжеты, связанные с культом коня, датировались временем взнуздания коня для верховой езды: в Закавказье это XI—IX вв. до н. э., а на Северном Кавказе — IX—VIII вв. до н. э. Археологические открытия последних лет вносят существенные коррективы в наши представления об этом.

В сказаниях выступают сюжеты, где конь не только тесно связан с подвигами героя, но и изображается почитаемым животным. Культ коня на Восточном Кавказе появился в конце II—начале I тысячелетия до н. э. и продолжал бытовать в раннем средневековье. Ритуальные захоронения коня или отдельных его частей найдены на Серженюртовском, Зандакском, Ямансуйском, Балансуйском могильниках Чечено-Ингушетии²², Мугерганском, Хабединском, Сумбатлинском, Курклинском, Гоцатлинском и др. могильниках Дагестана²³. Встречены конские захоронения и на территории Закавказья и Ирана XIII—VIII вв. до н. э.²⁴ Образ коня популярен на предметах керамики и металлопластики Закавказья и Северного Кавказа²⁵. Из окрестностей селений Согратль Гунибского района, Гагатль Ботлихского района и озера Орзен Цунтин-

²¹ Аварские сказки, с. 190, 216, 217, 227, 229, 266, 281—287, 312, 315, 322. Сказки народов Дагестана, с. 88—89, 100, 133, 189, 196, 215—218.

²² Маркович В. И. Дагестан и горная Чечня в древности. М., 1969, с. 93; его же. Новые материалы по археологии Северной Осетии и Чечни.— КСИИ, 1964, № 98, с. 84—87; Козенкова В. И. О раскопках Серженюртовского могильника в Чечено-Ингушетии. АО—1969, М., 1970, с. 96.

²³ Пикуль М. И. Эпоха раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1967, с. 40, 124, 126, 127, 131, 132; Котович В. Г., Магомедов М. Г., Маммаев М. М. Раскопки в Кулинском районе Горного Дагестана. АО—1968, М., 1969, с. 121; Давудов О. М. Археологические работы в горах Дагестана. АО—1969, М., 1970, с. 100—101; его же. Раскопки Сумбатлинского могильника. АО—1970, М., 1971, с. 126—127.

²⁴ Погребова М. Н. Иран и Закавказье..., с. 114—137.

²⁵ Уварова П. С. Могильники Северного Кавказа.— МАК, 1900, вып. VIII, с. 67, табл. XXI, 8; табл. XXXVIII, 5; табл. XI, 2; Смирнов Я. И. Ахалгорский клад. Тифлис, 1934, с. 60—61; Лукин А. А. Археология Бзыбской Абхазии.— Тр. ОИПКГЭ, 1941, т. I, с. 70—71; Куфтин Б. А. Материалы к археологии Колхиды. Тбилиси, 1949, т. I, с. 243—246; его же. Материалы к археологии Колхиды. Тбилиси, 1950, т. II, с. 200—218; Пиотровский Б. Б. Ванское царство. М., 1950, с. 151—157, рис. 16—20, 40; Есаян С. А., Мнацаканян А. О. Находки новых бронзовых статуэток в Армении.— СА, 1970, № 2, с. 162, рис. 5, 2, 4, 6, 8, 10, 12, с. 166, рис. 6, 1—4; Техов Б. В. Центральный Кавказ в XVI—X вв. до н. э. М., 1977, с. 172—173, рис. 115, рис. 116, 2, 3; Hançar F. Ross and Reiter Urgeischichtlicher Kaukasus.— In: Jahrbuch für Prähistorische und ethnographische Kunst, 1935; idem. Das Pferd in prähistorischer und früher historischer Zeit.— In: Wiener Beiträge zur kulturgeschichte. Wien und München, 1953, XI; idem. Kaukasus-Luristan.— ESA, 1930, IX, Abb. 30, 31.

ского района Дагестанской АССР происходят бронзовые статуэтки коней, отлитых по восковым моделям с применением формовочной массы²⁶. Из Дагестана происходит навершенie с двумя всадниками. Оно хранится в Отделе Востока Эрмитажа (инв. № 13, 761)²⁷. Как техника исполнения, так и иконографические особенности изделий позволяют отнести их к концу II—началу I тысячелетий до н. э.²⁸ С Аркаесского городища происходит головная булавка с навершенiем в виде геральдически расположенных конских голов. Датируется эта булавка VIII—VI вв. до н. э.²⁹ Кони, расположенные друг против друга в геральдической позе, в массовом количестве встречаются в Горном Дагестане эпохи раннего средневековья и отчасти железного века. На бежтинских пряжках, ранние образцы которых восходят к эпохе раннего железа, они расположены мордами друг к другу либо по сторонам «древа жизни», либо без него. На сюльгамообразных ранне-средневековых пряжках они обращены в противоположные стороны³⁰. В первобытном отделе Эрмитажа хранится изделие из Дагестана (сел. Кидеро, инв. № 2092-1) в виде фигурки коня со всадником. Конь передан в профиль и опирается* погами на основание с пятью петлями-отверстиями, всадник обращен лицом и грудью в фас, правой рукой, украшенной браслетом, опирается на круп коня,

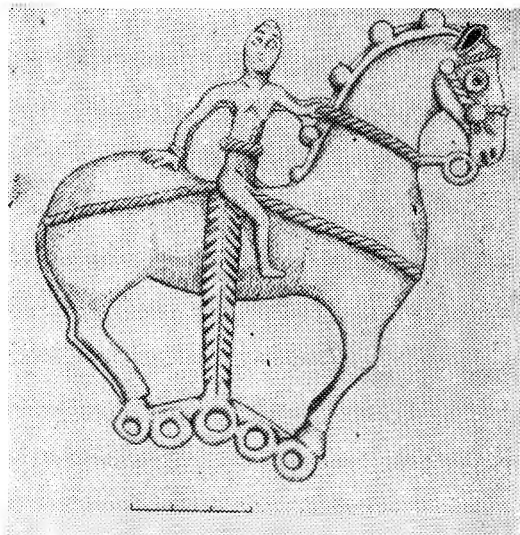

Рис. 1. Фигурка коня со всадником из окрестностей с. Кидеро.

²⁶ Круглов А. П. Культурные места горного Дагестана. — КСИИМК, 1946, XII, с. 38—40, рис. 15, 16; Мегрелидзе И. В. Археологические находки в Дидо. — СА, 1951, т. XV, с. 117, табл. 25, 1, 20, 21; Давудов О. М. Культуры..., с. 94, табл. XIV, 7—9.

²⁷ Кузьмина Е. Е. Навершие со всадниками из Дагестана. — СА, 1973, № 2, с. 178—190, рис. 1.

²⁸ Давудов О. М. Культура Дагестана скифского времени. Канд. дис. М., 1969. РФ ИИЯЛ, л. 269, ф. 3, оп. 3, инв. № 4012, с. 152—154; Кузьмина Е. Е. Ук. соч., с. 180—184; Ковалевская В. Б. Конь и всадник. М., 1977, с. 64, 65.

²⁹ Пикуль М. И. Эпоха раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1967, с. 16, 35.

³⁰ Атаев Д. М. Нагорный Дагестан в раннем средневековье. Махачкала, 1963, с. 123—133, рис. 15, 34, рис. 17, 14.

левой держит повод. Сбруя коня передана отчетливо: форму рельефной витой веревки имеют уздечки с поводом, подперсье и подхвостник. Поперечная полоса, украшенная елочным орнаментом, соединяющая основание изделия со спинкой коня под сиденьем всадника, видимо, передает одновременно мягкое седло и подпругу. Правая нога всадника, хотя и несколько согнута, не дает возможность говорить о наличии стремени. Всадник опоясан рельефным витым поясом (рис. 1).

Более мелкие фигурки коней с геометрическим выступом, украшенным елочными или косыми насечками на месте всадника, происходят из раскопок В. Г. Котовича в Урцеках и Таргу (катакомба 6 раскопа 9, 1974 г.), а также Д. М. Атаева в Аркасе³¹. Все эти фигурки имеют лицевую часть в виде барельефа и несколько вогнутые оборотные стороны, образовавшиеся за счет усадки металла (рис. 2, 1—3). Видимо, они отлиты в одностворчатых литейных формах и подвергнуты дополнительной обработке по холодному металлу. Фигурка коня со всадником из Кидеро близка такой же фигурке из могильника близ Кисловодска, особенно в передаче характерной позы всадника и сбруи коня. Это

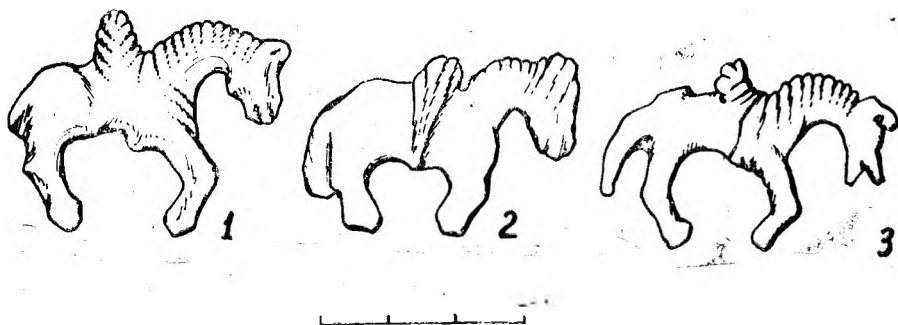

Рис. 2. Фигурки коней из Дагестана: 1 — Аркас; 2 — Урцеки; 3 — Таргу.

позволяет включить фигурку из Кидеро в первую группу по классификации Г. Афанасьева, датированную им VII—первой половиной VIII вв.³² Фигурка из Кидеро реалистичнее упомянутых фигурок, поэтому она должна хронологически предшествовать кисловодской фигурке. Фигурки из Урцеков, Аркаса и Таргу образуют одну типологическую группу. Комплекс с фигуркой из Таргу (катакомба 6 раскопа № 9,

³¹ Все они хранятся в фондах Института ИЯЛ. Фигурка из Урцеков опубликована М. М. Маммаевым (см. его: К характеристике металлообрабатывающего ремесла Урцецкого городища албано-сарматского и раннесредневекового времени.— Уч. зап. ИИЯЛ, т. 19, серия обществ. наук, 1969, с. 205, рис. 5, 22.

³² Афанасьев Г. Бронзовые фигурки всадников из аланских погребений Северного Кавказа.— СГЭ, 1973, XXXVI, с. 36—38, рис. 1—4.

1974 г.) В. Г. Котович датирует второй половиной VII—первой половиной VIII вв.³³

В комплексах албанского периода из Урцекского городища и могильника встречаются сосуды, ручки которых трактованы как фигурки коней³⁴.

Таким образом, приведенные археологические материалы свидетельствуют о появлении в Дагестане культа коня в конце II—начале I тысячелетий до н. э. и его последующем развитии вплоть до конца эпохи раннего средневековья. Причем в последнее время все большее признание получает точка зрения о распространении коневодства и культа коня вместе с миграцией индо-европейских племен — выходцев из районов Юго-Восточной Европы. Фольклорные сюжеты народов Дагестана, параллели которым можно встретить в индо-иранской среде, как будто, подтверждают эти выводы. Образы дагестанских летящего и солнечного коней³⁵ находят параллели в фольклоре и предметах материальной культуры индо-иранских племен³⁶. Изображения геральдически расположенных по сторонам «древа жизни» коней, характерные для Дагестана, встречаются и в сако-сарматском мире³⁷. Находка в Дагестане наваршия с двумя всадниками свидетельствует о том, что здесь в конце II—начале I тысячелетий до н. э. был распространен индо-иранский миф о двух братьях-близнецах диоскурах³⁸. Эти факты возможно отражают реальные контакты, возникавшие между древними дагестанскими и индо-иранскими племенами.

Бараны, также связанные в дагестанском фольклоре с космогонией имеют черный и белый цвета. Тот факт, что они начинают бой на заре, может быть воспринят как борьба света и тьмы, сил нижнего и верхнего миров, дня и ночи.

Изображения барана становятся наиболее популярны на предметах металлопластики и керамики в конце II—начале I тысячелетий до н. э. Из окрестностей г. Хасавюрта происходит случайно найденный браслет, разомкнутые концы которого трактованы как головы круторогих баранов с солярными знаками на лбу. По браслету идут две линии обтекаю-

³³ Пользуюсь случаем выразить свою благодарность В. Г. Котовичу за возможность использовать неопубликованные материалы из Урцеков и Таргу.

³⁴ Абрамова М. П. О керамике с зооморфными ручками.— СА, 1969, № 2, с. 78, рис. 3, 43, 44; Маммаев М. Знаки на керамике Урцекского городища.— МАД, 1973, т. III, рис. 1, 8.

³⁵ На бежтинских ажурных пряжках на теле и вместо глаз геральдически расположенных фигур коней изображены символы солнца-розетки.

³⁶ Кузьмина Е. Е. Конь в религии и искусстве саков и скифов.— В сб.: Скифы и сарматы. Киев, 1977, с. 96—104.

³⁷ Там же, с. 102.

³⁸ Кузьмина Е. Е. Наваршие., с. 188, 189.

ших спиралек, обрамленных линиями из полусферических выступов. В трактовке образа барана отчетливо проявляется его связь с солнцем и небом. В. И. Марковин датировал этот браслет 1700—1500 гг. до н. э. и относил к предметам северокавказской культуры³⁹. Однако, последние находки пластинчатых браслетов с зооморфными концами (Зандак и Сержень-Юрт), близких к хасавюртовскому образцу, но более стилизованных, диктуют иные даты. Р. М. Мунчаев датировал их началом I тысячелетия до н. э.⁴⁰ Этим же временем датировал их В. И. Марковин⁴¹. В. И. Козенкова генетически возводит их к браслетам из Трансильвании и датирует IX—VIII вв. до н. э.⁴² По нашему мнению, в конечном счете браслеты из Зандака и Сержень-Юрта восходят к наиболее реалистически исполненному браслету из окрестностей Хасавюрта. При этом мы допускаем, что трансильванские браслеты также генетически связаны с ранними образцами браслетов из Северо-Восточного Кавказа, в частности, с образцом из окрестностей Хасавюрта.

Подвеска в виде головы барана найдена и в погребении № 15 Зандакского могильника конца II тысячелетия—X—VIII вв. до н. э.⁴³

Изображения баранов характерны и для ажурных бежтинских пряжек, наиболее ранние образцы которых относятся к началу I тысячелетия до н. э.⁴⁴ Из сел. Карата Ахвахского района происходит цельнолитая объемная бронзовая статуэтка барана, относящаяся к скифскому времени⁴⁵.

Итак, образ барана широко представлен на предметах материальной культуры Закавказья и Северного Кавказа второй половины II тысячелетия до н. э.⁴⁶ Кости барана в большом количестве встречаются и в погребальных памятниках Кавказа, в том числе и Дагестана этого же времени. Возможно, в это время он был основным жертвенным живот-

³⁹ Марковин В. И. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы.— МИА, 1960, № 93, с. 49, рис. 18, 3.

⁴⁰ Мунчаев Р. М. Новые данные по археологии Чечено-Ингушетии.— КСИА, 1961, № 84, с. 58, 60, рис. 18, 3.

⁴¹ Марковин В. И. Новые материалы., с. 84, 87, рис. 25, 6.

⁴² Козенкова В. И. Связи Северного Кавказа с карпато-дунайским миром.— В сб.: Скифский мир. Киев, 1975, с. 55, 56, рис. 2, 9, 10.

⁴³ Марковин В. И. Новые материалы., с. 87, рис. 25, 2.

⁴⁴ Атаев Д. М. Поясные пряжки из нагорного Дагестана.— СА, 1962, 2, с. 149—156, рис. 3, 4; его же. Нагорный Дагестан., с. 123—133, рис. 15, 4; Давудов О. М. Еще раз о пряжках бежтинского типа.— В сб.: Древности Дагестана (МАД, т. 5). Махачкала, 1974, с. 106—120; рис. 25—28; 29, 30.

⁴⁵ Давудов О. М. Культуры., с. 94, табл. XIV, 5.

⁴⁶ Уварова П. С. Могильники., с. 25, рис. 30, 31; табл. IX, 1; Скалоп К. М. Изображения животных на сарматской керамике.— Тр. ОИПК ГЭ, 1940, т. I, с. 173 и сл.; Крупнов Е. И. Древняя история., с. 305, 363; Техов В. В. Центральный Кавказ., с. 175, 176, рис. 116, 1.

ным. Жертвоприношение почитаемого животного скорее всего было связано с представлением о баране как о проводнике души на том свете⁴⁷. Возможно, баран был связан и с идеей плодородия. На Тлийском могильнике статуэтка барана с подчеркнуто выраженными половыми признаками была найдена в погребении женщины⁴⁸.

Среди героических сказаний дагестанцев выделяются сюжеты, связанные с поэтизацией и обожествлением железа. В аварских сказках «Безносый всадник», «Черный нарт», «Красавица Ажнагухар», «Черная лиса», «Морской конь», в лезгинских сказках «Семь братьев», «Дочь бедняка и Чигали», в лакских сказках «Синяя птица», «Пастух и пастушка», герой, начиная долгий путь, надевает «железные чарыки», берет в руки «железный посох»; замки Змея сделаны из железа, дворцы обнесены железным забором, во дворе дворца установлен железный столб, опирающийся в небо⁴⁹. По этнографическим данным, собранным Г. Ф. Чурсиным в 20—30-х годах, народы Дагестана приписывали железу магическую силу, способную отразить людей от вредных влияний, от нападений злых духов, чар, колдовства и пр.: кинжал, шашку или ножницы употребляют в качестве талисмана и кладут их в изголовье детей, около роженицы и т. д.; чтобы черти и джины не трогали при прохождении через «нечистое поле», нужно размахивать обнаженным кинжалом. Чтобы обречь жениха на половое бессилие в первую брачную ночь, недоброжелатель или соперник вынимал кинжал из пожен и вкладывал его туда обратной стороной. Мать, у которой умирают дети, надевает браслет, откованный из девяти кусков железа — тогда, (по поверью аварцев), дети останутся живыми. Считалось, что железо, в частности подкова, приносит счастье⁵⁰.

Вероятно, представления о чудесной силе железа начали складываться в древнем Дагестане в период освоения производства железа, в начале I тысячелетия до н. э.

В дагестанских сказках встречается и сюжет, связанный с образом волка. Так, в аварской сказке «Черный нарт» девушка становится женой волка, оказавшегося впоследствии нартом⁵¹. В кумыкской сказке «Сорок юношей» волк — любовник девушки⁵². Вероятно, в своих истоках эти сюжеты были связаны с пережитками далеких тотемиче-

⁴⁷ Климович Л. И. Ислам. М., 1965, с. 234.

⁴⁸ Техов Б. В. Центральный Кавказ..., с. 175.

⁴⁹ Аварские сказки, с. 74, 224, 226, 236, 243, 313; Сказки народов Дагестана, с. 100, 138, 194, 168, 212, 218.

⁵⁰ Чурсин Г. Ф. Культ железа у кавказских народов.—ИКИАИ, Тбилиси, 1927, т. I, с. 68, 72—94; его же. Авары. Этнографический очерк.—РФ ИИЯЛ, д. 65, с. 32—75.

⁵¹ Аварские сказки, с. 217.

⁵² Сказки народов Дагестана, с. 126—136.

ских представлений. Однако, трудно определить, возникли ли эти сюжеты среди местных племен древнего Дагестана или были заимствованы у степных племен, у которых образ волка более популярен⁵³.

Среди археологических материалов Дагестана встречена бляшка, изображающая голову волка (в комплексе V в. до н. э. Хабадинского могильника). Более ранних материалов, связанных с образом волка, в Дагестане пока не известно.

Таким образом, рассмотренный выше материал позволяет утверждать, что некоторые сюжеты дагестанского фольклора находят отражение в сюжетах на хорошо датированных керамических комплексах и предметах металлопластики, что дает основание для постановки вопроса о начале их формирования еще в раннеземледельческий и последующие периоды, особенно в эпоху раннего железа.

instituteofhistory.ru

⁵³ Смирнов К. Ф. Савроматы. М., 1964, с. 227; его же. Савромаго-сарматский звериный стиль.— В сб.: Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976, с. 75, рис. 1, 2.

А. А. АЛИХАНОВА

ДРЕВНИЕ СЮЖЕТЫ В ПРЕДАНИЯХ АУЛА МЕКЕГИ

В селении Мекеги¹, как и в любом другом дагестанском селении, встречаются предания, связанные с народным толкованием патристических, социальных и морально-этических проблем (мораль, заключенная в них, приближает их к притчам), сюжеты мифологического характера, свидетельствующие о бытовании у предков теперешних даргинцев языческих верований, а также мотивы, указывающие на наличие связей с фольклором других народов (например, предание о богатыре Куругли отражает связи с фольклором тюркоязычных народов)².

Сюжеты мифологического характера позволяют познакомиться с мировоззрением их создателей, вскрывают практически почти неизвестные страницы древних пластов дагестанского фольклора и поэтому представляют значительный научный интерес.

В предлагаемой статье публикуется несколько таких сюжетов.

Сюжет первый — предание о женщине-куне.

«...Путник, возвращавшийся из леса, уже было прошел ущелье и достиг выхода из него, как из скал окликнула его удивительная женщина и попросила передать в аул весть:

Чьиришай к Гичьинай
Обращается, скажешь.
Анасхар Канасхара
Прикончил, скажешь,

¹ Мекеги — старинное селение в Левашинском районе с остатками крепостных стен вокруг верхней части. Время основания неизвестно. В окрестностях аула обнаружены стоянка эпохи мезолита и поселение эпохи ранней бронзы, III тысячелетие до н. э. Проживают даргинцы.

² Подробнее см.: Алиханова А. А. Слушая предания старины. Мифы и легенды, связанные с аулом Мекеги и его окрестностями. — Альманах «Гьалмагъдеш», 1974, № 2, с. 113—123 (на дарг. яз.).

Старец ранен, скажешь,
Хяни убит, скажешь,
Пальцы, подобные красному винограду,
Растрясти велела, скажешь,
Волосы, подобные красному шелку,
Рвать велела, скажешь,
Щеки, подобные ячменю-винограднике,
Расцарапать велела, скажешь...

Когда путник пришел домой (в других вариантах: «...вошел в крепостные ворота...» — А. А.), он рассказал о необычайной встрече в ущелье. Но он не кончил еще говорить, как из опорного столба, что стоял посреди сакли, раздался душераздирающий крик и из него вышла женщина, подобная той, которую он видел в скалах у выхода из ущелья — высокая, статная, большие груди ее были перекинута за плечи, а красные волосы, волной падающие с головы, покрывали ее тело до пят.

Сопровождаемая взглядами изумленных хозяев дома и сельчан, ушла она, криком своим наполнив село и ущелье.

Это была женщина-кьуне. Кьуне — это существа, которые видят людей, но их люди не видят. Места, в которых они обитают, священны.

Хозяева дома были люди с большой родней и хорошим достатком. Но с тех пор, как женщина-кьуне покинула их жилище, они лишились достатка, исчез их род...»³

Второй сюжет — предание о юноше-охотнике и старце-кьуне.

«...Двое юношей вышли после охоты из леса Къапираг. Один из них вернулся в лес, чтобы еще поохотиться за барсуком, а другой развел огонь и остался ждать товарища на опушке.

Вдруг к нему подошел мужчина преклонного возраста и попросил пожарить барсучье мясо. Юноша-охотник стал отрезать куски от туши, что висела рядом на дереве, жарить их на костре и кормить старца. Так прошло довольно много времени. Когда мясо закончилось, старец предложил юноше отдохнуть, и сам расположился на покой.

Было уже около полуночи. Юноша-охотник лег, завернувшись в бурку, но сон не шел к нему. Все думалось о товарище, который не вернулся из лесу. Да и незнакомец вызывал беспокойство. И вдруг юноша видит, что старец спит опершись на рог, выступающий у него со лба.

Юноша-охотник испугался, быстро взобрался на дерево и несколько раз выстрелил из ружья.

³ Сюжет впервые был услышан автором статьи в 1942—1943 гг. от Муртазалиевой Зубалжат, 1907 г. р. Текст записан в 1963 г. по рассказу Абакаровой Зизи, 1908 г. р. Здесь и далее перевод автора.

Старик встал, издавая страшные крики, кинулся к бурке охотника. И не найдя никого под ней, со стоном удалился.

Охотник вернулся из лесу под утро. А когда рассвело, юноши обнаружили следы крови. Пошли по следам, и они привели их к скалам, что были недалеке. Там оплакивали покойника: стоял плач, было декьо..⁴

Ровно через три года после случившегося умер и юноша-охотник, сраженный смертельной болезнью на том же месте, где три года назад он смертельно ранил старца-кьуне..⁵

Хотя в рассказе о юноше-охотнике и старце-кьуне и есть атрибут более поздних времен — ружье, это сюжет архаичный, вероятно, связанный с различными охотничьими табу.

В представлении мекегинцев кьуне — существа божественного происхождения, способные активно воздействовать на жизнь и судьбы людей. Говорят, что живут они под потолком, поселившись в центральной поперечной балке и в опорном столбе, будто в древние времена для кьуне специально пеклись калачики и папа⁶ и клались в постройках под потолок. Говорят, что для глаз взрослых они скрыты, но явны для «безгрешных» младенцев. Когда улыбается ребенок в люльке, говорят, что он улыбается кьуне. В случаях, известных в медицине под названием «мнимая беременность», говорят, что ребенок исчезает из утробы матери, потому что его уносят к себе кьуне. Дети, которых они «берут», считаются священными. Кьуне, в представлении народа, по своей воле зла людям не причиняют.

Таким образом, в мифологических сюжетах о кьуне некогда, быть может, богатых, но дошедших до нас лишь в крупницах, они изображались, как существа, родственные людям: живут под одной крышей с человеком, принимают ту же пищу, берут к себе их потомков как достойных продолжить свой род и дружат с людьми «открыто», пока те пребывают во младенчестве и еще «безгрешны», и даже оплакивают покойника, как люди. Значит, кьуне характеризуются как полу-люди и полу-божества, связанные с семейным очагом, семьей и родом человеческим.

Обращает на себя внимание так настойчиво подчеркиваемый в облике женщины-кьуне красный цвет: «пальцы, подобные красному винограду», «...волосы, подобные красному шелку...», «...красные волосы, волной падающие с ее головы...»?

⁴ Декьо — один из моментов ритуала оплакивания трагической смерти, принятого в обычаях сел. Мекеги.

⁵ Сюжет записан в 1972 году по рассказу Магомедовой Перзият, 1914 г. р. Она слышала это в детстве от отца.

⁶ Папа — мука, жареная на топленом масле, полуфабрикат к национальной халве, который следует еще подсластить.

По мнению В. Я. Проппа, основанному на анализе образа коня в русских сказках, красный цвет, олицетворяющий огонь, символизировал посредническую роль последнего в сношениях с «потусторонним» миром⁷.

Красный цвет в связи с женским образом встречается в лезгинском поверье об Алпаб, записанном в Касумкенте и опубликованном в конце XIX века. Но Алпаб, «на голове» у которой «красные волосы, покрывающие все ее тело до пяток», «ростом с трехлетнюю девочку» и «живет в тенистых лесах и зеленых лугах, у берегов прохладных родников, где она по временам моет свою красную голову хрустальной водой», связывается с нечистой силой. Она, «оказывается, «происходит из рода чертей», «очень зла и безжалостна», «всеми силами старается уничтожить род человеческий», для чего «проникает внутрь женщины во время родов, вытаскивает из нее легкие, печень и селезенку и бросает их в воду, женщина вследствие этого умирает...». Поэтому «лезгин, поймавший Алпаб, отрезает ей одну из ее бесчисленных кос или один из пальцев руки...» и «хранит, как драгоценность, вместе с молитвой из Корана...», «...тогда Алпаб не осмеливается явиться»⁸ к роженице. О бытовании этого образа в лезгинском фольклоре как злого духа весьма обстоятельно говорит в своей работе Ф. И. Вагабова⁹.

Родословная Алпаб и изображение ее характера позволяют сделать вывод о том, что это образ позднего времени по сравнению с образом женщины-кьуне, сохранившей первозданный облик божества, хотя они в отдельных моментах и похожи друг на друга. «Красные волосы», как деталь из портретной характеристики древнего священного существа, связанного с недоступным обыкновенному человеку миром, могла быть использована в новых условиях.

Достоин внимания то обстоятельство, что некоторые черты, присущие женщине-кьуне (могущественная связь с потомством), встречаются в женском демоническом образе не только у лезгин, но и других народов, населяющих современный Кавказ. Но чеченская Алмас, ногайская Албасти, казачья Лобасти, грузинская Чинка (Али), армянская Мардагел, рассказы о которых опубликованы в разных выпусках СМОМПК, также изображаются как приносящие человеку зло¹⁰. В этой эволюции женского образа ранее божественного характера сказалось, вероятно, влияние вредящих человеку сатанинских образов, воплощающих нечистую силу и связанных с религиями позднейших вре-

⁷ Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946, с. 158—159.

⁸ СМОМПК. Вып. 13. Тифлис, 1892, отд. II, с. 145.

⁹ Вагабова Ф. И. Формирование лезгинской национальной литературы. Махачкала, 1970, с. 29—30.

¹⁰ В заметках А. Грена, сопровождающих чеченские тексты, записанные и переведенные Ибрагимом Магомаевым из аула Гехи, по поводу Алмасов, в частности,

мен. И это обстоятельство удаляет рассказы эти от мифов и приближает к волшебным сказкам.

Одновременно небезынтересно вспомнить, что и у мекегинцев известен персонаж Алмас. Здесь в разговорном языке встречается проклятие в адрес мужчины: «Да сразит его Алмас (Сай Алмасли вяхъ)». Неизвестно, в каком облике он обитает, сказывают только, что он опасен у воды: при переходе речки в темноте или у родника.

Некоторые другие детали из портретной характеристики кьуне (рог, выступающий со лба старца-кьуне; перекинутые за плечи большие груди женщины-кьуне) встречаются в женском образе, в преданиях селения Кума Лакского района. В них говорится о рогатой женщине-великанше с перекинутыми за плечи большими грудями, являвшейся некогда к людям, чтобы покарать за сотворенное злодеяние и сострадать потерпевшим. Говорят, будто бы она одним рогом могла пахать землю, другим — небо, что ее появлению предшествовал страшный грохот¹¹.

Хотя женщина-великанша и «пребывает» в сферах, отдаленных от лона человеческого бытия, она ближе к кьуне, чем Алпаб, не только чертами внешнего облика, но и своим «предназначением». Эта лакская Немесида так же несет на себе печать божественного начала.

Попытка объяснить семантическое значение слова «кьуне» в даргинском языке приводит к неопределенной форме глагола «кIунбацIес». В «Русско-даргинском словаре» С. Абдуллаева оно дано в качестве перевода слова: «исчезнуть», как синоним слов «бетахъес» (потеряться, пропасть), «агарбизес» (сгинуть, пропасть). Слово «кIунбацIес» в то же время составное: «кIун» + «бацIес»; первая часть не переводится, вторая имеет самостоятельное значение: «растаять». Кьуне — существа, невидимые для человеческого глаза. И ребенок, который, якобы, пропадает из утробы матери при родах (мнимая беременность), «похищенный кьуне», тоже исчезает для родителей.

Созвучие между собирательным существительным «кIуне», обозначающим видовое понятие, словосочетаниями «кIунела хьунул» (женщина кьуне) и «кIунела ухъна» (старец-кьуне), звучащими сейчас собственными именами и переводимыми на русский язык как приложения, а также неопределенной формой глагола «кIунбацIес» (невидимо растаять, исчезнуть), ставит их в ряд этимологически родственных слов. Уж не «невидимки» ли божества Кьуне? Похоже как божества они встречаются не только в фольклоре селения Мекеги. То обстоятельство,

имеются комментарии. Вот что в них сказано: «...Это (Алмасы — А. А.) то же самое, что грузинские «али», сванетское «дал». Корень этого слова аккадийский от слова «алал» — «разрушитель», «разрушительница». В честь духов «алалей» есть множество аккадийских гимнов». — СМОМПК. Вып. 22, Тифлис, 1897, отд. III, с. 19.

¹¹ Сообщение Султановой Г. А.

что корень этого слова зафиксирован и в литературном языке, приводит к мысли о том, что кьуне должны быть известны и в фольклоре других даргинских сел. Нам известно, что представление о них как о сверхъестественных существах имеется в селении Аймаумахьи Сергокалинского района¹², а в селении Дейбук Дахадаевского района сохранилось предание о старинном квартале «кьунне»¹³.

Обращает на себя внимание тот факт, что предание о кьуне наиболее подробно знают в ауле Мекеги те сельчане, которые выросли в крепостной части аула, а более точно — в так называемом квартале «внутри ворот» («кьапула бухIнала»), расположенном у главного входа в бывшую крепостную часть села. В селении этот квартал считался самым древним. Здесь находится дом, из которого, якобы, вышла и ушла женщина-кьуне.

Довольно широкое распространение у многих народов Дагестана представлений о сверхъестественных существах в образе женщины¹⁴, позволяет сделать предположение, что в преданиях аула Мекеги звучат отголоски каких-то мифологических сюжетов очень архаичного пласта, связанные, возможно, еще с периодом сложения языческих раннеземледельческих культов.

¹² Сообщение Шапиевой У. М.

¹³ Сообщение Вагидова А. М.

Удвоенное «н» в слове «кьунни» можно объяснить характерной для этого диалекта особенностью к геминированию согласных.

Предание гласит, что квартал этот в случае опасности, угрожавшей общине, должен был выставлять сорок воинов-всадников на белых конях.

¹⁴ См.: Котович В. М. Образ богини-матери в древних писаниях горного Дагестана и некоторые параллели ему в мифологии и фольклоре. Тезисы докладов Всесоюзной научной конференции «Фольклор и историческая действительность». Махачкала, 1976, с. 63—65; Халидова М. Р. О дагестанском демонологическом образе Албаслы. Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований в Дагестане в 1973—1975 гг. Тезисы докладов. Махачкала, 1976, с. 35—36.

Список сокращений

АО	— Археологические открытия, М.
АСГЭ	— Археологический сборник Государственного Эрмитажа, Л.
АС Тр. ГИМ	— Археологический сборник, Труды Государственного исторического музея, М.
АЭС	— Археолого-этнографический сборник. Грозный. Нальчик.
ВГМГ	— Вестник Государственного музея Грузии, Тбилиси.
ВССА	— Вопросы скифо-сарматской археологии, М.
ИГАИМК	— Известия Государственной Академии истории материальной культуры, М.—Л.
Изв. СКНЦВШ	— Известия Северокавказского научного центра высшей школы, Ростов-на-Дону.
ИКИАИ	— Известия Кавказского историко-археологического Института, Тбилиси.
ИРАИМК	— Известия Российской Академии истории материальной культуры, М.—Л.
ИРАО	— Известия Русского археологического общества, М.
ИЧИКМ	— Известия Чечено-Ингушского краеведческого музея, Грозный.
ИЮОНИИ	— Известия Южно-Осетинского научно-исследовательского Института, Цхинвали.
КСИА АН СССР	— Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР.
КСИИМК	— Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР.
ЛОИА	— Ленинградское отделение Института археологии АН СССР.

МАО	— Материалы по археологии Адыгеи, Майкоп.
МАО	— Материалы по археологии Дагестана, Махачкала.
МАО	— Материалы по археологии Кавказа, М.
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР, М.—Л.
МКА	— Материальная культура Азербайджана, Баку.
МСПИАЭ	— Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований в СССР в 1964 г. Баку.
ОАО	— Отчет Археологической комиссии, СПб.
РФ ИИЯЛ	— Рукописный фонд Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР, Махачкала.
СА	— Советская археология.
СГЭ	— Сообщения Государственного Эрмитажа, Л.
СМАО	— Сборник материалов по археологии Адыгеи, Майкоп.
СМОМПК	— Сборник материалов по описанию местностей и племен Кавказа, Тифлис.
Тр. ГИМ	— Труды Государственного исторического музея, М.
Тр. КАО	— Труды Кахетской археологической экспедиции, Тбилиси.
Тр. ОИПК	— Труды Отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа, Л.
ТЮТАКЭ	— Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции, Ашхабад.
УСА	— Успехи среднеазиатской археологии, Л.
Уч. зап. ИИЯЛ	— Ученые записки Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР, Махачкала.
Уч. зап. КНИИ	— Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского Института, Нальчик.
Уч. зап. ЛГУ	— Ученые записки Ленинградского Государственного Университета, Л.
АО	— Archeologické rozhledy, Praha.
ЕА	— Eurasia septentrionalis Antiqua, Helsinki.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Гаджиев М. Г. — К выделению северокавказского очага каменной индустрии ранних земледельцев	7
Кореневский С. Н. — О металле эпохи ранней бронзы Дагестана	39
Котович В. Г. — К определению исторического места каякентско-хорочев- ской культуры	46
Котович В. М. — Мискинбулакский могильник	77
Козенкова В. И. — Восточный вариант кобанской культуры в свете по- следних археологических исследований	99
Котович В. Г. — О происхождении «кабардино-пятигорских» или «кимме- рийских» биметаллических кинжалов и мечей	119
Мирзоев Р. Н. — Древний дагестанский кинжал из коллекции ГИМ	124
Давудов О. М. — Беркейский могильник скифского времени	128
Печьева Л. Г., Кривицкий В. В. — Погребение скифского времени у с. Беркей	136
Давудов О. М. — К датировке некоторых фольклорных сюжетов народов Дагестана	145
Алиханова А. А. Древние сюжеты в преданиях аула Мекети	156
Список сокращений	162

ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ БРОНЗЫ И РАННЕГО ЖЕЛЕЗА В ДАГЕСТАНЕ

Редактор *Е. И. Чернигова.*

Художник *Н. П. Черемушкин.*

Технический редактор *П. Эльдарушева.*

Сдано в набор 25/XI-78 г. Подписано к печати 28/XII-78 г. Формат 70/90^{1/16}.
Печ. л. 10,2. Уч.-изд. л. 11,41. Заказ 723. Тираж 500 экз. Цена 83 коп. С03750.

Типография Дагестанского филиала АН СССР
Махачкала, 5-й жилгородок, корпус 10.

Цена 83 коп.